

Федеральный государственный образовательный стандарт
Образовательная система «Школа 2100»

Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова

РУССКИЙ ЯЗЫК и ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРА

11 класс · Часть 1

Базовый уровень



Москва
БАХАСС
2015

УДК 373.167.1:821.161.1
ББК 84 (2 Рос-Рус)я721
Б91

Федеральный государственный образовательный стандарт
Образовательная система «Школа 2100»



Совет координаторов предметных линий Образовательной системы «Школа 2100» – лауреат премии Правительства РФ в области образования за теоретическую разработку основ образовательной системы нового поколения и её практическую реализацию в учебниках

На учебник получены положительные заключения по результатам научной экспертизы (заключение РАН от 15.01.2014 № 000356), педагогической экспертизы (заключение РАН от 24.01.2014 № 000357) и общественной экспертизы (заключение НП «Лига образования» от 30.01.2014 № 216)

Б91 Бунеев, Р.Н.
Русский язык и литература. Литература. 11 кл. : учеб. для организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Базовый уровень. В 2 ч. Ч. 1 / Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова. – Изд. 2-е, испр. – М. : Баласс, 2015. – 224 с. : ил. (Образовательная система «Школа 2100»).

ISBN 978-5-906567-06-2

ISBN 978-5-906567-07-9 (ч.1)

Учебник «Русский язык и литература. Литература» («Между завтра и вчера. Вечный диалог») предназначен для учащихся 11 класса, изучающих литературу на базовом уровне. Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту среднего общего образования. Является продолжением непрерывного курса литературы и составной частью комплекта учебников развивающей Образовательной системы «Школа 2100». Обеспечивает развитие как предметных умений, так и универсальных учебных действий (познавательных, коммуникативных, регулятивных) обучающихся и подготовку к ЕГЭ.

Может использоваться как учебное пособие.

УДК 373.167.1:821.161.1

ББК 84 (2 Рос-Рус)я721

Данный учебник в целом и никакая его часть не могут быть скопированы без разрешения владельца авторских прав

Условные обозначения:



— произведения для чтения в полном объёме и текстуально-го изучения. Остальные произведения читаются по выбору учащихся и учителя, изучаются обзорно.

ISBN 978-5-906567-06-2
ISBN 978-5-906567-07-9 (ч.1)

© Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В.,
Чиндилова О.В., 2011, 2013
© ООО «Баласс», 2011, 2013

Нашим ученикам, педагогам, родителям

Учебник по литературе для 11-го класса «Между завтра и вчера. Вечный диалог» является продолжением учебника для 10-го класса «Между завтра и вчера» и завершает линию учебников из серии «Свободный ум» (авторы – Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова).

Ориентация на ученика-читателя – главная отличительная особенность всех наших учебников. В них вы не находили и не найдёте пересказов содержания, готовых образцов анализа литературных произведений, вопросов и заданий на воспроизведение сообщаемых в учебниках сведений. Вместо этого для чтения предлагаются фрагменты критических статей, отрывки из дневников, записных книжек и писем писателей, черновые варианты текстов, которые, по нашему убеждению, несут гораздо больше информации, чем обычная учебная статья.

По традиции мы включили в учебники для старшей школы *отдельные тексты художественных произведений* или фрагменты из них, другие тексты разных стилей, а также *варианты комментированного чтения, образцы диалога с автором*. Найдёте вы в учебниках и *критические материалы*, которые, как правило, представлены наиболее яркими, порой противоречивыми вариантами интерпретации произведений. Часть этих материалов известна как «классическая» критика, часть – взята из публикаций последних лет.

Особый подход к отбору и организации содержания, система заданий к читаемым произведениям – вот что также отличает наши учебники по литературе.

В учебниках для 10–11-го классов реализован сквозной для Образовательной системы «Школа 2100» *принцип минимакса*. Согласно этому принципу содержание учебников не сводится к чтению и изучению только авторов и произведений, определённых государственным стандартом. Расширение круга чтения позволяет реализовать в учебниках личностно ориентированный подход к ученику-читателю, даёт возможность учителю создать свою программу изучения литературы и, что особенно важно, обеспечивает представление о целостности русской литературы. Расширенное содержание учебников может осваиваться в ходе

изучения (авторы и произведения, включённые в стандарт), в ходе *ознакомления и самостоятельной работы* (для этого часть текстов включена в «Приложение»).

Принцип минимакса реализуется и в методическом аппарате учебников. Двухуровневая система заданий, наличие дополнительных материалов дают возможность каждому определить свой максимум – по интересам, способностям, возможностям. В целом учебники ориентированы на изучение литературы на базовом уровне (в соответствии с действующим государственным образовательным стандартом). Выполнение заданий уровня А в первую очередь обеспечит вам необходимый минимальный уровень литературного образования (в том числе и подготовку к итоговой аттестации). Задания уровня Б рассчитаны на тех, кого заинтересовало прочитанное, и могут быть предложены учащимся профильных классов и групп.

Важно, что характер заданий, их система в целом уже знакомы всем занимающимся по учебникам «Школы 2100» (в том числе по истории, биологии и другим предметам) и могут показаться «непонятными», сложными только в случае нарушения преемственности в литературном образовании.

По-своему мы решаем и такую традиционную задачу литературного образования, *как изучение художественного произведения в историко-литературном контексте*. Считаем, что школьный учебник по литературе должен не подменять собой пособие по её истории, а помогать читать и истолковывать литературные произведения.

По этой причине мы отказались от организации содержания учебников по хронологическому принципу и выбрали для них иной *структурообразующий принцип – проблемно-тематический*. Рассматривая творчество того или иного писателя через призму его жизненной философии, мы объединяем имена писателей в первую очередь по принципу близости их нравственных и философских исканий, общности волнующих тем, проблем. Предлагаемая в учебнике организация материала способствует актуализации русской классики в сознании современного школьника, помогает видеть перспективу развития литературы, в которую каждое поколение писателей вносит свой вклад. Такой подход учитывает и тот факт, что многие писатели, чьи произведения предлагаются для изучения, не просто хорошо знали друг друга, но и были связаны очень личными, порой противоречивыми и драматичными отношениями. Споры, сближение и расхождение этих людей во многом определили само развитие русской литературы, и поэтому мотив творческих и личных взаимоотношений писателей мы постарались провести через отдельные темы (разделы) учебников.

Подобная организация содержания учебного материала позволяет на практике, а не декларативно показать *целостность русской литературы*, объединяющими категориями которой вы-

ступают такие понятия, как *нравственность, духовность, патриотизм, психологизм, историзм, гуманизм, народность* и др.

В учебниках мы используем и другие средства, обеспечивающие целостное представление читателей об историко-литературном процессе: новая тема начинается с хронологической ленты времени, на которой обозначены границы жизни конкретного писателя, в каждый раздел включено большое количество документальных исторических материалов, причём не только текстовых, но и иллюстративных.

Документальное начало преобладает в учебниках и при работе с биографией писателя. Биографический материал начинается с краткой хронологической таблицы (для общего представления о жизни и творческом пути писателя) и дан в виде документального ряда (биография в письмах, документах эпохи, дневниках и т.п.). Мы учитывали, что у каждого писателя есть характерная черта, влияющая на его жизненную позицию и отражающаяся в его творчестве. Поиск (или раскрытие) такой черты стал стержнем каждой биографической темы, послужил основанием для включения имени писателя в тот или иной раздел учебника.

Документальные, мемуарные сведения позволяют нам максимально объективно рассказать о писателе, а вам помогут получить общее представление о его личности, воссоздать облик писателя во всей его сложности, а иногда и противоречивости, подготовиться к восприятию текста как проявлению духовной жизни конкретного человека.

Итак, разделы учебника включают имена писателей разных эпох, объединённых общими проблемами, эстетическое и социальное значение которых остро ощущается в наше время.

Разделы учебника состоят из тем «по писателям» (монографических тем), в которые входят следующие блоки:

- биографический;
- чтение текстов;
- критика.

Последовательность блоков внутри каждой темы не означает, что изучение творчества писателя должно идти именно в таком жёстком порядке. Надеемся на творческий подход педагогов, который позволит использовать учебные материалы максимально эффективно. Например, знакомство с судьбой многих писателей вполне уместно соединить с чтением документов, писем, иллюстрирующих отношение к автору критиков того времени.

Предложенная организация учебного материала даёт возможность педагогу, ученику-читателю работать с какой-либо темой в рамках другого раздела.

В учебниках вы найдёте традиционное для старшей школы сочетание *монографических тем с обзорами*, дающими перспективы развития общества и искусства.

Чаще всего о литературных явлениях, которые стали поворотными в литературном процессе и перешагнули границы своего

времени, на страницах учебников размышляет профессор-литературовед Николай Александрович Рождественский, знакомый читателям по курсу литературного чтения для 4-го класса и литературы для 10-го класса.

Появление этого персонажа в учебниках для старшей школы не случайно. С одной стороны, его размышления, по нашему замыслу, могут служить вариантом литературного истолкования, оценки; а с другой – профессор, как частное лицо, имеет право выражать свои мысли и чувства, высказывать порой «особое», субъективное мнение, что может вызвать у наших читателей желание тоже свободно высказаться. К тому же в учебниках вы найдёте вопросы, обсуждение которых позволяет включиться в диалог, главное в котором – умение обосновать свою позицию, опираясь на текст.

Конечно, Н.А. Рождественский – это собирательный образ, который позволил нам обращаться к разным, иногда далёким от общепринятых, критическим и литературоведческим исследованиям. Как правило, ссылки на самые интересные и значимые работы, легшие в основу размышлений профессора, вы найдёте *в списке литературы и иных источников*, содержащих дополнительную информацию о писателе и его творчестве. Некоторые из материалов изданы давно, часть – в провинциальных издательствах, что-то было напечатано в журналах и газетах. Заметим, что в век интернет-технологий все эти источники доступны для читателей.

Обращаем также ваше внимание на *технологичность* нашего учебника. В основе его методического аппарата лежат две ведущие для Образовательной системы «Школа 2100» технологии: *проблемный диалог* и *технология продуктивного чтения*. Последняя предполагает, что учебники обеспечивают работу читателей на всех трёх этапах читательской деятельности: до, во время и после чтения текста.

Мы надеемся, что работа с нашим учебником будет для вас не только полезной, но и интересной.

Уверены, что все мы: авторы, педагоги, ученики-читатели, родители – *союзники и единомышленники*, признающие непреходящее значение литературы для всех нас.

Убеждены, что со школьной скамьи Человек и Гражданин формируется гуманитарным циклом предметов, первый среди которых – Литература.

*Ваши авторы Р.Н. Бунеев,
Е.В. Бунеева,
О.В. Чиндилова*

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература в контексте мирового литературного процесса

Общий взгляд на проблему диалога культур (литератур)

Учебник по литературе для 10-го класса мы закончили разговором о том, что такое диалог с идеальным читателем и что такое диалог двух литературных эпох – Золотого века русской литературы и эпохи смутного пока для исторической вечности века XX.

Учебник по литературе для 11-го класса мы снова начинаем с разговора о диалоге – в первую очередь о диалоге русской и европейской литератур.

В соответствии с теорией русского философа, историка культуры М.М. Бахтина справедливо будет рассматривать этот *«межкультурный»* диалог как обмен мнениями по основным, главным вопросам бытия, как равноправное общение разных культур, художественных миров, сознаний, воплощённых в литературных текстах.

Бахтин возражал против «узкого понимания диалогизма как спора, полемики», называя последние внешними, наиболее очевидными, но грубыми формами диалогизма. Доверие к чужому слову, поиски глубинного смысла, согласие, наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, сочетание многих голосов, дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т.п. – таким содержанием мы можем вслед за Бахтиным наполнить понятие диалог литератур.

Для подобного диалога важна способность культур «смотреть на себя со стороны», сосуществование в них противоположных мыслей. Развитие культуры (литературы) возможно только при наличии множества противоречий. В русской культуре, например, такими противоречиями философ Н. Бердяев называл, в частности, «искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт». Этот ряд можно дополнить другими противоречиями отечественной культуры: соединение признаков Запада и Востока; западничество и славянофильство; консерватизм и радикализм и др.

Кроме того, важно понимать, что целостным истоком диалогизма выступает понимание культуры в протяжённости её развития.

В каждой культуре выделяются периоды с характерными для них социальными, политическими, этическими и эстетическими ценностями, устремлениями, в соответствии с которыми меняется характер искусства, его этические концепции, изобразительные средства.

В основе любого исторического периода культуры лежит определённый тип художественного сознания, отражающий сознание человека, а также и социальную психологию времени. Проникая в художественные тексты и постигая своеобразие художественного сознания эпохи, читатель развивает свою художественно-эстетическую сферу, «присваивает» культуру.

Обратимся к истории нашей отечественной культуры. В ней можно выделить несколько исторических периодов: языческая Русь, Киевская Русь, Русь татарского периода, Московская Русь, императорская Россия, Россия советского и постсоветского периодов. Каждый период тоже можно структурировать. Так, в истории древнерусской литературы Д.С. Лихачёв выделяет семь этапов: литературу монументального историзма (XI в. – нач. XII в.); эпического стиля (период начавшейся феодальной раздробленности: XII в. – первая четверть XIII в.); лироэпического стиля (период первых десятилетий монголо-татарского ига: середина XIII в. – середина XIV в.) и т.д.

Далее выделяется литература XVIII века, литература первой половины XIX века, литература второй половины XIX века, литература XX века (до 1917 г.), литература советского периода (1917–1991), литература постсоветского периода. Можно выделить ещё некоторые переходные периоды (такими, в частности, окажутся период реформ Петра I, рубеж XVIII–XIX веков).

Выделение разных периодов, этапов в рамках определённой культуры позволяет организовать «внутрикультурный» диалог. В центре такого диалога, как и в «*межкультурном*» диалоге, – разнообразные представления о модели мира и человека, системе ценностей, своеобразии художественного стиля.

Данный вид диалога позволяет более системно представить культуру (в том числе и литературу) в динамике, развитии, нюансах, особенно – в переходные периоды, когда появляются произведения, вызывающие бурные литературные и общественные дискуссии. Среди подобных произведений XIX в. следует назвать «Грозу» А.Н. Островского, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Кто виноват?» А.И. Герцена, романы И.А. Гончарова, пьесу «Вишнёвый сад» А.П. Чехова и др. Все они отражают движение культуры в зависимости от изменения, развития общества. Их авторы не просто фиксируют или иллюстрируют те или иные общественно-культурные явления, а проникают, «вживаются» в них, стремясь понять ведущие проблемы, движение общественного и индивидуального сознания. Авторская позиция в таких произведениях настолько неоднозначна, что вызывала яростную критику как справа, так и слева (например, при появлении «Отцов и детей»).

Ещё один вид диалога, значимый для общего разговора о русской литературе и её месте в мировом литературном процессе, – *диалог личностей*. У каждой личности может быть своя логика, своя точка зрения на мир и человека, своя система ценностей. Автор, разумеется, имеет свою концепцию жизни, но он не подавляет личность своих героев, хотя и может вступать с ними в диалог, а мы, читатели, в свою очередь можем вступать *в диалог с автором*. На полифонии голосов, диалоге личностей строятся многие произведения, но в первую очередь это относится к романам Ф.М. Достоевского.

Данный вид диалога всегда связан с общим диалогом литературного произведения, который происходит в социуме, истории, культуре, «малом» или «большом» времени.

И последний значимый для нас вид диалога – *внутренний диалог*, связанный со способностью человека «присваивать» различные способы понимания мира, сталкивать в своём сознании разные точки зрения, разные типы логики и мышления. Можно назвать разные уровни внутреннего диалога, которые будут свидетельствовать о масштабе и развитости личности, но, несомненно, он начинается там, где «я» героя превращается в «Я» и «Ты».

Так, внутренние диалоги Катерины А.Н. Островского («Гроза») отражают всю драматичность жизни героини, которая больше уже не может существовать в этом нерасчленённом «я». Диалог иного качественного уровня ведут в своём сознании героини-идеологи Ф.М. Достоевского, в частности в романе «Преступление и наказание».

Человек наделён важнейшей способностью воспринимать произведение искусства, обнаруживая ассоциативную связь своей жизни с рядом культурно-исторических обобщений. Человек культуры как бы живёт в открытом, бесконечном мире. В нём появляется желание «примерить» на себя, «обжить» те или иные художественные миры или эпохи, мыслить их образами и картинами, жить в веках и культурах. Проявляется потребность переживания, созерцания, осмысления, эстетической оценки, интерпретаций произведений искусства. И такое активное, творческое сознание сможет сформироваться лишь в являющемся сутью человеческой истории, непрекращающемся диалоге культур (литератур).

- О каких видах диалога идёт речь в статье?
- К какому виду диалога можно отнести диалог двух литературных эпох?
- Что такое, по-вашему, диалог с автором через текст?
- К какому из перечисленных видов диалога вы готовы? Подтвердите ответ примерами.

Русская литература в диалоге с европейской культурой

Русская литература – одна из величайших литератур мира. Её влияние на мировой литературный процесс XIX–XX веков несомненно.

Сначала европейцы обратили внимание на Россию из-за её военных побед над шведами. Победа над Наполеоном и ввод русских войск в Париж окончательно показали, что Россия – мощное европейское государство.

И лишь с XIX века Европу начинает по-настоящему интересовать русская культура, и в первую очередь литература. Одна из важнейших причин – глубокое изменение русской литературы под влиянием диалога с европейской литературой и культурой. После сближения русской литературы с теми моделями, которые представлены в творчестве Шекспира и Мольера, Гёте и Шиллера, немецких, французских, английских романтиков, она стала понятна и интересна европейскому читателю, в то время как её формы, восходящие к древнерусским истокам, могли бы заинтересовать немногих специалистов.

Удивительно, но Шекспир, благодаря замечательным переводам, в чём-то более понятен русским, чем англичанам, для которых ощутимым препятствием становится архаизм языка шекспировской эпохи. Что касается новейшей литературы, здесь действует тот же закон: так, Голсуорси или Роллан были оценены русскими читателями выше, чем своими соотечественниками. Напротив, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, русскоязычные произведения В.В. Набокова, проза В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына были раньше и выше оценены на Западе, чем у нас.

Рассмотрим подробнее, как же происходило сближение разных литератур на протяжении двух веков.

Век XVIII

Россия ещё только знакомится с достижениями Европы, Пётр I многое заимствует, в том числе требует от русского общества практики организации общественного производства и социальной организации общества. Это было объективное требование, подкреплённое его волей и решимостью. Сам Пётр Алексеевич инициировал переводы европейской научной и технической литературы, что резко изменило русский язык. Для светской болтовни в обиход русской аристократии вошёл французский язык. Аристократическая Россия восприняла и полюбила Европу, стала её составляющей.

Во многом участь у европейских писателей XVII–XVIII веков, русские писатели XVIII столетия попали в ситуацию двойной зависимости: от античных памятников словесности, на которые

ориентировались представители классицизма, и от самих этих представителей.

После реформ Петра I, «прорубившего окно в Европу», внешне довольно быстро (до конца столетия) установилась синхронизация литературного процесса России и Западной Европы. В трактате В.К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739) М.В. Ломоносова, в «Эпистоле о стихотворстве» (1748) А.П. Сумарокова была обоснована силлаботоническая система стихосложения, определены стилистические нормы разных стихотворных жанров, освоены принципы классицизма. Оды Ломоносова вполне выдерживают сравнение с одами Вольтера, а оды Г.Р. Державина даже в большей мере отражают дух новых времён. Классицистические трагедии Сумарокова ничем не уступают трагедиям Готшеда, сатирическая комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль» – комедиям Мольера. Повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» заставила читателей пролить слёз не меньше, чем книги Ричардсона. В своём «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев приблизился к уровню трактатов Руссо.

Век XIX

В XIX веке в России сложилось культурное общество по линии писатель–читатель, то есть общество европейского типа.

Это Золотой век русской литературы, её «пушкинский период», время полнокровного диалога культур России и Европы.

Ещё продолжали творить кумиры XVIII века – Державин и Карамзин, а на литературном небосводе засверкала звезда В.А. Жуковского. Его переводы познакомили русскую читающую публику с шедеврами мировой литературы: от «Одиссеи» Гомера до баллад Гёте, Шиллера. Сам же он, переделав сюжет баллады Бюргера «Ленора», создал «Светлану», столь русскую по духу, что именно с Жуковского начинается собственно русский романтизм.

Другой великий современник Пушкина, А.С. Грибоедов, напишет комедию «Горе от ума», сюжет которой лишь в главных чертах напоминает иностранный первоисточник – комедию Мольера «Мизантроп». Но образы Чацкого, Софьи, Молчалина, Фамусова и представителей «фамусовской Москвы» обладают неповторимым русским колоритом. Особенно значим язык комедии, где, по утверждению Пушкина, едва ли не каждая строка могла бы стать пословицей.

С появлением А.С. Пушкина связано формирование новой русской литературы, которой уже не надо догонять Запад. Отдав дань сначала «лёгкой поэзии» в юношеских стихах, а затем романтизму («Руслан и Людмила»), он приступает к такой реформе литературного творчества, которую в это время Запад ещё не знает.

Пушкинская поэзия постепенно лишается выпренности классицизма и экзальтации романтизма, уменьшается роль художе-

ственных приёмов, делающих язык поэзии принципиально отличным от прозаической речи. Ярче всего это сказалось в романе в стихах «Евгений Онегин». Подобная реформа стиха на Западе случится лишь после «Цветов зла» Ш. Бодлера.

Реформируя язык прозы, Пушкин стремится достичь противоположного эффекта. Краткость и ёмкость, отточенность фразы в «Пиковой даме», «Повестях Белкина», «Капитанской дочке» поражают читателя. Позже по этому пути пойдут Флобер и Мопассан. В России же «поэтизация» прозы, соединённая с реалистическим, критическим взглядом на действительность, нашла иное, чем у Пушкина, выражение в произведениях Н.В. Гоголя. Не случайно Пушкин назвал написанного стихами «Евгения Онегина» «романом», а Гоголь снабдил «Мёртвые души» подзаголовком «поэма».

Выдающейся заслугой Пушкина следует считать то, что в драматургии поэт обратился к шекспировской (и отчасти мольеровской) традиции европейской литературы, усмотрев в ней наиболее глубокое проявление народности. Благодаря Пушкину, Шекспир и Мольер сыграли в русской культуре ту же историческую роль, какую во французской литературе сыграло обращение к античным образцам.

Поворотным моментом в истории русской литературы является 1830 г., ознаменованный созданием «Маленьких трагедий» Пушкина. В своей работе над «Маленькими трагедиями» Пушкин пытается соединить две линии в развитии мировой драматургии. Этот путь оказался плодотворным, именно по нему пошёл Гоголь в «Ревизоре», а за ним – все выдающиеся русские драматурги вплоть до Чехова и Горького.

Другим ярким примером установившегося в XIX веке глубокого взаимодействия русских и западноевропейских писателей может стать заочный диалог Пушкина и Мериме.

Внимание русского поэта к творчеству молодого французского писателя проявилось в том, что в «Песни западных славян» Пушкин включил сразу 11 переводов из «Гюзлы» Мериме.

В свою очередь, Мериме познакомил французских читателей с творчеством Пушкина, им были переведены «Пиковая дама», «Выстрел», «Цыганы», «Гусар», «Анчар», «Пророк», фрагменты из «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова». Мериме посвятил поэту большую статью «Александр Пушкин» (1868), в которой он ставит Пушкина выше всех европейских писателей.

История заочного общения Пушкина и Мериме позволяет утверждать, что Франция до начала XX века выступала как всемирный культурный посредник. Пройдя через освоение французами, творчество писателей разных стран, включая и Россию, становилось общедоступным. Напротив, даже второстепенные явления французской словесности оказывались в центре внимания европейских читателей.

Постепенный отход от западной традиции мы можем наблюдать с приходом в русскую литературу М.Ю. Лермонтова, кото-

рый трагическим стихотворением «На смерть поэта» буквально ворвался в русскую поэзию и занял в ней место преемника Пушкина. Лермонтов сам точно обозначил суть своего отличия от великого английского романтика Байрона:

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый изгнанник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Роман Лермонтова «Герой нашего времени», первый русский реалистический психологический роман в прозе, настолько оригинален, что не имеет аналогов в западной литературе ни по характерам и сюжетам, ни по композиции и языку.

Уже «Песня про купца Калашникова» и «Бородино» Лермонтова продемонстрировали его принципиальное отличие от западной традиции. Лермонтов опирается на традицию русской литературы и фольклора, создаёт русские характеры с подчёркиванием их самобытности, своей, русской логики чувствования и поведения.

Середина века стала для европейской литературы внутренним рубежом стабильной эпохи, а не началом нового периода. В равной степени это относится и к русской литературе. «Записки охотника» И.С. Тургенева, «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, поэзия Н.А. Некрасова, комедия А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» и другие литературные факты указывают на то, что крупнейшие реалисты второй половины века начали свои искания ещё в первой его половине.

Однако на рубеже XIX–XX веков русская литература постепенно начинает доминировать, образцами для подражания становятся И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, затем и М. Горький. В свою очередь, в отечественную культуру полноправно вошли Шекспир и Мольер, Вольтер и Руссо, Гёте и Шиллер, Гофман и Гейне, Байрон и Вальтер Скотт, Гюго и Жорж Санд, Бальзак и Диккенс, Мопассан и Золя, а позже – французские символисты, Метерлинк, Уайльд, Голсуорси, Шоу, Роллан, Т. Манн и другие выдающиеся писатели Европы.

Отечественные шедевры Золотого века оказались в окружении грандиозных европейских достижений, писателей.

- С творчеством кого из упомянутых в статье европейских писателей вы знакомы?
- Какая литература вам ближе – отечественная или зарубежная, классическая (а значит, проверенная временем) или современная? Ответ поясните.

Место русской литературы среди других литератур мира

Русская классическая литература обладает устойчивой к различным переменам спецификой, выделяющей её среди других литератур мира.

Конечно, специфична каждая национальная литература, причём специфика эта далека от стереотипов восприятия той или иной нации.

Так, «легкомысленные» французы на уровне своей классической литературы мирового масштаба представлены драматическими героями Стендаля, Бальзака, Гюго, Мериме, Мопассана, Золя.

Наоборот, будто бы чопорные и сдержанные англичане создали литературу, полную искрящегося юмора, иронии, сарказма: произведения Джонатана Свифта, Бернарда Шоу, Оскара Уайльда, Диккенса, Теккерея, Шекспира, у которого на пять трагедий приходится 22 комедии.

Стереотипно «замуштрованные порядком» немцы дали миру нежнейшую и глубочайшую поэзию Гёте и Гейне.

Русские, судя по анекдотам, не знающие ни в чём меры, внесли в сокровищницу мировой литературы произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова, Достоевского. Герои этих произведений с их философскими исканиями и тонкими душевными переживаниями – это интеллигенты мировой классической литературы (недаром само слово «интеллигенция» вошло в европейские языки из русского языка).

Большую роль в определении специфики русской литературы сыграли социально-исторические причины. Изначально она возникла с ориентацией на очень узкий круг грамотных людей, оставляя фольклору обслуживание запросов огромного населения России, не допущенного к грамоте. Основной слой грамотных людей составляли деятели церкви и государства, поэтому русской литературе на протяжении многих веков свойственна государственность и духовность, которая в ходе усиления светского начала в культуре преобразовалась в «душевность». Отсюда – особая задушевность произведений русской классики, заставившая иностранцев говорить о «загадочной русской душе».

Другая причина, повлиявшая на специфику русской литературы, – влияние самых разных культур. Различные культурные веяния не просто смешивались на территории России, а возвращались к истокам, накладывались на культуру, сохранявшую исходные фундаментальные черты. Возможно, это объясняет особый – синтезирующий характер русской литературы, обеспечивающий ей ключевое место во всемирной литературе, которая стала единым целым всего лишь немногим более ста лет назад.

Поэтому свою истинную роль русская литература начала приобретать совсем недавно и её значение в достаточной мере рас-

кроется ещё не скоро, когда она из литературы «срединной» превратится в литературу «центральной».

Если в литературе Европы на протяжении многих веков первенствовало эстетическое начало, то в русской литературе изначально первенствовало начало этическое, точнее даже нравственное, поскольку нравственность идёт от души, сердца, не от идеи должного, а от образа должной жизни.

Русская литература сразу же пошла по своему пути. Это ясно видно даже по способу построения сюжета и мотивации героев.

Так, европейская литература отличается стремлением к точности формы, содержание является малосущественным или легко варьлируемым. Главное в европейской литературе – сюжет, в котором закладываются все смыслы и все мотивы. Такая литература легко и с увлечением читается, позволяя читателю судить и делать выводы.

Для европейских стран в XIX веке характерно быстрое развитие форм массовой, развлекательной культуры, развиваются жанры приключенческого романа, детектива, мелодрамы и др., ориентированные на привлечение внимания очень широкого круга читателей.

В русской же литературе содержательная сторона произведения была важнее формы. Казалось бы, Пушкин уравнивал нравственное и эстетическое, содержание и форму. Но у Толстого и Достоевского исконный приоритет нравственного начала, содержательной стороны снова ощутим. Характерно, что даже творчество главы европейского эстетизма Уайльда в России воспринимают прежде всего в нравственном аспекте.

Принципиальное изменение ситуации могло произойти в советский период, когда в результате всенародной ликвидации безграмотности огромные массы получили доступ к книгам. Но здесь советские установки на воспитание нового человека высоких моральных принципов (нередко наивно-прямолинейные, но порождённые многовековой русской культурной традицией) сыграли решающую роль: литература сохранила свою нравственную ориентацию.

Современное состояние русской литературы, отмеченное ослаблением нравственного стержня, увлечением формальными экспериментами, бурным развитием жанров массовой культуры (детектива, женского романа и т.д.), очевидно, через определённое время изменится, и в ней снова отчётливо проступят (но уже в обновлённых формах) её фундаментальные черты, сложившиеся за тысячелетнее существование.

Очевидно, и формализм некоторых явлений русского искусства начала XX века и советского искусства 1920-х годов, оказавший огромное влияние на западную культуру, у нас оказался недолговечным не только из-за сталинских установок в области культуры, но и из-за того, что они не отвечают природе многовековой русской традиции.

Русская литература рассчитана на более медленное чтение, чем, например, англоязычная или франкоязычная. Это связано в первую очередь (но не только!) с языковыми особенностями. Такое замедление требует от писателей большей насыщенности каждой фразы мыслью, плавности, неторопливости стиля, отсутствия резких скачков в повествовании и слишком острых эмоциональных всплесков при описании чувств героев. В этом одна из причин особого внимания к описанию русской природы, неброской, равнинной, пробуждающей философские размышления над смыслом жизни и бытия.

Существительные, прилагательные, наречия обладают в русском языке невиданным богатством и разнообразием оттенков. Напротив, довольно бедная система времён глагола рождает такую особенность русской литературы, как тяготение к созданию статичных картин, грандиозных панорам, многофигурных композиций и относительное безразличие к действию, его быстрой смене, характерным для западной литературы. Время предстаёт в русской литературе, как правило, в простых и крупных формах прошедшего, настоящего.

Вместе с тем, очевидно, что нет отдельно европейского (мирового) и отдельно русского литературного процесса. Есть единый процесс формирования пространства человеческого целеполагания. Суть русской литературы в том, что она со временем обозначила совершенно другое пространство целеполагания, для европейского сознания незаметное.

В русской литературе сразу же появляется всё, что есть в европейской: жанр, сюжет, стиль, герой с понятной мотивацией, конфликт, социально определённое решение конфликта. Но, кроме того, есть ещё нечто, что делает всё это несущественной формой, поскольку русский герой не может быть социальным образом определён, мотивация его решений лежит вне социальности, а решение конфликта вообще отсутствует.

Как отмечалось, уже в первых произведениях древнерусской литературы возник «монументальный историзм», где историзм выступает в смысле связи любого частного события, отдельной судьбы человека с судьбой общества, государства. Это качество прошло через все века развития русской литературы. Ей практически чуждо восхищение индивидуалистом и близко стремление человека ощутить свою связь с другими людьми. Нередко это качество связывают с традициями жизни в крестьянской общине, сохранявшимися даже в светском обществе. Карьера, личный успех, обогащение, благополучие и даже личное счастье относятся не к ценностям, а скорее, к антиценностям русской литературы.

В самом общем виде русская литература есть глубокий, зачастую неразрешимый конфликт личности со всеми формами социальности. Естественно, что этот конфликт изначально проявился в форме сатиры (произведения Грибоедова, Радищева, Фонвизина), главным героем которых является русское общест-

во, а социальные типы лишь материализуются в нём. Именно по этой причине комедии мгновенно становились источником многочисленных пословиц и поговорок. Поэтому русский герой неизбежно обречён на гибель или уход в неизвестность. Отсюда трагическая судьба большинства писателей.

Вообще русская литература бьёт все рекорды по количеству мировых проблем на одно произведение. Позаимствовав у Запада саму проблематику, она застыла перед открывшимися ей задачами, пытаясь на художественном уровне решить вопросы, которые Запад пытался решить на философском. Результат – великая философия на Западе (немецкая) и великая литература в России.

Ваш Н.А. Рождественский

- Назовите другие причины (помимо особенностей языка), почему русская литература рассчитана на медленное чтение.
- Что вы понимаете под медленным чтением? Назовите писателей, чьи произведения, на ваш взгляд, требуют именно такого чтения.
- Напишите эссе на тему «Поэт в России больше, чем поэт».

Литература и иные источники

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
2. *Доманский В.А.* Литература и культура. – Томск, 2002.
3. *Григорьев А.Л.* Русская литература в зарубежном литературоведении. – Л., 1977.
4. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л., 1979.
5. *Луков Вл. А.* Русская литература: генезис диалога с европейской культурой. – М., 2006.
6. *Луков Вл. А., Луков Вал. А.* Шекспир и проблема взаимоотражения литератур. – М., 2007.
7. *Михальская Н.П.* Образ России в английской художественной литературе IX–XIX веков. – М., 2003.
8. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

РАЗДЕЛ I

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ЗЕРКАЛО НАРОДНОЙ ДУШИ

Темы проектов

1. Галерея «чудиков» и праведников в фольклоре и русской литературе.
2. Странники в русской литературе.
3. «Загадки» народной души.
4. Русский характер на изломах исторических эпох.
5. Гоголь и Достоевский: полемика «стоящих рядом».
6. Образ Петербурга в русской литературе.
7. Доходный дом в «Преступлении и наказании» Достоевского как мир «ковчега».
8. «По следам» героев романа-эпопеи Толстого «Война и мир».
9. Правила жизни А. Чехова и Л. Толстого.
10. «Война и мир» в иллюстрациях русских художников.

Темы сочинений¹

1. «С этой минуты началось моё существование...».
2. «Человек есть тайна...».
3. Романтические герои русской литературы.
4. Достоевский и теория Раскольникова.
5. Роман-предостережение Ф.М. Достоевского.
6. Наполеонизм Андрея Болконского и Родиона Раскольникова.
7. Любимые герои Л.Н. Толстого.
8. Женские образы в русской литературе.
9. Духовные искания героев русской литературы.
10. Русский характер в исключительных обстоятельствах.

¹ Здесь и далее предлагаются темы сочинений в основном обобщающего характера.

Россия, русские... Во всём мире тратятся немалые интеллектуальные усилия для того, чтобы понять «загадочную русскую душу», «особый» русский характер.

Одни считают, что в национальном характере нет ничего «таинственного» и вся «тайна» народной души заключается в том, что она русская, а не западная и не восточная. Просто русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ.

Другие вообще высмеивают представления о национальном характере народов. Например, немецкий писатель Генрих Бёлль остроумно назвал подобные представления «беллетристическими предрассудками», где «русские непременно с бородой, одержимые страстями и немного фантазёры; голландцы неуклюжие и, как дети, наивные; англичане скучные или немного «оксфордистые»; французы то чрезмерно чувственные, то невероятно рассудочные; немцы либо целиком поглощены музыкой, либо беспрестанно поглощают кислую капусту; венгры, как правило, безумно страстные, таинственные и накалённые, как нить электророзажигалки».

Споры не утихают, но пока одни спорят, другие воспевают эту самую «таинственную» и «загадочную» русскую душу:

Загадочная русская душа...

Она, предмет восторгов и проклятий,
Бывает кулака мужского сжатей,
Бетонные препятствия круша.
А то вдруг станет тоньше лепестка,
Прозрачнее осенней паутины.
А то летит, как в первый день путины
Отчаянная горная река.

Загадочная русская душа...

О ней за морем пишутся трактаты,
Неистовствуют киноаппараты,
За хвост комету ухватить спеша.
Напрасный труд! Пора бы знать давно:
Один Иванушка за хвост жар-птицы
Сумел в народной сказке ухватиться.
А вам с ним не тягаться всё равно.

Загадочная русская душа...

Сложна, как смена красок при рассветах.
Усилья институтов и разведок
Её понять – не стоят ни гроша.
Где воедино запад и восток
И где их разделенье и слиянье?
Где северное сходится сиянье
И солнечный энергии исток?

Загадочная русская душа...

Коль вы друзья, скажу вам по секрету:
Вся тайна в том, что тайны вовсе нету,
Открытостью она и хороша.

Тот, кто возвёл неискренность и ложь
В ранг добродетелей, понять бессилён,
Что прямота всегда мудрей извилин.
Где нет замков – ключей не подберёшь.
И для блуждающих во мгле закатной,
Опавших листьев золотом шурша,
Пусть навсегда останется загадкой
Рассвет в апреле –
Русская душа!

(Е. Долматовский, 1963)

Более всего на Руси любили и любят человека душевного, сердечного, совестливого. Если «душа всего дороже», то не тело, а совестливое сердце главным образом страдает от зла на земле, желает лучшей жизни. Отсюда и безграничное терпение, почти божественная кротость истинно русского человека, простота и достоинство, спокойное отношение к смерти как предельной форме зла.

С сердечно-созерцательным строем русской души связана и специфическая вера русских. Рассудочное отношение к религии воспринимается ими как поверхностное и мещанское. Даже И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов и другие писатели, утратившие личностную православную веру, отмечали эту особенность нашего религиозного менталитета.

Итак, согласимся, что понятие «русская душевность» всё-таки существует и известно во всём мире. А значит, предмет для нашего разговора реально существует.

Сначала уточним, что о народной душе, русском характере говорят отечественные философы.

И. Ильин как первичную душевную силу русского народа назвал «созерцание сердцем»: «Русская же душа, прежде всего, есть дитя чувства и созерцания. ...Русская культура построена на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы. Это они являются первичными силами и установками русской души, которая задаёт тон их могучему темпераменту. В качестве вторичных сил выступают воля, осознанная мысль, правовое сознание и организаторские функции».

«Природная свобода» русских порождает, по мысли И. Ильина, их «живой и богатырский темперамент, ...любовь к размаху... способность к воодушевлению, ...удаль...».

Русский человек, по Ильину, – дитя пространства, человек свободы, размаха и воли.

«Внутреннюю свободу» народа более других в русской философии исследовал Н. Бердяев: «Русский человек с большой лёгкостью... уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России... Странник – самый свободный человек на земле... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника... Россия – фантастическая страна духовного опьянения... страна самозванцев и пугачёвщины... страна мятежная и жуткая в своей стихийности».

Бердяев отмечал ещё одну особенность души русского народа: она «никогда не поклонялась золотому тельцу... Русский человек будет грабить и наживаться не чистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью...». То есть душевность (и духовность!) народа означает приоритет духовно-нравственных мотивов жизненного поведения и труда по сравнению с материальными, экономическими, политическими и т.п.

Идеи Бердяева, безусловно, созвучны классической отечественной литературе. Так, И.А. Бунин, посвятивший всю жизнь изучению души русского человека («Деревня», «Суходол», «Исход», «Антоновские яблоки»), отрицавший любовь к богатству, жизнь во имя материального преуспеяния, писал о себе: «Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишество и обычная низость этого благополучия вызывали во мне ненависть – даже всякая средняя гостиная с неизбежной лампой на высокой подставке под громадным рогатым абажуром из красного шёлка выводили меня из себя». В этот же ряд можно поставить и жизненные позиции А. Чехова, Н. Лескова, В. Шукшина, В. Распутина...

И ещё на одном настаивал философ Бердяев, когда писал о том, что нет на Земле другого такого противоречивого народа, как русский: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обострённое сознание личности и безликий коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; ...мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт».

Основное противоречие русского национального характера И. Ильин видел в том, что «он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом». Пресловутые русские «авось», «небось» и «ничего» всегда были знаком отмеченной выше особенности, противоречиво отражаясь на прочности русского бытия, судьбах его и страны.

Именно противоречивостью национального характера объясняют философы непредсказуемость русских людей и их абсолютную готовность к самопожертвованию, подвигу. Не в этом ли кроется загадка русской души?

Заметим, что противоречивость русского характера нашла своеобразное отражение в фольклоре.

С одной стороны, в центре эпических произведений народного творчества (былин) стоит герой, настоящий богатырь, могучий красавец, который защищает свой народ от всех зол. В таком герое воплощена вечная мечта народа о сильном и справедливом защитнике.

С другой стороны, главный герой русских народных сказок совсем не похож на героев-суперменов. В нём-то, возможно, и есть разгадка загадочной русской души и ключ к национальному характеру. Иванушка-дурачок не могуч и не красавец. Смешной, нелепый, униженно-приниженный, глупый, покорный, но всегда преодолевающий все препятствия и беды, он весь создан из противоречий. Выглядит дураком, слабым и глупым – в результате оказывается самым умным; ленивый и пассивный на вид – в решающий момент действует быстро и смело. Неотёсанный и тонкий, беспечный и заботливый, хитрый и доверчивый, в конце сказки он всех побеждает терпением, смирением, добротой и смекалкой. Поистине народ, придумавший себе «маленького» героя сначала в сказке, а затем в литературе, – это великий народ.

В Иванушках-дурачках кроется склад души русского человека, который, как точно подметил А. Платонов, «каменный, ещё зеленеющий мир превращает в чудо и свободу». Русским людям всегда кажется, что за всем злым и страдальческим миром есть другой, настоящий, подлинный, который можно достичь. Счастье (и душевное страдание) происходит не от материального бытия, а от понимания смысла жизни. Сильные «истиной» смысла жизни слабеют и телом и духом, остывают душой, когда теряют идею, нравственное значение жизни.

Для понимания основ русской классической литературы важно разобраться с такой ценностной основой русского характера, как стремление русских к идее, идеалу, бесконечному, возвышенному и святому, с чем они соразмеряют своё сознание и свою жизнь.

Стремление к совершенной правде и справедливости – ещё один, по мнению философов, источник русского героизма, подвижничества, готовности к жертве. Правда, это желание достичь абсолютного совершенства, готовности идти до конца в поисках идеала и истины может быть разрушительным для человека.

Об этом удивительно точно сказал литературный критик Н.Н. Страхов в статье о герое романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Раскольников есть истинно русский человек именно в том, что дошёл до конца, до края той дороги, на которую его завёл заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайно серьёзная, как бы религиозности, с которой они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед. Мы любим отдаваться целно, без уступок, без остановок на полдороги; мы не хитрим и не лукавим сами с собой, а потому не терпим мировых сделок между своею мыслью и действительностью. Можно надеяться, что это драгоценное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится в истинно прекрасных делах и характерах. Теперь же, при нравственной смуте, господствующей в одних частях нашего общества, при пустоте, господствующей в других, наше свойство доходить во всем до края – так или иначе – портит жизнь и даже губит людей».

О том, какими недостатками оборачивается бесконечное стремление к «светлому будущему», идеалу, писал также философ Н.О. Лосский: «Отрицательные свойства русского народа – экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм... нигилизм...» Вера в будущее «обеспложивает» настоящее, работу по его сохранению, приводит к перечёркиванию уже достигнутого, шараханию из одной крайности к другой.

Вместе с тем, философ признаёт и базовые ценности русского сознания: «Страстность и могучую силу воли можно считать принадлежащими к числу основных свойств русского народа».

- Попробуйте свести воедино высказывания русских философов. На основе этих высказываний подготовьте рассказ об особенностях русского национального характера, о «загадке» народной души.
- Составьте список писателей, имена которых упоминаются в тексте. Поясните, как каждый из них связан с проблемой русского национального характера.
- Приведите примеры из известных вам произведений русской классической литературы, подтверждающие справедливость суждений философов.

Итак, мы подошли к другой части нашего разговора. Попробуем разобраться, каким образом русская классическая литература отражала мысли отечественных философов о народной душе и «особом» русском характере.

Ещё в 1783 году Д.И. Фонвизин задал Екатерине II вопрос: «В чём состоит наш национальный характер?». Ответ императрицы был дан с полной серьёзностью: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных».

Следующий подход к решению проблемы видим в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (1790 г.). «Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто скорбь душевную означающее. Посмотри на русаго человека; найдёшь его задумчива. Если захочет разогнать скуку, или как-то он сам называет, если захочет повеселиться, то идёт в кабак. В веселии своём порывист, отважен, сварлив. Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающейся обгарённой кровью от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской».

Этот образ русского человека достаточно близок нашему нынешнему представлению о нём. Конечно, текст «Путешествия» с сегодняшней точки зрения выглядит не совсем понятным, но его ключевые слова очевидны: душа, судьба, тоска, скука, скорбь, разлука, веселье, обида, кровь... Опять на первом месте душа.

О «загадочной русской душе» на Западе заговорили именно под впечатлением от русской литературы. Европейцы вычленили из Толстого, Тургенева, Гончарова и Достоевского наш наци-

ональный типаж, что-то среднее между Обломовым и Макаром Девушкиным, наделив его чертами этой самой «загадочной русской души»: особая мечтательность, необыкновенная доброта, повышенная рефлексия, вечный поиск ответов на вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?»...

Русские писатели были ищущими, страждущими личностями, они задавали сами проклятые вопросы, не всегда получали на них ответ, они ошибались и удалялись от истины. Но при этом создавали литературу, философичную по своему складу и болеющую вечными вопросами.

Особой страстностью и могучей силой воли обладали Н. Лесков, М. Горький, А. Платонов, В. Шукшин и другие писатели, радевшие о благе русского народа. Старания не пропали даром, и их сокровенные мысли стали для нас ориентиром гражданской позиции и личного мужества.

Действительно, русская литература уже лет двести обеспечивает глубинный взгляд на мир, образует иерархию духовных ценностей, которые и лежат в основе формирования национального характера. Герои русской классики несут в себе и сознание греха, и стремление к покаянию, и жажду делать добро, и взлёты к идеалу святости и безграничной жертвенности «за други своя».

Именно в русской литературе мы найдём удивительные (святые и жертвенные) женские образы. Романтичная вначале Татьяна Ларина, для которой верность супружеской любви стала превыше всего, являет миру поразительную красу настоящей русской женщины... Рядом – образ Машеньки Мироновой из «Капитанской дочки», который полностью чужд идеологичности, подминающей под себя правду жизни.

Русская литература – настоящий кладёзь, в котором мы найдём и уроки воспитания, и семейный идеал. Достаточно вспомнить купца Калашникова, за родимую жёнушку восходящего на эшафот, и умельца Левшу Лескова, и народные начала в прозе И. Шмелёва.

«Живой» человек, то есть душевный (=духовный) человек, который ищет себя, создаёт себя, верен самому себе – вот главная ценность отечественной литературы.

Ответ на вопрос об истоках русской души, о мироощущении русского человека был дан ещё при жизни Пушкина, в статье критика Н. Надеждина с длинным названием «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности», опубликованной в 1836 году: «Наше отечество, по своей беспредельной обширности, простирающейся чрез целые три части света, наше отечество имеет полное право быть особенною, самобытною, самостоятельною частью вселенной. Ему ли считать для себя честью быть примкнутым к Европе, к этой частичке земли, которой не достанет на иную из его губерний?»

Самобытность, беспредельность, самостоятельность – таково отечество, таков человек в нём в понимании современников и

«наследников» Пушкина. Осмысление связи отдельной судьбы человека с судьбой отечества наметилось уже в первых произведениях древнерусской литературы и прошло через все века развития русской литературы. Потому ей чуждо восхищение индивидуалистом и близко стремление человека ощутить свою связь с другими людьми. Карьера, личный успех, обогащение, благополучие и даже личное счастье относятся не к ценностям, а скорее – к антиценностям русской литературы.

Вероятно, поэтому традиционный для композиции многих произведений западной литературы happy end («счастливый конец») практически отсутствует у русских писателей. Если же и используется (например, в некоторых пьесах А. Н. Островского), то обязательно окрашен страданием героев и подлинным концом не является.

Вообще для произведений русской литературы характерны незавершённость, недосказанность, «открытые» финалы. Вспомните «Горе от ума» Грибоедова, «Евгения Онегина» Пушкина, «Ревизора» и «Мёртвые души» Гоголя, «Вишнёвый сад» Чехова, «Судьбу человека» Шолохова... Впереди у вас – чтение «Преступления и наказания» Достоевского, «Тихого Дона» Шолохова и др. Там же, где повествование доведено до логического конца, нередко писатель продолжает свои размышления («Война и мир» Л. Толстого).

Размышление о том, каким образом русская классическая литература отражала и открывала народную душу, национальный характер, можно продолжить дальше. Однако главное вам скажет сама русская литература. Бесспорно, в названных выше её чертах обнаруживаются признаки того феномена, который в мире получил название «загадочная русская душа». Но важнее всё-таки иное – увидеть, как сквозь эту народную душу проступают контуры величественного образа России.

Ваш Н.А. Рождественский

- Найдите в тексте имена литературных героев. Назовите соответствующие литературные произведения и их авторов.
- Можно ли русскую литературу назвать зеркалом народной души? Ответ аргументируйте.

Литература и иные источники

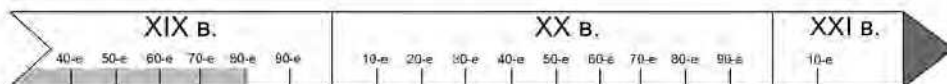
1. *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. – М., 1982.
2. *Гумилёв Л.Н.* Конец и вновь начало. – СПб., 2002.
3. *Ильин И.* Сущность и своеобразие русской культуры // Москва. – 1996. – № 1.
4. *Луков Вл. А.* Загадочная русская душа. – М., 2005.
5. *Мамлеев Ю.В.* Россия вечная. – М., 2002.
6. *Павловская А.В.* Как иметь дело с русскими. – М., 2003.
7. *Тарасов А.Б.* В поисках идеала: между литературой и реальностью. – М., 2006.



**📖 «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЕСЬ БОРЬБА»
Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881)**

Основные даты жизни и творчества Ф.М. Достоевского

- 1821, 30 октября (11 ноября) – родился в Москве.
- 1838–1842 – учёба в Инженерном училище в Петербурге.
- 1846 – публикация романа «Бедные люди» («Петербургский сборник»).
- 1849, 23 апреля – арест по делу Петрашевского.
- 1849, 22 декабря – инсценировка казни на Семёновском плацу в Петербурге.
- 1849–1854 – каторга.
- 1854–1857 – ссылка; возвращение в Петербург.
- 1861 – публикация романа «Униженные и оскорблённые» (журнал «Время»).
- 1861–1862 – публикация «Записок из Мёртвого дома» (журнал «Время»).
- 1866 – публикация романов «Преступление и наказание», «Идиот», (журнал «Русский вестник»).
- 1867 – женитьба на А.Г. Сниткиной.
- 1868 – публикация романа «Идиот» (журнал «Русский вестник»).
- 1871–1872 – публикация романа «Бесы» (журнал «Русский вестник»).
- 1873–1881 – публикация «Дневника писателя».
- 1875 – публикация романа «Подросток» (журнал «Отечественные записки»).
- 1879–1880 – публикация романа «Братья Карамазовы» (журнал «Русский вестник»).
- 1880, 8 июня – речь на Пушкинском празднике.
- 1881, 28 января (9 февраля) – умер в Петербурге.



Самый известный русский писатель для иноязычных читателей – Фёдор Михайлович Достоевский. Пожалуй, по популярности с ним может сравниться лишь А.П. Чехов.

Удивительно, но А.С. Пушкин, величайший гений отечественной литературы, практически не знаком зарубежным читателям. Для людей, не знающих русского языка, его творчество осталось малодоступным, несмотря на все усилия переводчиков. Неудачей закончилась и попытка писателя XX века В.В. Набокова. Он перевёл на английский язык «Евгения Онегина» и снабдил перевод огромным томом комментариев, но всё равно не смог преодолеть непонимание Пушкина иностранцами.

Та же судьба постигла М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя...

Первым русским писателем, чьё творчество получило европейское признание, стал И.С. Тургенев. Затем европейских читателей поразил роман Л.Н. Толстого «Война и мир» – глубиной и огромностью замысла, реалистичной точностью и историзмом описания мира и войны, психологизмом и полнокровностью образов. Толстой открыл читателям скрытую «диалектику души» своих героев, по сути – создал эпопею психологической жизни человека.

Ещё притягательней для западных читателей «загадочная русская душа» становилась по мере их знакомства с романами Ф.М. Достоевского.

У Достоевского была непростая судьба. Как писатель он прославился первым же романом «Бедные люди» (1846). Чуть позднее за чтение запрещённого письма критика Белинского к Гоголю и участие в деятельности кружка петрашевцев, на заседаниях которого обсуждались запрещённые идеи русских и западных социалистов-утопистов, был приговорён к смертной казни. Казнь в последнюю минуту заменили каторжными работами, и на целое десятилетие Достоевский вынужден был прервать литературную деятельность. По возвращении из ссылки он пишет один за другим романы, ныне признанные гениальными, но долгое время не получавшие должной оценки (например, Толстой начал высказываться положительно о Достоевском только после его смерти).

Часто романы Достоевского называют идеологическими, социально-философскими. Наверное, потому, что действие в них движется не столько сюжетом, сколько страстными поисками ответов на мучившие писателя вопросы о справедливости и правде жизни и попытками найти путь, который мог бы привести человечество к гармонии и счастью.

Поиски справедливости, истины характерны для многих героев Достоевского: они ведут горячие философские споры, размышляют над «проклятыми вопросами» русского общества. Но при этом писатель даёт возможность высказаться максимально откровенно людям с самыми разными убеждениями, с самым

разным жизненным опытом. И оказывается, что каждый из них движим своей правдой, своими принципами, порой абсолютно неприемлемыми для других. Некоторые герои в своих словах несут «правду» Достоевского, некоторые – идеи, которые автор не принимает. Не случайно романы Достоевского называют ещё и полифоническими (термин М.М. Бахтина), то есть «многоголосными»: в столкновении самых разных голосов и мнений писатель стремился найти ту высшую правду, ту единственную верную идею, которая могла бы стать общей для всех людей.

По-видимому, притягательная сила романов Достоевского как раз и заключается в том, что он далеко не всегда был убеждён в правильности своей позиции и не скрывал этого, главное для писателя было заставить читателя задуматься, принять нравственное решение, сделать выбор самому.

Сегодня Достоевский признан одним из величайших писателей всех времён и народов. Мировую читательскую аудиторию захватили диалогичность его стиля, острота не затихающих на страницах его книг философских споров, трагичность и болезненность страстей его героев, страдающих и приносящих страдание другим, находящих истину и правду в борьбе с собой. «Человек у Достоевского затевает спор с идеей, из которого он выходит победителем... рабство человека по отношению к идее осуждается Достоевским» – так критик И. Золотусский определил особенность творчества Достоевского, отличительную для национального характера и притягательную для любого читателя, независимо от места его проживания.

Достоевский, безусловно, по-прежнему остаётся одним из тех русских писателей, которых знают и которыми восхищаются в мире, несмотря на национальные различия, несовпадение политических взглядов и другие факторы, разъединяющие народы; одним из величайших писателей планеты, объединяющих человечество.

Когда-то юный Достоевский мечтал разгадать тайну человека. В конце жизни он говорил о тайне Пушкина. Для следующих поколений его собственное творчество, его романы тоже стали великой и притягательной тайной.

Н.А. Рождественский

Жизнь Ф.М. Достоевского в письмах и воспоминаниях

1. Обратите внимание на даты жизни писателя. Вспомните, какие события в общественной и литературной жизни России происходили в то время. Попробуйте предположить, какие из них могли повлиять на судьбу Ф.М. Достоевского.
2. Назовите имена современников Ф.М. Достоевского. Кто из русских писателей жил и творил в «эпоху Достоевского»?
3. Просмотрите материалы о жизни и творчестве Достоевского. Какие из источников можно отнести к эпистолярному жанру, какие – к мемуарам, какие – к явлениям художественной литературы?
4. Вернитесь к названию раздела о жизни и творчестве писателя (высказывание Л.Н. Толстого о Достоевском). Прочитайте тексты на «полях» учебника. Как они характеризуют личность Достоевского? Что говорят о судьбе писателя?

«Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня. Я очень часто задумываюсь и спрашиваю себя теперь: какие впечатления, большею частью, выносит из своего детства уже теперешняя современная нам молодежь?»

(Ф.М. Достоевский, из «Дневника писателя»)

«Первою книгою для чтения была у всех нас одна. Это священная история Ветхого и Нового Завета на русском языке. <...> Помню, как в недавнее уже время, а именно в 70-х годах, я, разговаривая с братом Фёдором Михайловичем про наше детство, упомянул об этой книге; и с каким он восторгом объявил мне, что ему удалось разыскать этот же самый экземпляр книги (то есть наш детский) и что он бережёт его как святыню.

<...> В это время к нам ходили на дом два учителя. Первый – это дьякон, преподававший Закон Божий. ...К его приходу в зале всегда раскладывали ломберный стол, и мы, четверо детей, помещались за этим столом вместе с преподавателем. Маменька всегда садилась сбоку, в стороне, занимаясь какой-нибудь работой. Многих впоследствии имел я законоучителей, но такого, как отец дьякон, не припомню. Он имел отличный дар слова и весь урок, продолжавшийся по-старинному часа полтора-два, проводил в рассказах, или, как у нас говорилось, в толковании Св. писания. Бывало, придёт, употребит несколько минут на спрос уроков и сейчас же приступит к рас-

«Каким глубоким и просвещённым человеческим чувством и какою тонкою, почти женственной нежностью может быть наполнено сердце иного грубого... крепостного русского мужика».

*(Ф.М. Достоевский,
из «Дневника писателя»)*

сказам. О потопе, о приключениях Иосифа, о Рождестве Христове он говорил особенно хорошо, так, что, бывало, и маменька, оставив свою работу, начинает не только слушать, но и глядеть на воодушевляющегося преподавателя. Положительно могу сказать, что он своими уроками и своими рассказами умилял наши детские сердца. Даже я, тогда шестилетний мальчик, с удовольствием слушал эти рассказы, нисколько не утомляясь их продолжительностью. Очень жалею я, что не помню ни имени, ни фамилии этого почтенного преподавателя, мы просто звали его отцом дьяконом. <...>

Время для старших братьев начало уже подходить такое, что по возрасту их пора уже было отдавать куда-либо в пансион с гимназическим курсом. <...>

Замечу тут кстати, что, несмотря на вспыльчивость отца, в семье нашем принято было обходиться с детьми очень гуманно и, несмотря на известную присказку к ижице, нас не только не наказывали телесно – никогда и никого, – но даже я не помню, чтобы когда-либо старших братьев ставили на колени или в угол. Главнейшим для нас было то, что отец вспылит. <...> Вероятно, это гуманное отношение к нам, детям, со стороны родителей и было поводом к тому, что при жизни своей они не решались поместить нас в гимназию, хотя это стоило бы гораздо дешевле. Гимназии не пользовались в то время хорошою репутациею, и в них существовало обычное и заурядное, за всякую малейшую провинность наказание телесное. Вследствие чего и были предпочтены частные пансионы. Наконец подготовка братьев была окончена, и они поступили в пансион ... с начала учебного курса, в 1834 году».

(Из «Воспоминаний» брата Андрея)

«...В тридцать седьмом году, когда мне было всего лишь около пятнадцати лет отроду, ... я и старший брат мой ехали с покойным отцом нашим в Петербург, определяться в Главное инженерное училище... Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали об чём-то ужасно, обо всём «прекрасном и высоком», – тогда это словечко было ещё свежо и выговаривалось без иронии... Мы верили чему-то страстно, и хоть мы оба отлично знали всё, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три, и даже дорогой, а я непрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни. Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин, и мы, дорогой, сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух».

«Смирись, гордый человек, потрудишься, праздный человек!».

*(Ф.М. Достоевский,
из «Пушкинской речи»)*

*(Ф.М. Достоевский,
из «Дневника писателя»)*

«Вообразите, что с раннего утра до вечера мы в классах едва успеваем следить за лекциями. Вечером же мы не только не имеем свободного времени, но даже ни минуты, чтобы повторить хорошенько на досуге слышанное в классах. Нас посылают на фрун-товое учение, нам дают уроки фехтования, танцев, пения, в которых никто не смеет не участвовать. Наконец, ставят в караул, и в этом проходит всё время».

(Ф.М. Достоевский – отцу М.А. Достоевскому, 1838 г.)

«Будь я на воле, на свободе... я обжился бы с железною нуждою. Стыдно было бы тогда мне и заикнуться о помощи... Теперь же... иметь чай, сахар... необходимо не из одного приличия, а из нужды. Когда вы мокнете в сырую погоду под дождём в полотняной палатке или в такую погоду придя с учёнья усталый, озябший, без чаю можно заболеть; что со мной случилось прошлого года на походе. Но всё-таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю... Прощайте, мой любезный папенька»

(Ф.М. Достоевский – отцу М.А. Достоевскому, 1839 г.)

«Что мне сказать тебе о себе... Давно я не говорил с тобою искренне. Не знаю, нахожусь ли я и теперь в духе, чтобы говорить с тобою об этом. Не знаю, но теперь гораздо чаще смотрю на меня окружающее с совершенным бесчувствием. Зато сильнее бывает со мною и пробуждение. Одна моя цель быть на свободе. Для неё я всем жертвую. Но часто, часто думаю я, что доставит мне свобода... Что буду я один в толпе незнакомой? Я сумею развязать со всем этим; но, признаюсь, надо сильную веру в будущее, крепкое сознание в себе, чтобы жить моими настоящими надеждами; но что же? <...> Душа моя недоступна прежним бурным порывам. Всё в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну; учиться, «что значит человек и жизнь», – в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно; более ничего не скажу о себе ...»

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу, 1839 г.)

«Когда судьба толкнула меня в чиновники, я... служил примерно, но только кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, развёртываю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире, и люблю, и люблю...»

(Ф.М. Достоевский, из «Петербургских свидений в стихах и прозе»)

«Помню, раз, в зимний январский вечер, я спешил с Выборгской стороны к себе домой. Был я тогда ещё

«Настоящая свобода – это одоление своей воли так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда, во всякий момент, быть самому себе настоящим хозяином».

*(Ф.М. Достоевский,
из «Дневника писателя»)*

очень молод. Подойдя к Неве, я остановился на минутку и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную, морозно-мутную даль, вдруг заалевшую последним пурпуром зари, догоравшей в мгlistом небосклоне. Ночь ложилась над городом, и вся необъятная, вспухшая от замёрзшего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась бесконечными мириадами искр иглисто-го инея. Становился мороз в двадцать градусов... Мёрзлый пар валил с усталых лошадей, с бегущих людей. Сжатый воздух дрожал от малейшего звука, и, словно великаны, со всех кровель обеих набережных подымались и неслись вверх по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь в дороге, так что, казалось, новые здания вставали над старыми, новый город складывался в воздухе... Казалось, наконец, что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми лицами их, приютами нищих или раззолочёнными палатами, в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грёзу, на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет и искурится паром к тёмно-синему небу. Какая-то странная мысль вдруг зашевелилась во мне. Я вздрогнул, и сердце моё как будто облилось в это мгновение горячим ключом крови, вдруг вскипевшей от прилива могущественного, но доселе незнакомого мне ощущения. Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но ещё не осмысленное; как будто прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир, мне незнакомый и известный только по каким-то тёмным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю, что с той именно минуты началось моё существование...»

(Ф.М. Достоевский, из «Петербургских сновидений в стихах и прозе»)

«Подал я в отставку, оттого что подал, то есть, клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром. Дело в том, что я, наконец, никогда не хотел служить долго, следовательно, зачем терять хорошие годы? <...> Никто не знает, что я выхожу в отставку. Теперь, если я выйду, — что тогда буду делать? У меня нет ни копейки на платье. <...> И меня пресерьёзно стащат в тюрьму (это ясно). Прекомическое обстоятельство».

(Ф.М. Достоевский — брату Михаилу, 1844 г.)

«Видали ли вы или слышали ли о мучимых маленьких детях, ну хоть о сиротках в иных чужих злых семьях? Видали ли вы, когда ребёнок забьётся в угол, чтоб его не видали, и плачет там, ломая ручки (да, ломая руки, я сам это видел) — и, ударяя себя крошечным кулачком в грудь, не зная сам, что он делает, не понимая хорошо ни вины своей, ни за что его мучают, но слишком чувствуя, что его не любят».

(Ф.М. Достоевский, из «Дневника писателя»)

«Нам тогда было по двадцати с небольшим лет. Я жил в Петербурге, уже год как вышел в отставку из инженеров, сам не зная зачем, с самыми неясными и неопределёнными целями. Был май месяц сорок пятого года. В начале зимы я начал вдруг "Бедных

людей", мою первую повесть, до тех пор ничего ещё не писавши. Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать. Литературных знакомств я не имел совершенно никаких, кроме разве Д.В. Григоровича, но тот и сам ещё ничего тогда не написал, кроме одной маленькой статейки "Петербургские шарманщики" в один сборник. Кажется, он тогда собирался уехать на лето к себе в деревню, а пока жил некоторое время у Некрасова. Зайдя ко мне, он сказал: "Принесите рукопись (сам он ещё не читал её). Некрасов хочет к будущему году сборник издать, я ему покажу". <...> Вечером того же дня, как я отдал рукопись, я пошёл куда-то далеко к одному из прежних товарищей; мы всю ночь проговорили с ним о "Мёртвых душах" и читали их, в который раз не помню. Тогда это бывало между молодёжью; сойдутся двое или трое: "А не почитать ли нам, господа, Гоголя!" – садятся и читают, и, пожалуй, всю ночь. Тогда между молодёжью весьма и весьма многие как бы чем-то были проникнуты и как бы чего-то ожидали. Воротился я домой уже в четыре часа, в белую, светлую как днём петербургскую ночь. Стояло прекрасное тёплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лёг, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут. <...> Они пробыли у меня тогда с полчаса, в полчаса мы бог знает сколько переговорили, с полслова понимая друг друга, с восклицаниями, торопясь; говорили и о поэзии, и о правде, и о "тогдашнем положении", разумеется, и о Гоголе, цитируя из "Ревизора" и из "Мёртвых душ", но, главное, о Белинском. «Я ему сегодня же снесу вашу повесть, и вы увидите, – да ведь человек-то, человек-то какой! Вот вы познакомьтесь, увидите, какая это душа!» – восторженно говорил Некрасов, трясая меня за плечи обеими руками. «Ну, теперь спите, спите, мы уходим, а завтра к нам!» Точно я мог заснуть после них! Какой восторг, какой успех, а главное – чувство было дорого, помню ясно: "У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ах, хорошо!" Вот что я думал, какой тут сон!

Некрасов снёс рукопись Белинскому в тот же день. <...>

И вот (это, стало быть, уже на третий день) меня привели к нему. <...> Он заговорил пламенно, с горящими глазами: "Да вы понимаете ль сами-то, – повторял он мне несколько раз и, вскрикивая по своему обыкновению, – что это вы такое написали!" Он вскрикивал всегда, когда говорил в сильном чувстве. "Вы только непосредственным чутьём, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? <...> Вы до

«Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком...»

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу, 1839 г.)

самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали. Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг всё понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возведена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..”

Всё это он тогда говорил мне. Всё это он говорил потом обо мне и многим другим, ещё живым теперь и могущим засвидетельствовать. Я вышел от него в упоении. Я остановился на углу его дома, смотрел на небо, на светлый день, на проходивших людей и весь, всем существом своим ощущал, что в жизни моей произошёл торжественный момент, перелом навеки, что началось что-то совсем новое, но такое, чего я и не предполагал тогда даже в самых страстных мечтах моих. (А я был тогда страшный мечтатель.) "И неужели вправду я так велик", – стыдливо думал я про себя в каком-то робком восторге. О, не смейтесь, никогда потом я не думал, что я велик, но тогда – разве можно было это вынести! <...> Я это всё думал, я припоминаю ту минуту в самой полной ясности. И никогда потом я не мог забыть её. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая её, укреплялся духом. Теперь ещё вспоминаю её каждый раз с восторгом».

(Ф.М. Достоевский, из «Дневника писателя»)

«Никогда, я думаю, слава моя не дойдёт до такого апогея, как теперь. Всюду почтение невероятное, любопытство насчёт меня страшное. Я познакомился с бездною народа, самого порядочно. Князь Одоевский просит меня осчастливить своим посещением, а граф Соллогуб рвёт на себе от отчаяния волосы. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет. Соллогуб обежал всех и, зашедши к Краевскому, вдруг спросил его: "Кто этот Достоевский? Где мне достать Достоевского?" Краевский, который никому в ус не дует и режет всех напропалую, отвечает ему, что "Достоевский не захочет вам сделать чести и осчастливить своим посещением"... Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли: Достоевский то-то сказал, Достоевский то-то хочет сделать.

Белинский любит меня как нельзя более. Тургенев влюблён в меня...».

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу, 1847г.)

«...Быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чём жизнь, в чём задача её...».

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу, 1849 г.)

«В сущности, я ещё не знаю доселе, в чём обвиняют меня. Мне объявили только, что я брал участие в общих

разговорах у Петрашевского, говорил вольнодумно и что, наконец, прочёл вслух литературную статью: "Переписку Белинского с Гоголем". Скажу от чистого сердца, что до сих пор для меня было всего на свете труднее – определить слово: вольнодумец, либерал. Что разуметь под этим словом? Человека, который говорит противузаконно? Но я видал таких людей, для которых признаться в том, что у них болит голова, – значит поступить противузаконно, и знаю, что есть и такие, которые готовы говорить на каждом перекрёстке всё, что только в состоянии перемолоть их язык. Кто видел в моей душе? Кто определил ту степень вероломства, вреда и бунта, в котором меня обвиняют? По какому масштабу сделано это определение? <...>

Если желать лучшего Отечеству – вольнодумство, то в этом смысле, может быть, я вольнодумец, в этом же смысле, в котором может быть назван вольнодумцем и каждый человек, который в глубине сердца своего чувствует себя вправе быть гражданином... Мне грустно было, что звание писателя унижено в наше время каким-то тёмным подозрением и что на писателя уже заранее, прежде чем он написал что-нибудь, цензура смотрит как будто на какого-то естественного врага правительству и принимается разбирать рукопись уже с очевидным предубеждением...».

(Ф.М. Достоевский, из «Объяснений и показаний по делу петрашевцев», 1949 г.)

«Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив копию с преступного письма литератора Белинского, читал это письмо в собраниях. Достоевский был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием "Солдатская беседа". А потому военный суд приговорил сего отставного инженер-поручика Достоевского за недонесение... лишить чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием».

(Из решения суда)

«Сегодня, 22 декабря нас отвезли на Семёновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моём, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу

«У нас в России всё ещё так думают, так чувствуют, как у Достоевского, может, даже, в большей степени, чем в его время».

(Андрей Битов)

привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры».

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу из Петропавловской крепости, 1849 г.)

«Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния. Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех; но думаю, что не ошибусь, сказав, что тогда, в ту минуту, если не всякий, то, по крайней мере, чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестье отречься от своих убеждений. Это дело давно прошедшее, а потому, может быть, и возможен будет вопрос: неужели это упорство и нераскаяние было только делом дурной натуры, делом недоразвитков и буянов? Нет, мы не были буянами, даже, может быть, не были дурными молодыми людьми. Приговор смертной казни расстрелянем, прочтённый нам всем предварительно, прочтён был вовсе не в шутку; почти все приговорённые были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь в себя и проверяя мгновенно всю свою, столь юную ещё жизнь, может быть, и раскаивались в иных тяжёлых делах своих (из тех, которые у каждого человека всю жизнь лежат в тайне на совести); но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится!»

(Ф.М. Достоевский, из «Дневника писателя»)

«Как оглянусь на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, – так кровью обливается сердце моё. Жизнь – дар, жизнь – счастье, каждая минута могла быть веком счастья. Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение моё».

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу из Петропавловской крепости, 1849 г.)

«Я не уныл и не пал духом, Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях не уныть и не пасть, – вот в чём жизнь, в чём задача её. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да! Правда! Та голова, которая создавала и свыклась с высшими потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Остались память и образы, созданные и ещё не воплощённые мной. Они изъ-

язвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и жалеть, и помнить, а это всё-таки жизнь...»

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу из Петропавловской крепости, 1849 г.)

«В Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чём не повинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осуждённые мужья. Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием – единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал её иногда и читал другим. По ней выучил читать одного каторжного».

(Ф.М. Достоевский, из «Дневника писателя»)

«Во всё это время, несмотря на сотни товарищей, я был в страшном уединении, и я полюбил наконец это уединение. Одинокий душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь мою, перебирал всё до последних мелочей, вдумывался в моё прошедшее, судил себя один неумолимо и строго и даже в иной час благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни. И какими надеждами забилося тогда моё сердце! Я думал, я решил, я клялся себе, что уже не будет в моей будущей жизни ни тех ошибок, ни тех падений, которые были прежде. Я начертал себе программу всего будущего и положил твёрдо следовать ей. Во мне возродилась слепая вера, что я всё это исполню и могу исполнить... Я ждал, я звал поскорее свободу; я хотел испробовать себя вновь, на новой борьбе. Порой захватывало меня судорожное нетерпение... Но мне больно вспоминать теперь о тогдашнем настроении души моей. Конечно, всё это одного только меня касается... Но я оттого и записал это, что, мне кажется, всякий это поймёт, потому что со всяким то же самое должно случиться, если он попадёт в тюрьму на срок, в цвете лет и сил».

(Ф.М. Достоевский, из «Записок из Мёртвого дома»)

«И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото... Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно.

Сколько историй... чёрного, горемычного быта. На целые томы достанет... Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его...».

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу из Омского каторжного острога, 1854 г.)

«Что сделалось с моей душой, с моими верованиями, с моим умом и сердцем... долго рассказывать. Но вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды. У меня теперь много потребностей и надежд, об которых я и не думал...

Если б не нашёл здесь людей, я бы погиб совершенно...

Мне надо жить, брат. Не бесплодно пройдут эти годы... Услышишь обо мне».

(Ф.М. Достоевский – брату Михаилу из Омского каторжного острога, 1854 г.)

«О, друг мой, я охотно бы пошёл опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро. Он выйдет эффектен, но того ли мне надобно! Работа из нужды, из денег задавила и съела меня.

И всё-таки для начала мне нужно теперь хоть три тысячи. Бьюсь по всем углам, чтоб их достать, – иначе погибну. Чувствую, что только случай может спасти меня. Из всего запаса моих сил и энергии осталось у меня в душе что-то тревожное и смутное, что-то близкое к отчаянью. Тревога, горечь, самая холодная суетня, самое ненормальное для меня состояние и, вдобавок, один, – прежних и прежнего, сорокалетнего, нет уже при мне. А между тем всё мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? Кошечья живучесть.

Описал я Вам всё и вижу, что главного – моей духовной, сердечной жизни я не высказал и даже понятия о ней не дал. Так будет и всегда, пока мы в письмах. Я письма не умею писать и об себе не умею в меру писать. Впрочем, оно и трудно: много лет легло между нами, да и каких лет!»

(Ф.М. Достоевский – другу А.Е. Врангелю, 1865 г.)

«Очень часто случалось в моей литературной жизни, что начало главы романа или повести было уже в типографии и в наборе, а окончание сидело ещё в моей голове, но непременно должно было написаться к завтраму».

(Ф.М. Достоевский, из «Примечания к статье Н. Страхова "Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве"»)

«Я убеждён, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я постоянно пишу, Тургенев умер бы от одной мысли».

(Ф.М. Достоевский – писательнице А.В. Корвин-Круковской, 1866 г.)

«Сколько раз случалось за последние четырнадцать лет его жизни, что две-три главы были уже напечатаны в журнале, четвёртая набиралась в типографии, пятая шла по почте в "Русский вестник", а остальные были ещё не написаны, а только задуманы».

(Из «Воспоминаний» жены писателя А.Г. Достоевской)

«...Много доставил мне этот «Дневник» счастливых минут, именно тем, что я узнал, как сочувствует общество моей деятельности. Я получил сотни писем изо всех концов России и научился многому, чего прежде не знал. Никогда и предположить не мог я прежде, что в нашем обществе такое множество лиц, сочувствующих вполне всему тому, во что и я верю. Во всех этих письмах если и хвалили меня, то всего более за искренность и прямоту».

(Ф.М. Достоевский – писательнице Л. А. Ожигиной, 1877 г.)

А

1. Достоевский считал, что «без святого и драгоценного, унесённого в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек». Какие события детства писателя повлияли на его судьбу? Аргументируйте свою точку зрения.

2. Достоевский утверждал, что не умеет в письмах писать «об себе в меру». Что тем не менее вы узнали о жизни Достоевского и его личности из писем писателя?

3. О каких событиях своей духовной жизни поведал писатель? Расскажите, используя цитаты из биографических материалов, о духовном становлении Достоевского-писателя.

4. Составьте на основе писем, «Дневника писателя» портрет Достоевского-читателя.

Б

1. Известно, что Достоевский и Гоголь, современники, жившие 30 лет бок о бок, никогда не встречались лично. Вместе с тем, их имена в истории литературы часто стоят рядом. Так, Достоевский участвовал в постановках «Ревизора», «Женитьбы», а письма и страницы его книг полны цитатами из «Ревизора» и «Мёртвых душ» Гоголя.

Подготовьте сообщение на тему «"Гоголевские" страницы в жизни Достоевского».

2. В июне 1880 г. Достоевский принял участие в пушкинских праздниках и в своей знаменитой речи высоко оценил роль Пуш-



кина в отечественной литературе: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое... И никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединился так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин... Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». В эти же дни Достоевский читал в Благородном собрании монолог Пимена из трагедии Пушкина «Борис Годунов», на литературном вечере – стихотворение Пушкина «Пророк».

Попробуйте, опираясь на текст речи, объяснить выбор пушкинских произведений, сделанный Достоевским для их публичного чтения.

3. Писатель и общественный деятель А.И. Герцен в 1850 г. составил мартиролог русской литературы, в который включил писателей, погибших на дуэлях и в сражениях (Пушкин, Лермонтов и др.), повешенных (Рылеев) и даже «убитых обществом». Какое место, по-вашему, в подобном мартирологе мог бы занять Достоевский?

4. Подготовьте сообщение на тему «Евангелие в жизни Достоевского».

Литература и иные источники

1. Белов С.В. Ф.М. Достоевский. – М., 1990.
2. Долинина Н.Г. Предисловие к Достоевскому. – М., 1997.
3. Достоевская А.Г. «Воспоминания». – М., 1987.
4. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского : в 3 т. – СПб., 1993–1995.
5. Селезнёв Ю.И. Достоевский. – М., 1990.
6. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. – М., 1990.
7. <http://az.lib.ru/dostoewskij>

Читаем и обсуждаем роман «Преступление и наказание»

Работа с текстом до чтения

1. Просмотрите хронологический перечень основных дат жизни и творчества Достоевского. По заглавиям произведений сформулируйте основную тему его творчества до 1866 г. Назовите романы, изданные, начиная с 1866 г. Какие события в жизни писателя отделяют два этапа его творчества?

2. Какой литературный жанр доминировал в творчестве Достоевского? Вспомните основные характеристики данного жанра.

3. Проанализируйте название романа.

Перечитайте размышления профессора Н.А. Рождественского о героях Достоевского. Используйте также материалы «Толкового словаря»:

Преступить – самовольно нарушить, отступить от чего-то.

Преступление – действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности.

О каком преступлении и наказании, по-вашему, может идти речь в романе Достоевского, всю жизнь занимавшегося тайной человека? Подберите синонимы к слову «наказание».

4. В романе шесть частей и эпилог, и только одна часть «отдана» преступлению, всё остальное рассказывает о наказании. О чём говорит такое деление?

5. Познакомьтесь с замыслом писателя, о котором он рассказал в 1865 г. в письме М.Н. Каткову, издателю журнала «Русский вестник»:

«Это психологический отчёт одного преступления. Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключённый из студентов университета, ...живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шаткости в понятиях поддавшись некоторым странным «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты... Он решает убить её, наоборот... и потом всю жизнь быть честным, твёрдым, неуклонным в исполнении «гуманного долга к человечеству», чем уж, конечно, «загладится преступление», если только можно назвать преступлением этот поступок над старухой глухой, глупой, злой и больной, которая сама не знает, для чего живёт на свете, и которая через месяц, может, сама собой померла бы...

Чувство разомкнутости и разъединённости с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его... Закон правды и человеческая природа взяли своё, убили убеждения, даже без сопротивления. Преступник сам решает принять муки, чтобы искупить своё дело».

Известно, что редакцию журнала многое смущало в романе, высказывалось даже «опасение за нравственность». Достоевский же в письме в редакцию от 8 июля 1866 г. уверял издателей, что в его произведении «зло и добро в высшей степени разделено». Удалось ли писателю, на ваш взгляд, разделить добро и зло уже на этапе замысла романа? Аргументируйте свой ответ.

6. Найдите в письме Достоевского издателю Каткову указание на место и время действия в романе. Что вы знаете о современной писателю эпохе?

Работа с текстом во время чтения

Петербург Достоевского

Один из главных художественных принципов Достоевского – достоверность.

В первой же фразе, даже не назвав имени героя, автор выводит его на улицы Петербурга: *«В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту»*.

Краеведы и историки литературы без труда расшифровали названия улиц и переулков в окрестностях Сенной площади, где происходит действие романа. Раскольников живёт в Столярном переулке, в районе Кокушкина моста (ч. 1, гл. 1); затем идёт по Вознесенскому проспекту и Конногвардейскому бульвару на Васильевский остров (ч. 1, гл. 3–4); потом через Тучков мост направляется на Острова и через тот же мост и Сенную площадь возвращается домой (ч. 1, гл. 5).

Но не в этом кроется секрет достоверности стиля писателя. Проследим по тексту романа за некоторыми авторскими приёмами изображения Петербурга.

- «Пройдите» по маршруту Раскольникова. Фиксируйте всё, что вы «увидели». Какие сцены уличной жизни вас наиболее потрясли? За чем, по-вашему, Достоевский так часто выносит действие романа на улицу, площадь, в распивочные?

- Сравните два описания города. Сделайте вывод, какое из них рисует Петербург Достоевского и его героя.

«На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду извѣстка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, – всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшиеся, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины» (ч. 1, гл. 1).

* * *

«Когда он ходил в университет, то обыкновенно, – чаще всего, возвращаясь домой, – случалось ему, может быть раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте, пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму и каждый раз почти удивляться одному неясному и неразрешимому своему впечатлению. Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина... Дивился он каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его, не доверяя себе, в будущее» (ч. 2, гл. 2).

• Сопоставьте описание Петербурга, данное в начале романа (ч. 1, гл. 1), с картиной, нарисованной во второй части романа. Найдите повторяющиеся детали.

«На улице опять жара стояла невыносимая; хоть бы капля дождя во все эти дни. Опять пыль, кирпич и извѣстка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики. Солнце ярко блистало ему в глаза, так что больно стало глядеть и голова его совсем закружилась, – обыкновенное ощущение лихорадочного, выходящего вдруг на улицу в яркий солнечный день» (ч. 2, гл. 1).

• Передайте своё ощущение от подобного городского пейзажа.

• Критик И.Ф. Анненский заметил, что «Преступление и наказание» – это роман знойного запаха извѣстки и олифы, но ещё более это – роман безобразных, давящих комнат».

Прочитайте описание каморки Раскольниковова и сделайте вывод об ощущениях героя, живущего в подобных условиях.

«Он проснулся на другой день уже поздно, после тревожного сна, но сон подкрепил его. Проснулся он желчный, раздражительный, злой и с ненавистью посмотрел на свою каморку. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими жёлтенькими, пыльными и всюду отставшими от стен обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и всё казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок. Мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашеный стол в углу, на котором лежало несколько тетрадей и книг; уже по тому одному, как они были запылены, видно было, что до них давно уже не касалась ничья рука; и, наконец, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях и служив-

«Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, готовится, вглядывается. Почему он это делает? А потому, что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает "главную идею его физиономии", тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста».

(Ф.М. Достоевский,
из «Дневника писателя»)

шая постелью Раскольникову. Часто он спал на ней так, как был, не раздеваясь, без простыни, покрываясь своим старым, ветхим, студенческим пальто и с одной маленькою подушкой в головах, под которую подкладывал всё, что имел белья, чистого и заношенного, чтобы было повыше изголовье. Перед софой стоял маленький столик» (ч. 1, гл. 3).

- Найдите в тексте описание комнат Мармеладовых, Сони, номера в гостинице, в котором останавливается Свидригайлов. О чём говорят повторяющиеся в описании интерьера детали?

- Петербург Достоевского нередко называют городом лестниц. Какими их изображает автор? Что описание лестниц добавляет к общему восприятию интерьера?

- Сделайте вывод о Петербурге Достоевского.

Раскольников и его теория

В центре каждого большого романа Достоевского стоит одна необыкновенная, значительная, загадочная человеческая личность, а все другие герои занимаются разгадкой тайны этого человека.

- Прочитайте описание внешности Раскольникова (ч. 1, гл. 1). Что выделяет его среди окружающих людей?

- Большую роль в характеристике героя у Достоевского играет описание глаз героя. Что можно сказать об отношении автора к герою и о самом герое, судя по описанию глаз Раскольникова?

- О чём говорят фамилия и имя героя? Какая дисгармония существует между ними?

- Практически всё о личности Раскольникова читатель узнаёт в начале романа, далее идёт двойное испытание героя – проверка его идеи и его личности.

Расскажите о Раскольникове-человеке, используя текст первой части романа. Можно ли его натуру назвать противоречивой? Аргументируйте своё мнение.

- Перечитайте первый сон Раскольникова. Поясните, как он характеризует героя, что говорит о его личности.

- Составьте план событий, происходящих в первой части романа. Что вас удивило? К каким выводам вы пришли?

По ходу действия Раскольников не раз оправдывает своё преступление социальными условиями: «А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят?». Некоторым современникам Достоевского также казалось, что именно бедность была главной причиной, толкнувшей героя на преступление: «Настоящей и единственной причиной являются всё-таки тяжёлые обстоятельства, пришедшиеся не по силам нашему раздражительному и нетерпеливому герою, которому легче было разом броситься в пропасть, чем выдерживать в продолжение нескольких месяцев или даже лет глухую, тёмную и изнуритель-

ную борьбу с крупными и мелкими лишениями» (критик Д.И. Писарев, статья «Борьба за жизнь»).

Вместе с тем наши современники, критики А. Вайль и П. Генис, справедливо заметили, что после совершения преступления условия жизни Раскольникова не изменились, однако это не толкало его на новые противоправные действия. По их мнению, преступление Раскольникова предопределено сложностью души героя. Только что жаловавшийся Соне на низкие потолки, он тут же противоречит себе: «Знаешь, Соня, ... если б только я зарезал из того, что голоден был, ... то я бы теперь... счастлив был! Знай ты это!».

Попробуем разобраться, каковы же другие, более глубокие причины преступления Раскольникова.

• Прочитайте три фрагмента текста и сформулируйте основные положения теории Раскольникова.

«Так мучил он себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то наслаждением. Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже, как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно, как зародилась в нём вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения. Теперь же письмо матери вдруг как громом в него ударило. Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или...»

«"Или отказаться от жизни совсем!" – вскричал он вдруг в иступлении, – послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!» (ч. 1, гл. 4).

«Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят

«Любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие божеской любви и есть верх любви на земле...»

(Ф.М. Достоевский,
из романа «Братья Карамазовы»)

быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, – смотря, впрочем, по идее и по размерам её, – это заметьте. ...Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признаёт за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное своё назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казнённых на пьедестал и им поклоняется (более или менее). Первый разряд всегда – господин настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели» (ч. 3, гл. 5).

* * *

«Не для того, чтобы матери помочь, я убил – вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и их всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, всё равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это всё теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...» (ч. 5, гл. 4).

• Есть ли среди героев романа кто-то, соответствующий представлениям Раскольникова о первом разряде людей? К какому разряду можно отнести его близких?

• Нарисуйте обобщённый портрет человека, «право имеющего». Чем сам Раскольников не соответствует этому портрету?

• Один из приёмов, используемых Достоевским для изображения душевного состояния своего героя, – монологи Раскольникова. Проанализируйте следующий монолог (ч. 3, гл. 6). Прокомментируйте, как человеческая натура героя столкнулась с его нечеловеческой теорией.

«"Старушонка вздор! – думал он горячо и порывисто, – старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело! Старуха была только болезнь... я переступить поскорее хотел... я не человека убил, я

принцип убил! Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил, на этой стороне остался... Только и сумел, что убить. Да и того не сумел, оказывается... <...> Я ведь всего однажды живу, я ведь тоже хочу... Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего, – прибавил он вдруг рассмеявшись, как помешанный. – Да, я действительно вошь, – продолжал

он, с злорадством прилепившись к мысли, роясь в ней, играя и потешаясь ею, – и уж по тому одному, что, во-первых, теперь рассуждаю про то, что я вошь; потому, во-вторых, что целый месяц всеблагое провидение беспокоил, призывая в свидетели, что не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имею в виду великолепную и приятную цель, – ха-ха! Потому, в-третьих, что возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику: из всех вшей выбрал самую наименее полезную и, убив её, положил взять у неё ровно столько, сколько мне надо для первого шага, и ни больше ни меньше (а остальное, стало быть, так и пошло бы на монастырь, по духовному завещанию – ха-ха!)... Потому, потому я окончательно вошь, – прибавил он, скрежеща зубами, – потому что сам-то я, может быть, ещё сквернее и гаже, чем убитая вошь, и заранее предчувствовал, что скажу себе это уже после того, как убью! Да разве с таким ужасом что-нибудь может сравниться! О, пошлость! О, подлость!.. О, как я понимаю "пророка", с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся "дрожащая тварь"! Прав, прав "пророк", когда ставит где-нибудь поперёк улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь, и – не желай, потому – не твоё это дело!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушонке!"

Волосы его были смочены потом, вздрагивавшие губы запеклись, неподвижный взгляд был устремлён в потолок.

"Мать, сестра, как любил я их! Отчего теперь я их ненавижу? Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить... Давеча я подошёл и поцеловал мать, я помню... Обнимать и думать, что если б она узнала, то... разве сказать ей тогда? От меня это станется... Гм! она должна быть такая же, как и я, – прибавил он, думая с усилием, как будто борясь с охватывавшим его бредом. – О, как я ненавижу теперь старушонку! Кажется, бы другой раз убил, если б очнулась! Бедная Лизавета! Зачем она тут подвернулась!.. Странно, однако ж, почему я об ней почти и не думаю, точно и не убивал?.. Лизавета! Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые!.. Зачем они не плачут? Зачем они не стонут?.. Они все отдают... глядят кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!.."»

«...Какой-нибудь Наполеон говорит: "Истребить весь город". Всегда так было на свете. Но кто же даёт право истребить, кто эти люди, берущие на себя так много, во имя чего они совершают свои дела?»

(Ф.М. Достоевский,
по воспоминаниям А. Сусловой,
1863 г.)

- О каком принципе говорит Раскольников? В чём винит себя?
- Можно ли согласиться с тем, что главное преступление Раскольникова – это убийство старухи и Лизаветы? Через что на самом деле переступил Раскольников?
- В чём видит преступление своего героя автор?

Достоевский развенчивает теорию Раскольникова, окружая его героями-двойниками, в которых отражались собственные мысли и поступки главного героя. Двойники в романе, как правило, искажённое, преувеличенное «зеркало» центрального персонажа, и главные из них появляются в романе уже после убийства.

- Перечитайте фрагменты текста, повествующие об Аркадии Ивановиче Свидригайлове (ч. 1, гл. 3; ч. 4, гл. 1, 2; ч. 6, гл. 3–6). Докажите, что Свидригайлов – герой, прошедший по пути Раскольникова много дальше.

- Почему после убийства Раскольников начинает ненавидеть самых близких людей – мать и сестру, зато тянется к циничному Свидригайлову, тоже нарушившему человеческие законы?

- Первый понял, кто убил старуху-процентщицу и Лизавету, следователь Порфирий Петрович. Перечитайте описание поединков следователя с Раскольниковым (ч. 3, гл. 5; ч. 4, гл. 5).

Докажите, что Порфирий Петрович, как это ни странно, тоже двойник Раскольникова и именно потому он узнаёт в нём какие-то собственные мысли, хорошо понимает мотивы его преступления.

- Прочитайте описание последней встречи следователя с Раскольниковым (ч. 6, гл. 2). В чём Порфирий Петрович видит своё внутреннее родство с Раскольниковым и принципиальное отличие?

Наказание за преступление

В «Преступлении и наказании» Раскольников проходит через три напряжённых психологических поединка со следователем, два долгих разговора со Свидригайловым и несколько бесед-исповедей с Соней Мармеладовой. Именно Соня оказывается главным зеркалом Раскольникова – грешница и праведница одновременно, носительница иной, принципиально отличной от раскольниковской, идеи.

- Как в жизни Сони совмещаются судьбы преступницы и жертвы?
- Ради чего (кого) Соня нарушала нравственные нормы, жертвовала собственной жизнью?
- Чем поразила Соня Раскольникова ещё при первом знакомстве? Почему в полубреду он объединяет её с убитой Лизаветой?

Обратимся к сцене первого посещения Раскольниковым Сони (ч. 4, гл. 4) – ключевому и переломному эпизоду, в котором началось сближение героев, носителей разных жизненных теорий.

Прочитайте текст, самостоятельно его комментируя. Во время чтения вы можете ориентироваться на подчёркнутые в тесте слова, в которых, на наш взгляд, заключается особый смысл.

Заметим, что многие исследователи, занимавшиеся анализом романа «Преступление и наказание», отмечали «сверхплотность» текста и приходили к идее его постраничного комментирования. Практически каждый эпизод романа подлежит нескольким прочтениям, которые существуют как бы на разных уровнях и потому не исключают, а дополняют друг друга.

* * *

«... А Раскольников пошёл прямо к дому на канаве, где жила Соня. Дом был трёхэтажный, старый и зелёного цвета. Он доискался дворника и получил от него неопределённые указания, где живёт Капернаумов портной. Отыскав в углу на дворе вход на узкую и тёмную лестницу, он поднялся наконец во второй этаж и вышел на галерею, обходившую его со стороны двора. Покамест он бродил в темноте и в недоумении, где бы мог быть вход к Капернаумову, вдруг, в трёх шагах от него, отворилась какая-то дверь; он схватился за неё машинально.

– Кто тут? – тревожно спросил женский голос.

– Это я... к вам, – ответил Раскольников и вошёл в крошечную переднюю. Тут, на продавленном стуле, в искривлённом медном подсвечнике, стояла свеча.

– Это вы! Господи! – слабо вскрикнула Соня и стала как вкопанная.

– Куда к вам? Сюда?

И Раскольников, стараясь не глядеть на неё, поскорей прошёл в комнату.

Через минуту вошла со свечой и Соня, поставила свечку и стала перед ним, совсем растерявшаяся, вся в невыразимом волнении и, видимо, испуганная его неожиданным посещением. Вдруг краска бросилась в её бледное лицо, и даже слёзы выступили на глазах... Ей было и тошно, и стыдно, и сладко... Раскольников быстро отвернулся и сел на стул к столу. Мельком успел он охватить взглядом комнату.

Это была большая комната, но чрезвычайно низкая, единственная отдававшаяся от Капернаумовых, запертая дверь к которой находилась в стене слева. На противоположной стороне, в стене справа, была ещё другая дверь, всегда запертая наглухо. Там уже была другая, соседняя квартира, под другим номером. Сонина комната походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырёхугольника, и это придавало ей что-то уродливое. Стена с тремя окнами, выходившая на канаву, перерезывала комнату как-то вкось, отчего один угол, ужасно острый, убежал куда-то вглубь, так что его, при слабом освещении, даже и разглядеть нельзя было хорошенько; другой же угол был

уже слишком безобразно тупой. Во всей этой большой комнате почти совсем не было мебели. В углу, направо, находилась кровать; подле неё, ближе к двери, стул. По той же стене, где была кровать, у самых дверей в чужую квартиру, стоял простой тесовый стол, покрытый синенькою скатертью; около стола два плетёных стула. Затем, у противоположной стены, поблизости от острого угла, стоял небольшой, простого дерева комод, как бы затерявшийся в пустоте. Вот всё, что было в комнате. Желтоватые, обшмыганные и истасканные обои почернели по всем углам; должно быть, здесь бывало сыро и угарно зимой. Бедность была видимая; даже у кровати не было занавесок.

Соня молча смотрела на своего гостя, так внимательно и бесцеремонно осматривавшего её комнату, и даже начала, наконец, дрожать в страхе, точно стояла перед судьёй и решителем своей участи.

– Я поздно... Одиннадцать часов есть? – спросил он, всё ещё не подымая на неё глаз.

– Есть, – пробормотала Соня. – Ах да, есть! – заторопилась она вдруг, как будто в этом был для неё весь исход, – сейчас у хозяев часы пробили... и я сама слышала... Есть.

– Я к вам в последний раз пришёл, – угрюмо продолжал Раскольников, хотя и теперь был только в первый, – я, может быть, вас не увижу больше...

– Вы... едете?

– Не знаю... всё завтра...

– Так вы не будете завтра у Катерины Ивановны? – дрогнул голос у Сони.

– Не знаю. Всё завтра утром... Не в том дело: я пришёл одно слово сказать...

Он поднял на неё свой задумчивый взгляд и вдруг заметил, что он сидит, а она всё ещё стоит перед ним.

– Что ж вы стоите? Сядьте, – проговорил он вдруг переменившимся, тихим и ласковым голосом.

Она села. Он приветливо и почти с состраданием посмотрел на неё с минуту.

– Какая вы худенькая! Вон какая у вас рука! Совсем прозрачная. Пальцы как у мёртвой.

Он взял её руку. Соня слабо улыбнулась.

– Я и всегда такая была, – сказала она.

– Когда и дома жили?

– Да.

– Ну, да уж конечно! – произнёс он отрывисто, и выражение лица его, и звук голоса опять вдруг переменялись. Он ещё раз огляделся кругом <...>

– Я бы в вашей комнате по ночам боялся, – угрюмо заметил он. <...>

Мне ваш отец всё тогда рассказал. Он мне всё про вас рассказал... И про то, как вы в шесть часов пошли, а в девятом назад

пришли, и про то, как Катерина Ивановна у вашей постели на коленях стояла.

Соня смутилась.

– Я его точно сегодня видела, – прошептала она нерешительно.

– Кого?

– Отца. Я по улице шла, там подле, на углу, в десятом часу, а он будто впереди идёт. И точно как будто он. Я хотела уж зайти к Катерине Ивановне...

– Вы гуляли?

– Да, – отрывисто прошептала Соня, опять смутившись и потупившись.

– Катерина Ивановна ведь вас чуть не била, у отца-то?

– Ах нет, что вы, что вы это, нет! – с каким-то даже испугом посмотрела на него Соня.

– Так вы её любите?

– Её? Да ка-а-ак же! – протянула Соня жалобно и с страданием сложив вдруг руки. – Ах! вы её... Если б вы только знали. Ведь она совсем как ребёнок... Ведь у ней ум совсем как помешан... от горя. А какая она умная была... какая великодушная... какая добрая! Вы ничего, ничего не знаете... ах!

Соня проговорила это точно в отчаянии, волнуясь и страдая, и ломая руки. Бледные щёки её опять вспыхнули, в глазах выразилась мука. Видно было, что в ней ужасно много затронули, что ей ужасно хотелось что-то выразить, сказать, заступитьсь. Какое-то ненасытимое сострадание, если можно так выразиться, изобразилось вдруг во всех чертах лица её.

– Била! Да что вы это! Господи, била! А хоть бы и била, так что ж! Ну так что ж? Вы ничего, ничего не знаете... Это такая несчастная, ах, какая несчастная! И больная... Она справедливости ищет... Она чистая. Она так верит, что во всём справедливость должна быть, и требует... И хоть мучайте её, а она несправедливого не сделает. Она сама не замечает, как это всё нельзя, чтобы справедливо было в людях, и раздражается... Как ребёнок, как ребёнок! Она справедливая, справедливая!

– А с вами что будет?

Соня посмотрела вопросительно.

– Они ведь на вас остались. Оно, правда, и прежде всё было на вас, и покойник на похмелье к вам же ходил просить. Ну, а теперь вот что будет?

– Не знаю, – грустно произнесла Соня.

– Они там останутся?

– Не знаю, они на той квартире должны; только хозяйка, слышно, говорила сегодня, что отказать хочет, а Катерина Ивановна говорит, что и сама ни минуты не останется.

– С чего ж это она так храбрится? На вас надеется?

– Ах нет, не говорите так!.. Мы одно, заодно живём, – вдруг опять взволновалась и даже раздражилась Соня, точь-в-точь как если бы рассердилась канарейка или какая другая маленькая птичка. – Да и как же ей быть? Ну как же, как же быть? –

спрашивала она, горячась и волнуясь. – А сколько, сколько она сегодня плакала! У ней ум мешается, вы этого не заметили? <...>

– А вам разве не жалко? Не жалко? – вскинулась опять Соня, – ведь вы, я знаю, вы последнее сами отдали, ещё ничего не видя. А если бы вы всё-то видели, о господи! А сколько, сколько раз я её в слёзы вводила! Да на прошлой ещё неделе! Ох, я! Всего за неделю до его смерти. Я жестоко поступила! И сколько, сколько раз я это делала. Ах как теперь целый день вспоминать было больно!

Соня даже руки ломала говоря, от боли воспоминания.

– Это вы-то жестокая?

– Да я, я! Я пришла тогда, – продолжала она плача, – а покойник и говорит: "прочти мне, говорит, Соня, у меня голова что-то болит, прочти мне... вот книжка" <...> у Лебезятникова, тут живёт, он такие смешные книжки всё доставал. А я говорю: "мне идти пора", так и не хотела прочесть, а зашла я к ним, главное чтоб воротнички показать Катерине Ивановне; мне Лизавета, торговка, воротнички и нарукавнички дёшево принесла, хорошенькие, новенькие и с узором. А Катерине Ивановне очень понравились, она надела и в зеркало посмотрела на себя, и очень, очень ей понравились: "подари мне, говорит, их, Соня, пожалуйста". *Пожалуйста*¹ попросила, и уж так ей хотелось. А куда ей надевать? Так: прежнее, счастливое время только вспомнилось! Смотрится на себя в зеркало, любит, и никаких-то, никаких-то у ней платьев нет, никаких-то вещей, вот уж сколько лет! И ничего-то она никогда ни у кого не попросит; гордая, сама скорей отдаст последнее, а тут вот попросила, – так уж ей понравились! А я и отдать пожалела, "на что вам, говорю, Катерина Ивановна?". Так и сказала, "на что". Уж этого-то не надо было бы ей говорить! Она так на меня посмотрела, и так ей тяжело-тяжело стало, что я отказала, и так это было жалко смотреть... И не за воротнички тяжело, а за то, что я отказала, я видела. Ах, так бы, кажется, теперь всё воротила, всё переделала, все эти прежние слова... Ох, я... да что!.. вам ведь всё равно!

– Эту Лизавету торговку вы знали?

– Да... А вы разве знали? – с некоторым удивлением переспросила Соня.

– Катерина Ивановна в чахотке, в злой; она скоро умрёт, – сказал Раскольников, помолчав и не ответив на вопрос.

– Ох, нет, нет, нет! – И Соня бессознательным жестом схватила его за обе руки, как бы упрасывая, чтобы нет.

– Да ведь это ж лучше, коль умрёт.

– Нет, не лучше, не лучше, совсем не лучше! – испуганно и безотчётно повторяла она.

– А дети-то? Куда ж вы тогда возьмёте их, коль не к вам?

– Ох, уж не знаю! – вскрикнула Соня почти в отчаянии и схватила за голову. Видно было, что эта мысль уж много-мно-

¹ Здесь и далее курсив автора.

го раз в ней самой мелькала, и он только вспугнул опять эту мысль.

– Ну а коль вы, ещё при Катерине Ивановне, теперь, заболаете и вас в больницу свезут, ну что тогда будет? – безжалостно настаивал он.

– Ах, что вы, что вы! Этого-то уж не может быть! – и лицо Сони искривилось страшным испугом.

– Как не может быть? – продолжал Раскольников с жёсткой усмешкой, – не застрахованы же вы? Тогда что с ними станется? На улицу всею гурьбой пойдут, она будет кашлять и просить, и об стену где-нибудь головой стучать, как сегодня, а дети плакать... А там упадёт, в часть свезут, в больницу, умрёт, а дети...

– Ох, нет!.. Бог этого не попустит! – вырвалось наконец из стеснённой груди у Сони. Она слушала, с мольбой смотря на него и складывая в немой просьбе руки, точно от него всё и зависело.

Раскольников встал и начал ходить по комнате. Прошло с минутой. Соня стояла, опустив руки и голову, в страшной тоске.

– А копить нельзя? На чёрный день откладывать? – спросил он, вдруг останавливаясь перед ней.

– Нет, – прошептала Соня.

– Разумеется, нет! А пробовали? – прибавил он чуть не с насмешкой.

– Пробовала.

– И сорвалось! Ну, да разумеется! Что и спрашивать!

И опять он пошёл по комнате. Ещё прошло с минутой.

– Не каждый день получаете-то?

Соня больше прежнего смутилась, и краска ударила ей опять в лицо.

– Нет, – прошептала она с мучительным усилием.

– С Полечкой, наверно, то же самое будет, – сказал он вдруг.

– Нет! нет! Не может быть, нет! – как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто её вдруг ножом ранили. – Бог, Бог такого ужаса не допустит!..

– Других допускает же.

– Нет, нет! Её Бог защитит, Бог!.. – повторила она, не помня себя.

– Да, может, и Бога-то совсем нет, – с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на неё.

Лицо Сони вдруг страшно изменилось: по нём пробежали судороги. С невыразимым укором взглянула она на него, хотела было что-то сказать, но ничего не могла выговорить и только вдруг горько-горько зарыдала, закрыв руками лицо.

– Вы говорите, у Катерины Ивановны ум мешается; у вас самой ум мешается, – проговорил он после некоторого молчания.

Прошло минут пять. Он всё ходил взад и вперёд, молча и не взглядывая на неё. Наконец подошёл к ней; глаза его сверкали. Он взял её обеими руками за плечи и прямо посмотрел в её плачущее лицо. Взгляд его был сухой, воспалённый, острый, губы

его сильно вздрагивали... Вдруг он весь быстро наклонился и, припав к полу, поцеловал её ногу. Соня в ужасе от него отшатнулась, как от сумасшедшего. И действительно, он смотрел как совсем сумасшедший.

– Что вы, что вы это? Передо мной! – пробормотала она, побледнев, и больно-больно сжало вдруг ей сердце.

Он тотчас же встал.

– Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческого поклонился, – как-то дико произнёс он и отошёл к окну. – Слушай, – прибавил он, воротившись к ней через минуту, – я давеча сказал одному обидчику, что он не стоит одного твоего мизинца... и что я моей сестре сделал сегодня честь, посадив её рядом с тобою.

– Ах, что вы это им сказали! И при ней? – испуганно вскрикнула Соня, – сидеть со мной! Честь! Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница! Ах, что вы это сказали!

– Не за бесчестие и грех я сказал это про тебя, а за великое страдание твоё. А что ты великая грешница, то это так, – прибавил он почти восторженно, – а пуще всего, тем ты грешница, что понапрасну умертвила и предала себя. Ещё бы это не ужас! Ещё бы не ужас, что ты живёшь в этой грязи, которую так ненавидишь, и в то же время знаешь сама (только стоит глаза раскрыть), что никому ты этим не помогаешь и никого ни от чего не спасаешь! Да скажи же мне наконец, – проговорил он, почти в исступлении, – как этакой позор и такая низость в тебе рядом с другими противоположными и святыми чувствами совмещаются? Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!

– А с ними-то что будет? – слабо спросила Соня, страдальчески взглянув на него, но вместе с тем как бы вовсе и не удивившись его предложению. Раскольников странно посмотрел на неё.

Он всё прочёл в одном её взгляде. Стало быть, действительно у ней самой была уже эта мысль. Может быть, много раз и серьёзно обдумывала она в отчаянии, как бы разом покончить, и до того серьёзно, что теперь почти и не удивилась предложению его. Даже жестокости слов его не заметила (смысла уколов его и особенного взгляда его на её позор, она, конечно, тоже не заметила, и это было видимо для него). Но он понял вполне, до какой чудовищной боли истерзала её, и уже давно, мысль о бесчестном и позорном её положении. Что же, что же бы могло, думал он, по сих пор останавливать решимость её покончить разом? И тут только понял он вполне, что значили для неё эти бедные, маленькие дети-сироты и та жалкая, полусумасшедшая Катерина Ивановна, с своею чахоткой и со стуканием об стену голову.

Но тем не менее ему опять-таки было ясно, что Соня с своим характером и с тем всё-таки развитием, которое она получила, ни в каком случае не могла так оставаться. Всё-таки для него составляло вопрос: почему она так слишком уже долго могла оставаться в таком положении и не сошла с ума, если уж не в силах была

броситься в воду? Конечно, он понимал, что положение Сони есть явление случайное в обществе, хотя, к несчастью, далеко не одиночное и не исключительное. Но эта-то самая случайность, эта некоторая развитость и вся предыдущая жизнь её могли бы, кажется, сразу убить её при первом шаге на отвратительной дороге этой. Что же поддерживало её? Не разврат же? Весь этот позор, очевидно, коснулся её только механически; настоящий разврат ещё не проник ни одной каплей в её сердце: он это видел; она стояла перед ним наяву...

"Ей три дороги, – думал он: – броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом, или... или, наконец, броситься в разврат, одурманивающий ум и окаменяющий сердце". Последняя мысль была ему всего отвратительнее; но он был уже скептик, он был молод, отвлечён и, стало быть, жесток, а потому и не мог не верить, что последний выход, то есть разврат, был всего вероятнее.

"Но неужели ж это правда, – воскликнул он про себя, – неужели ж и это создание, еще сохранившее чистоту духа, сознательно втянется наконец в эту мерзкую, смрадную яму? Неужели это втягивание уже началось, и неужели потому только она и могла вытерпеть до сих пор, что порок уже не кажется ей так отвратительным? Нет, нет, быть того не может! – восклицал он, как давеча Соня, – нет, от канавы удерживала её до сих пор мысль о грехе, и *они, те...* Если же она до сих пор ещё не сошла с ума... Но кто же сказал, что она не сошла уже с ума? Разве она в здравом рассудке? Разве так можно говорить, как она? Разве в здравом рассудке так можно рассуждать, как она? Разве так можно сидеть над погибелью, прямо над смрадной ямой, в которую уже её втягивает, и махать руками, и уши затыкать, когда ей говорят об опасности? Что она, уж не чуда ли ждёт? И наверно так. Разве всё это не признаки помешательства?"

Он с упорством остановился на этой мысли. Этот исход ему даже более нравился, чем всякий другой. Он начал пристальнее всматриваться в неё.

– Так ты очень молишься Богу-то, Соня? – спросил он её.

Соня молчала, он стоял подле неё и ждал ответа.

– Что ж бы я без Бога-то была? – быстро, энергически прошептала она, мельком вскинув на него вдруг засверкавшими глазами, и крепко стиснула рукой его руку.

«Ну, так и есть!» – подумал он.

– А тебе Бог что за это делает? – спросил он, выпытывая дальше.

Соня долго молчала, как бы не могла отвечать. Слабенькая грудь её вся колыхалась от волнения.

– Молчите! Не спрашивайте! Вы не стойте!.. – вскрикнула она вдруг, строго и гневно смотря на него.

«Так и есть! так и есть!» – повторял он настойчиво про себя.

– Всё делает! – быстро прошептала она, опять потупившись.

«Вот и исход! Вот и объяснение исхода!» – решил он про себя, с жадным любопытством рассматривая её.

С новым, странным, почти болезненным, чувством всматривался он в это бледное, худое и неправильное угловатое личико, в эти кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнём, таким суровым энергическим чувством, в это маленькое тело, ещё дрожавшее от негодования и гнева, и всё это казалось ему более и более странным, почти невозможным. «Юродивая! юродивая!» – твердил он про себя.

На комодке лежала какая-то книга. Он каждый раз, проходя взад и вперёд, замечал её; теперь же взял и посмотрел. Это был Новый Завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплёте.

– Это откуда? – крикнул он ей через комнату. Она стояла всё на том же месте, в трёх шагах от стола.

– Мне принесли, – ответила она, будто нехотя и не взглядывая на него.

– Кто принёс?

– Лизавета принесла, я просила.

«Лизавета! Странно!» – подумал он. Всё у Сони становилось для него как-то страннее и чудеснее, с каждой минутой. Он перенёс книгу к свече и стал перелистывать.

– Где тут про Лазаря? – спросил он вдруг.

Соня упорно глядела в землю и не отвечала. Она стояла немного боком к столу.

– Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня.

Она искоса глянула на него.

– Не там смотрите... в четвёртом евангелии... – сурово прошептала она, не подвигаясь к нему.

– Найди и прочти мне, – сказал он, сел, облокотился на стол, подпёр рукой голову и угрюмо уставился в сторону, приготовившись слушать.

«Недели через три на седьмую версту, милости просим! Я, кажется, сам там буду, если ещё хуже не будет», – бормотал он про себя.

Соня нерешительно ступила к столу, недоверчиво выслушав странное желание Раскольникова. Впрочем, взяла книгу.

– Разве вы не читали? – спросила она, глянув на него через стол, исподлобья. Голос её становился всё суровее и суровее.

– Давно... Когда учился. Читай!

– А в церкви не слышали?

– Я... не ходил. А ты часто ходишь?

– Н-нет, – прошептала Соня.

Раскольников усмехнулся.

– Понимаю... И отца, стало быть, завтра не пойдёшь хоронить?

– Пойду. Я и на прошлой неделе была... панихиду служила.

– По ком?

– По Лизавете. Её топором убили.

Нервы его раздражались всё более и более. Голова начала кружиться.

– Ты с Лизаветой дружна была?

– Да... Она была справедливая... она приходила... редко... нельзя было.

Мы с ней читали и... говорили. Она Бога узрит.

Странно звучали для него эти книжные слова, и опять новость: какие-то таинственные сходки с Лизаветой, и обе – юродивые.

«Тут и сам станешь юродивым! Заразительно!» – подумал он. – Читай! – воскликнул он вдруг настойчиво и раздражительно.

Соня всё колебалась. Сердце её стучало. Не смела как-то она ему читать. Почти с мучением смотрел он на «несчастную помещанную».

– Зачем вам? Ведь вы не веруете?.. – прошептала она тихо и как-то задыхаясь.

– Читай! Я так хочу! – настаивал он, – читала же Лизавете!

Соня развернула книгу и отыскивала место. Руки её дрожали, голосу не хватало. Два раза начинала она, и всё не выговаривалось первого слога.

«Был же болен некто Лазарь, из Вифании...» – произнесла она наконец, с усилием, но вдруг, с третьего слова, голос завенел и порвался, как слишком натянутая струна. Дух пересекло, и в груди стеснилось.

Раскольников понимал отчасти, почему Соня не решалась ему читать, и чем более понимал это, тем как бы грубее и раздражительнее настаивал на чтении. Он слишком хорошо понимал, как тяжело было ей теперь выдавать и обличать всё своё. Он понял, что чувства эти действительно как бы составляли настоящую и уже давнишнюю, может быть, тайну её, может быть ещё с самого отрочества, ещё в семье, подле несчастного отца и сумасшедшей от горя мачехи, среди голодных детей, безобразных криков и попреков. Но в то же время он узнал теперь, и узнал наверно, что хоть и тосковала она и боялась чего-то ужасно, принимаясь теперь читать, но что вместе с тем ей мучительно самой хотелось прочесть, несмотря на всю тоску и на все опасения, и именно ему, чтоб он слышал, и непременно теперь – «что бы там ни вышло потом!»... Он прочёл это в её глазах, понял из её восторженного волнения... Она пересилила себя, подавила горловую спазму, пресёкшую в начале стиха её голос, и продолжала чтение одиннадцатой главы Евангелия Иоаннова. Так дочла она до 19-го стиха:

«И многие из иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услыша, что идёт Иисус, пошла навстречу ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего ты попросишь у Бога, даст тебе Бог».

Тут она остановилась опять, стыдливо предчувствуя, что дрогнет и порвётся опять её голос...

«Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь*; верующий в меня, если и ум-

рёт, оживёт. И всякий живущий верующий в меня не умрёт во век. Верить ли сему? Она говорит ему:

(и как бы с болью переведя дух, Соня раздельно и с силою прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала.)

Так, Господи! Я верую, что ты Христос, сын Божий, грядущий в мир».

Она было остановилась, быстро подняла было на него глаза, но поскорей пересилила себя и стала читать далее. Раскольников сидел и слушал неподвижно, не оборачиваясь, облокотясь на стол и смотря в сторону. Дочли до 32-го стиха.

«Мария же, пришедши туда, где был Иисус, и увидев его, пала к ногам его; и сказала ему: Господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой. Иисус, когда увидел её плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, сам воскорбел духом и возмутился. И сказал: где вы положили его? Говорят ему: господи! поди и посмотри. Иисус прослезился. Тогда иудеи говорили: смотри, как он любил его. А некоторые из них сказали: не могли сей, отверзший очи слепому, сделать, чтоб и этот не умер?».

Раскольников обернулся к ней и с волнением смотрел на неё: да, так и есть! Она уже вся дрожала в действительной, настоящей лихорадке. Он ожидал этого. Она приближалась к слову о величайшем и неслыханном чуде, и чувство великого торжества охватило её. Голос её стал звонок, как металл; торжество и радость звучали в нём и крепили его. Строчки мешались перед ней, потому что в глазах темнело, но она знала наизусть, что читала. При последнем стихе: «не могли сей, отверзший очи слепому...» – она, понизив голос, горячо и страстно передала сомнения, укор и хулу неверующих, слепых иудеев, которые сейчас, через минуту, как громом поражённые, падут, зарыдают и уверуют... «И он, он – тоже ослеплённый и неверующий, – он тоже сейчас услышит, он тоже уверует, да, да! сейчас же, теперь же», – мечталось ей, и она дрожала от радостного ожидания.

«Иисус же, опять скорбя внутренно, проходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего Марфа говорит ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дни, как он во гробе».

Она энергично ударила на слово: четыре.

«Иисус говорит ей: не сказал ли я тебе, что если будешь верить, увидишь славу Божию? Итак, отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвёл очи к небу и сказал: Отче, благодарю Тебя, что Ты услышал меня. Я и знал, что ты всегда услышишь меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал меня. Сказав сие, воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, (громко и восторженно прочла она, дрожа и холодея, как бы вочию сама видела) обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами; и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его; пусть идёт.

Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в него».

Далее она не читала и не могла читать, закрыла книгу и быстро встала со стула.

– Все об воскресении Лазаря, – отрывисто и сурово прошептала она и стала неподвижно, отвернувшись в сторону, не смея и как бы стыдясь поднять на него глаза. Лихорадочная дрожь её ещё продолжалась. Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги. Прошло минут пять или более.

– Я о деле пришёл говорить, – громко и нахмурившись проговорил вдруг Раскольников, встал и подошёл к Соне. Та молча подняла на него глаза. Взгляд его был особенно суров, и какая-то дикая решимость выражалась в нём.

– Я сегодня родных бросил, – сказал он, – мать и сестру. Я не пойду к ним теперь. Я там всё разорвал.

– Зачем? – как ошеломлённая спросила Соня. Давешняя встреча с его матерью и сестрой оставила в ней необыкновенное впечатление, хотя и самой ей неясное. Известие о разрыве выслушала она почти с ужасом.

– У меня теперь одна ты, – прибавил он. – Пойдём вместе... Я пришёл к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдём!

Глаза его сверкали. «Как полоумный!» – подумала в свою очередь Соня.

– Куда идти? – в страхе спросила она и невольно отступила назад.

– Почему ж я знаю? Знаю только, что по одной дороге, наверно знаю, – и только. Одна цель!

Она смотрела на него, и ничего не понимала. Она понимала только, что он ужасно, бесконечно несчастен.

– Никто ничего не поймёт из них, если ты будешь говорить им, – продолжал он, – а я понял. Ты мне нужна, потому я к тебе и пришёл.

– Не понимаю... – прошептала Соня.

– Потом поймёшь. Разве ты не то же сделала? Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою (это всё равно!). Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься одна, сойдёшь с ума, как и я. Ты уж и теперь как помешанная; стало быть, нам вместе идти, по одной дороге! Пойдём!

– Зачем? Зачем вы это! – проговорила Соня, странно и мятежно взволнованная его словами.

– Зачем? Потому что так нельзя оставаться – вот зачем! Надо же, наконец, рассудить серьёзно и прямо, а не по-детски плакать и кричать, что Бог не допустит! Та не в уме и чахоточная, умрёт скоро, а дети? Разве Полечка не погибнет? Неужели не видала ты

здесь детей, по углам, которых матери милостыню высылают просить? Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор. А ведь дети – образ Христов: «Сих есть Царствие Божие». Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...

– Что же, что же делать? – истерически плача и ломая руки, повторяла Соня.

– Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймёшь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это! Это моё тебе напутствие! Может, я с тобой в последний раз говорю. Если не приду завтра, услышишь про всё сама, и тогда припомни эти теперешние слова. И когда-нибудь, потом, через годы, с жизнью, может, и поймёшь, что они значили. Если же приду завтра, то скажу тебе, кто убил Лизавету. Прощай!»...

- На какие приёмы изображения, характерные для художественного стиля Достоевского, вы обратили внимание? Какие детали кажутся вам узнаваемыми?

- Составьте «партитуру» чтения этого эпизода:

- отметьте, как по ходу диалога меняется эмоциональное состояние Сони и Раскольникова;

- проследите по тексту, как в разговоре постепенно нарастает эмоциональная напряжённость героев;

- зафиксируйте собственные ощущения, возникающие по ходу чтения. Подумайте, что в первую очередь определяло ваши эмоции.

- Проследите, как по ходу диалога меняется отношение Раскольникова к Соне. В какие моменты он нападает на Соню (на первый план выходит логика, которая связана с теорией), в какие – сочувствует ей? Чем можно объяснить такую смену?

- Докажите, что Раскольников пытается быть суровым обличителем, но не может презирать Соню за несоответствие своей теории.

- Что свидетельствует о том, что разговор был необычайно сложен и для Раскольникова?

- Что, по-вашему, означает поцелуй ног? Чем можно объяснить такое поведение Раскольникова? Связано ли это с его теорией?

- В какой момент Соня становится лидером в этом диалоге? В чём заключается её истинная сила и правда?

- Какую функцию в тексте выполняет многоточие? Приведите примеры из текста, когда многоточие обозначает растянутость во времени, поиск формулировки, неуверенность, недосказанность, непонимание.

- Обратите внимание на символику текста. Перечитайте первый абзац, изложенный от лица повествователя. Недоумение и темнота, символизирующие душевное состояние Раскольникова, – и какая-то

дверь, которую явно не случайно открывает сама Соня и за которую машинально хватается Раскольников. Какая авторская мысль «читается» в этой сцене?

- Объясните, почему именно Соня постепенно становится самым близким Раскольникову человеком.

- Расскажите о «правде» Сони и «правде» Раскольникова. Через что «переступил» каждый из них?

- Сделайте вывод, в чём заключается принципиальное различие между двумя «преступившими» героями – Раскольниковым и Соней.

- Принято считать, что именно «правда» Сони наиболее близка авторской точке зрения. Попробуйте (с учётом этой точки зрения) рассказать о нравственной позиции Достоевского.

- Почему именно после этой встречи Раскольников во всём признаётся Соне и отдаст себя в руки правосудию?

- Какую роль играет данный эпизод в тексте всего романа?

- Какую роль в жизни Раскольникова и Сони играет вера в Бога?

- Обратитесь к тексту притчи о Лазаре (из XI главы Евангелия от Иоанна), с совместного чтения которого начинается процесс возвращения героя к людям.

О чём она повествует? Попробуйте объяснить, почему именно эту притчу попросил прочитать Раскольников.

Учтите, что при публикации романа по поводу этого эпизода между Достоевским и редакцией «Русского вестника» возникли серьёзные разногласия. Для сохранения в тексте обширной евангельской цитаты Достоевский пошёл на значительные переделки по указаниям редакции, чего от него обычно почти невозможно было добиться.

- Как воспринимают герои историю чудесного воскресения Лазаря? В каких строках можно увидеть надежду на чудо нравственного воскресения Раскольникова? Какую роль в этом спасении автор отводит Соне?

Начало новой жизни

- Вспомните, что такое эпилог. Приведите из знакомых вам произведений русской классической литературы примеры закрытых эпилогов, назначение которых – кратко рассказать о жизни героев после окончания основного действия.

- Можно ли эпилог романа Достоевского отнести к закрытому типу?

- Какая из частей эпилога несёт на себе в первую очередь сюжетную нагрузку, какая – идейную?

Эпилог «Преступления и наказания» относят к типу открытых финалов. Перечитаем (выборочно) эпилог и попробуем разобраться почему.

<...>Но не бритой головы и кандалов он стыдился: его гордость сильно была уязвлена; он и заболел от уязвлённой гордости. О, как бы счастлив он был, если бы мог сам обвинить себя! Он бы снёс тогда всё, даже стыд и позор. Но он строго судил себя, и ожесточённая совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого промаху, который со всяким мог случиться. Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадёжно, глухо и глупо, по какому-то приговору слепой судьбы, и должен смириться и покориться пред «бессмыслицей» какого-то приговора, если хочет сколько-нибудь успокоить себя.

Тревога беспредметная и бесцельная в настоящем, а в будущем одна непрерывная жертва, которою ничего не приобреталось, – вот что предстояло ему на свете. И что в том, что чрез восемь лет ему будет только тридцать два года и можно снова начать ещё жить! Зачем ему жить? Что иметь в виду? К чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но он тысячу раз и прежде готов был отдать своё существование за идею, за надежду, даже за фантазию. Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего. Может быть, по одной только силе своих желаний он и счёл себя тогда человеком, которому более разрешено, чем другому.

И хотя бы судьба послала ему раскаяние – жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слёзы – ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своём преступлении.

Итак, Раскольников по-прежнему не отказался от своей идеи. Мало того, на каторге, где никому не было дела до его теории, он вновь возвращается к её оправданию перед самим собой.

<...>«Чем, чем, – думал он, – моя мысль была глупее других мыслей и теорий, роящихся и сталкивающихся одна с другой на свете, с тех пор как этот свет стоит? Стоит только посмотреть на дело совершенно независимым, широким и избавленным от обыденных влияний взглядом, и тогда, конечно, моя мысль окажется вовсе не так... странною. О отрицатели и мудрецы в пяточок серебра, зачем вы останавливаетесь на полдороге!

Ну чем мой поступок кажется им так безобразен? – говорил он себе. – Тем, что он – злодеяние? Что значит слово «злодеяние»? Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! Конечно, в таком случае даже многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами её захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах. Но те люди вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг».

Вот в чём одном признавал он своё преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною.

Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил? Зачем он стоял тогда над рекой и предпочёл явку с повинною? Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его? Ододел же Свидригайлов, боявшийся смерти? (Возвращаясь в прежнее состояние духа, герой снова с симпатией вспоминает Свидригайлова).

Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь.

Постоянное оправдание теории перед самим собой говорит о зарождающемся сомнении Раскольникова. Не было бы сомнения – не было бы этих бесконечных оправданий. И Раскольников уже предчувствует крах своих убеждений.

<...> В остроге, в окружающей его среде, он, конечно, многого не замечал, да и не хотел совсем замечать. Он жил, как-то опустив глаза: ему омерзительно и невыносимо было смотреть. Но под конец многое стало удивлять его, и он, как-то поневоле, стал замечать то, чего прежде и не подозревал. Вообще же и наиболее стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людом. Казалось, он и они были разных наций. Он и они смотрели друг на друга недоверчиво и неприязненно. Он знал и понимал общие причины такого разъединения; но никогда не допускал он прежде, чтоб эти причины были на самом деле так глубоки и сильны. <...>

Его же самого не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть – почему? Он не знал того. Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее.

<...> Неразрешим был для него ещё один вопрос: почему все они так полюбили Соню? Она у них не заискивала; встречали они её редко, иногда только на работах, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его. А между тем все уже знали её, знали и то, что она *за ним* последовала, знали, как она живёт, где живёт.

Итак, Раскольников, до этого не замечавший никого, начинает осознавать, что все каторжане ненавидят его и любят Соню. Он по-прежнему пытается возвысить себя над окружающими, не считает своё преступление таковым, но именно с осознания всеобщей ненависти и любви каторжан началось постепенное духовное перерождение Раскольникова.

Подтверждает справедливость этой мысли сон Раскольникова.

<...>Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселившиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. <...> Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовёт, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремёсла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, – но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всём мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

Отсутствие общих представлений о добре и зле, по мысли Достоевского, ведёт к страшным войнам и убийствам, моровой язве, уничтожающей всё человечество, за исключением нескольких «чистых и избранных, предназначенных начать новый род людей». Такова была бы судьба мира, если бы он полностью состоял из Наполеонов или Раскольниковых. Идея Раскольникова о праве сильной личности на преступление нравственных норм оказалась абсурдной, и герой уже приблизился к признанию этого.

Шла уже вторая неделя после Святой; стояли тёплые, ясные, весенние дни; в арестантской палате отворили окна (решётчатые, под которыми ходил часовой). Соня, во всё время болезни

его, могла только два раза его навестить в палате; каждый раз надо было испрашивать разрешения, а это было трудно. Но она часто приходила на госпитальный двор, под окна, особенно под вечер, а иногда так только, чтобы постоять на дворе минутку и хоть издали посмотреть на окна палаты. Однажды, под вечер, уже совсем почти выздоровевший Раскольников заснул; проснувшись, он нечаянно подошёл к окну и вдруг увидел вдали, у госпитальных ворот, Соню. (В романах Достоевского чрезвычайно важны подобные вдум). Она стояла и как бы чего-то ждала. Что-то как бы пронзило в ту минуту его сердце; он вздрогнул и поскорее отошёл от окна. В следующий день Соня не приходила, на третий день тоже; он заметил, что ждёт её с беспокойством. Наконец его выписали. Придя в острог, он узнал от арестантов, что Софья Семёновна заболела, лежит дома и никуда не выходит.

Он был очень беспокоен, посылал о ней справляться. Скоро узнал он, что болезнь её не опасна. Узнав в свою очередь, что он об ней так тоскует и заботится, Соня прислала ему записку, написанную карандашом, и уведомила его, что ей гораздо легче, что у ней пустая, лёгкая простуда и что она скоро, очень скоро, придёт повидаться с ним на работу. Когда он читал эту записку, сердце его сильно и больно билось.

День опять был ясный и тёплый. Ранним утром, часов в шесть, он отправился на работу, на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебаstra и где толкли его. <...> Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая брёвна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. (Только в эпилоге, когда началось «пробуждение» Раскольникова, на страницах романа появляются зарисовки весенней природы!) Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли ещё века Авраама и стад его. (Два образа мира – гибельного безумия из сна Раскольникова и вечной гармонии – символически сопоставлены друг с другом). Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грёзы, в созерцание; он ни о чём не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила.

Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было ещё очень рано, утренний холодок ещё не смягчился. На ней был её бедный, старый бурнус и зелёный платок. Лицо её ещё носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку.

<...> Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к её ногам. Он плакал и обнимал её колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и

все лицо её помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она всё поняла. В глазах её засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для неё уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит её и что настала же наконец эта минута...

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновлённого будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого.

<...> Всё, даже преступление его, даже приговор и ссылка, казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом. Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чём-нибудь думать, сосредоточиться на чём-нибудь мыслью; да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое.

Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря. В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия. Он сам попросил его у неё незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу. До сих пор он её и не раскрывал.

Он не раскрыл её и теперь, но одна мысль промелькнула в нём: «Разве могут её убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Её чувства, её стремления, по крайней мере...».

Впервые герой берёт в руки Евангелие. Для него вместо диалектики наступила жизнь.

<...> Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью. Это могло бы составить тему нового рассказа, – но теперешний рассказ наш окончен.

Итак, идея Раскольникова прошла в романе полный цикл: убийство и отпадение от человечества – страдание; признание, наказание – раскаяние, любовь, обретение Бога – возвращение к людям.

- Докажите, что эпилог оказывается ещё одним важным сюжетным звеном романа.

- Почему Раскольников после покаяния на Сенной и явки с повинной по-прежнему не считает преступлением убийство старухи-процент-

щицы и её сестры, а винит себя только в том, что оказался неспособным вынести это испытание?

- Какие новые перспективы для своих героев открывает Достоевский?

- Почему крушение героя и развенчание его идеи разведены у Достоевского во времени?

- Работая над романом, Достоевский специально помечает для себя в черновиках: «ПОСЛЕДНЯЯ СТРОЧКА: Неисповедимы пути, которыми находит Бог человека». Докажите, что, несмотря на то что последняя строчка в конце концов изменилась, смысл финала «Преступления и наказания» остался тем же.

Работа с текстом после чтения

А

1. Достоевский во время работы над романом ставил перед собой задачу «перерыть все вопросы в этом романе».

Перечислите проблемы (вопросы), которые поднимает писатель в «Преступлении и наказании». Покажите, как они связаны с сюжетными конфликтами и системой образов.

2. Обосновывая свою теорию, Раскольников обращается к историческим примерам, в частности к личности Наполеона: «Настоящий властелин, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне, и ему же, по смерти, ставят кумиры, – а стало быть, и всё разрешается».

Почему исследователи творчества Достоевского назвали теорию Раскольникова «самообманом»? В чём вы видите опасность подобных рассуждений?

3. Сопоставьте ключевые высказывания героев романа:

Лебезятников: «Всё, что *полезно* человечеству, то и благородно!».

Лужин: «... Возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано».

Порфирий Петрович: «...Страданье тоже дело хорошее. Пострадайте. ...Знаю, что не веруется, – а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, – прямо на берег вынесет и на ноги поставит».

Разумихин: «А по-моему, хорош человек – вот и принцип, и делать я ничего не хочу».

Раскольников: «... я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...».

Свидригайлов: «... я нахожу, например, что единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша».

С о н я: «Страдание принять и искупить себя им, вот что надо».

Что вы можете сказать о героях по их ключевым высказываниям? Жизненные позиции кого из героев можно назвать близкими?

4. Найдите в тексте ключевые высказывания других героев. Разверните любое из них в монолог героя.

5. Используя ключевые высказывания Сони и Раскольникова, составьте рассказ на тему «Две правды героев Достоевского».

6. В чём, по мнению Достоевского, заключалось главное преступление Раскольникова и его наказание? Насколько вам близка позиция автора?

7. Главный художественный приём Достоевского – движение по конфликтным точкам человеческой психики своих героев. Состояния, в которых пребывают его герои, – это состояния души и читателя, которого Достоевский постепенно тоже втягивает в конфликт.

Кто из героев вам ближе? Чьё душевное состояние мы проживаете как собственное?

8. Какой цвет преобладает в изображении Петербурга Достоевского? Случайно ли это? Перечитайте стихотворение символиста А.А. Блока «Фабрика» (см. Приложение). Чем вы объясните общность в символике цвета у авторов разных эпох и литературных жанров?

9. «Преступление и наказание» – самое законченное в своей форме и глубокое по содержанию произведение Достоевского, в котором он выразил свой взгляд на природу человека, его назначение и законы, которым он подчинён как личность» – так оценил роман философ В.В. Розанов («О Достоевском»). Каким вы увидели взгляд писателя на природу человека? В чём Достоевский видит назначение человека? По каким законам предлагает жить?

10. Найдите мировоззренческие переклички между романом Достоевского и стихотворением Н.С. Гумилёва «Фра Беато Анджелика»:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей – мгновенна и убога.
Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

11. Писатель неоднократно подчёркивал, что по его герою нельзя судить о нём. Однако, как любой художественный текст, роман многое говорит о личности автора. Что вы можете сказать о личности Ф.М. Достоевского после чтения романа?

12. Разновидность романа Достоевского определяли по-разному: роман-исповедь, роман-трагедия, роман-доказательство, идеологический роман, диалогический роман, социальный роман, философско-публицистический роман, полифонический роман.

Выберите одно из определений и аргументируйте его справедливость.

13. Писатель Ч. Айтматов образно заметил, что «тревожный набат Достоевского гудит, неумолчно взывая к человечности и гуманизму». Напишите эссе на тему «Набат Достоевского в сегодняшнем мире».

14. Почему эпилог романа «Преступление и наказание» относят к открытым эпилогам? Продолжите ряд философских вопросов, на которые Достоевский не дал в романе окончательного ответа: Кто спасёт погибающий от безумия мир? Есть ли иные (чем «вечная Сонечка») рецепты его спасения? Как быть, если человек не находит Бога?

Как бы вы ответили на любой из этих вопросов с позиции человека XXI века?


Б

1. «Преступление и наказание» называют главным петербургским текстом Достоевского. Известно, что начало «петербургским текстам» положили А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Прочитайте фрагменты поэмы Пушкина «Медный всадник». Обратитесь к «Невскому проспекту» Гоголя – одной из его «Петербургских повестей» (см. Приложение). Каким предстаёт Петербург в изображении Пушкина и Гоголя? Чем этот город отличается от Петербурга Достоевского?

2. Многими исследователями отмечался тот факт, что традиции сентиментализма сохранились даже в позднем творчестве Достоевского. Докажите или опровергните справедливость этого утверждения. Объясните, с какими целями писатель-реалист мог обратиться к этому литературному направлению.

3. Мы уже писали о «сверхплотности» романа Достоевского, которая особенно проявляется в трактовке снов героя. Сны Раскольникова хотя и связаны с происходящими наяву событиями романа, но в первую очередь повествуют о духовной жизни героя. Попробуйте прочитать первый сон Раскольникова (сон о забитой насмерть лошади) на нескольких уровнях: социальном (мысль о несуществующих несправедливостях), моральном (мысль Достоевского о том, что все за всех виноваты), аллегорическом (все перед всеми виноваты), символическом (мысль о насилии духа над плотью, которая понуждается к совершению преступления).

К каким выводам вы пришли?



4. Сопоставьте вашу трактовку сна Раскольникова с идейным смыслом стихотворения Пушкина. «Какая ночь! Мороз трескучий...» (1827) (см. Приложение).

Согласны ли вы с утверждением некоторых исследователей, что мысль о плоти, противящейся бесовству духа, у Достоевского – от Пушкина?

5. Один из героев романа современного писателя Б. Акунина «Пелагия и белый бульдог», епископ Митрофаний, говорит о преступлении Раскольникова: «...Автор чересчур облегчил себе задачу, когда заставил гордого Раскольникова убить не только отвратительную старуху-процентщицу, но ещё и её кроткую, невинную сестру. Это уж господин Достоевский испугался, что читатель за одну только процентщицу не захочет преступника осудить: мол, такую тварь вовсе и не жалко. А у Господа тварей не бывает, все Ему одинаково дороги. Вот если бы писатель на одной только процентщице всю недостойность человекоубийства сумел показать – тогда другое дело».

Что бы вы сказали в ответ на это замечание?

6. Некоторые читатели-писатели в образе Раскольникова чувствовали «художественную наглость автора» (И. Анненский), в романе в целом видели «контрабанду опасных взрывчатых веществ» (Д. Мережковский), в системе героев искали главного: «Не люблю Раскольникова, зеваю от Сони Мармеладовой, а вот следователь Порфирий Петрович мне безумно интересен. Достоевский про него мало сообщил, хочется больше, и Порфирий у меня главный герой» (Б. Акунин).

Насколько близки вам подобные суждения? Попробуйте обосновать или опровергнуть любое из них.

7. Какое воспитание получил Раскольников? Случайно ли, по вашему мнению, Достоевский сделал своего героя недоучившимся студентом?

Найдите место Раскольникову в ряду образов студентов, знакомых вам по произведениям русской литературы (нигилист Базаров в «Отцах и детях» И.С. Тургенева, инфантильный «вечный студент» Петя Трофимов в пьесе «Вишнёвый сад» А.П. Чехова и др.).

8. Тургенев, известный оппонент и литературный соперник Достоевского, по воспоминаниям современника С.Л. Толстого, назвал приём характеристики героя Достоевского «обратным общим местом»: «Знаете, что такое обратное общее место? Когда человек влюблён, у него бьётся сердце, он краснеет и т.д. Это всё общие места. А у Достоевского всё делается наоборот. Например, человек встретил льва. Что он сделает? Он, естественно, побледнеет и постарается убежать или скрыться. Во всяком простом рассказе, у Жюль Верна, на-

пример, так и будет сказано. А Достоевский, наоборот, скажет: человек покраснел и остался на месте. Это будет обратное общее место» (С.Л. Толстой. «Очерки былого»).

На ту же самую особенность художественного мира Достоевского обратил внимание литературовед Д.С. Лихачёв: «Любимые герои Достоевского – чудаки, странные люди, люди неуравновешенные, совершающие неожиданные поступки. Законы психологии как бы для них не существуют» (Д.С. Лихачёв. «Небрежение словом у Достоевского»).

Сопоставьте данные суждения с оценкой самим Достоевским своего художественного метода: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм – реальнее ихнего. Господи! Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, – да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм!» (Ф.М. Достоевский – А.Н. Майкову, декабрь 1868 г.).

О чём говорит Достоевский? Подготовьте сообщение на тему «Реализм Достоевского».

9. Проведите исследовательскую работу. Выберите одну из тем: «Истоки теории Раскольникова», «Отражение идей философских трудов Штирнера «Единственный и его собственность» и Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в статье Раскольникова «О преступлении», «Теория Родиона Раскольникова и философия Фридриха Ницше», «Влияние теории бонапартизма на взгляды Раскольникова», «Отражение философских концепций второй половины XIX века (позитивизм, анархизм, нигилизм) в романе Достоевского».

10. Познакомьтесь с двумя противоположными оценками творчества Достоевского. С какой из них вы согласны? Обоснуйте свой выбор.

«Достоевский есть самый интимный, самый внутренний писатель, так что, читая его, – как будто не другого кого читаешь, а слушаешь свою же душу, только глубже, чем обычно, чем всегда». (В. Розанов. «Чем нам дорог Достоевский»)

«...Я обычно смотрю на литературу под единственным интересным мне углом зрения, то есть как на явление мирового искусства и проявление личного таланта. С этой точки зрения Достоевский писатель не великий, а довольно посредственный, со вспышками непревзойдённого юмора, которые, увы, чередуются с длинными пустотами литературных банальностей». (В. Набоков. «Лекции по русской литературе»).

11. Писатель В. Набоков в своей статье о Достоевском перечисляет набор идей последнего после его возвращения из ссылки:



спасение через грех и покаяние, этическое превосходство страдания и смирения, непротивление злу, нравственная защита свободной воли, противопоставление эгоистичной Европы христианской России. При этом Набоков замечает, что «Достоевский, так ненавидевший Запад, был самым европейским из русских писателей».

Как вы понимаете и принимаете ли такую оценку личности и творчества Достоевского?

12. Познакомьтесь с иной оценкой места Достоевского в мировом литературном процессе, высказанной М.М. Бахтиным: «Он (Достоевский) сводил такие идеи и мировоззрения, которые в самой действительности были совершенно разобщены. ...Он предвидел появление новых голосов-идей в мировом диалоге. Вот почему этот русский и мировой диалог, звучащий в произведениях Достоевского с уже живущими и с только ещё рождающимися голосами-идеями, незавершёнными и чреватými новыми возможностями, до сих пор увлекает в высокую и трагическую игру умы и голоса читателей Достоевского».

Разверните мысль исследователя. Напишите размышление на тему «Русский и мировой диалог, звучащий в произведениях Достоевского».

Литература и иные источники

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
2. *Белов С.В.* «Роман "Преступление и наказание". Комментарии». – М., 1985.
3. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. – М., 1972.
4. *Карякин Ю.Ф.* Самообман Раскольникова. – М., 1976.
5. *Кирпотин В.Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. – М., 1986.
6. *Кожин В.* «Преступление и наказание» Достоевского//Три шедевра русской классики. – М., 1971.
7. *Мейер Г.А.* Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. – Франкфурт-на-Майне, 1967.

**«Преступление и наказание» в оценке критики.
М.М. Бахтин. «Диалог Достоевского»**

1. вспомните, в связи с чем упоминалось имя М.М. Бахтина в нашем учебнике.
2. Попробуйте объяснить, почему из всего многообразия критических оценок творчества писателя мы выбрали именно размышления о диалоге Достоевского.
3. Вернитесь к анализу эпизода «Первый разговор Раскольникова и Сони», перечитайте диалоги Раскольникова со следователем Порфирием Петровичем. Какие особенности диалога Достоевского вы бы отметили?
4. Прочитайте фрагмент работы М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (глава «Диалог Достоевского»). По ходу чтения записывайте тезисы.

Самосознание героя у Достоевского сплошь диалогизовано: в каждом своём моменте оно повернуто вовне, напряжённо обращается к себе, к другому, к третьему. Вне этой живой обращённости к себе самому и к другим его нет и для себя самого. В этом смысле можно сказать, что человек у Достоевского есть субъект обращения. О нём нельзя говорить, – можно лишь обращаться к нему. Те «глубины души человеческой», изображение которых Достоевский считал главной задачей своего реализма «в высшем смысле», раскрываются только в напряжённом обращении. Овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путём слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путём общения с ним, диалогически. И изобразить внутреннего человека, как его понимал Достоевский, можно, лишь изображая общение его с другим. Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для себя самого.

Вполне понятно, что в центре художественного мира Достоевского должен находиться диалог, притом диалог не как средство, а как самоцель. Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть, повторяем, – не только для других, но и для себя самого. Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться. В плане своего религиозно-утопического мировоззрения Достоевский переносит диалог в вечность, мысля её как вечное со-радование, со-любование, со-гласие. В плане романа это дано как незавершимость диалога, а первоначально – как дурная бесконечность его.

Всё в романах Достоевского сходится к диалогу, к диалогическому противостоянию как к своему центру. Всё – средство, диа-

лог – цель. Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия.

Потенциальная бесконечность диалога в замысле Достоевского уже сама по себе решает вопрос о том, что такой диалог не может быть сюжетным в строгом смысле этого слова, ибо сюжетный диалог так же необходимо стремится к концу, как и само сюжетное событие, моментом которого он, в сущности, является. Поэтому диалог у Достоевского, как мы уже говорили, всегда внесюжетен, то есть внутренне независим от сюжетного взаимоотношения говорящих, хотя, конечно, подготавливается сюжетом. <...>

Основная схема диалога у Достоевского очень проста: противостояние человека человеку, как противостояние «я» и «другого». <...> Мир распадается для него на два стана: в одном – «я», в другом – «они», то есть все без исключения «другие», кто бы они ни были. Каждый человек существует для него прежде всего как «другой». И это определение человека непосредственно обуславливает и всё его отношения к нему. Всех людей он приводит к одному знаменателю – «другой». <...>

Внутренний диалог (то есть микродиалог) и принципы его построения послужили тою основой, на которой Достоевский первоначально вводил другие реальные голоса. Это взаимоотношение внутреннего и внешнего, композиционно выраженного, диалога мы должны рассмотреть теперь внимательнее, ибо в нём сущность диалоговедения Достоевского.

<...> Этот принцип сочетания голосов, но в осложнённой и углублённой форме, сохраняется и во всём последующем творчестве Достоевского. Ему он обязан исключительной силой своих диалогов. Два героя всегда вводятся Достоевским так, что каждый из них интимно связан с внутренним голосом другого, хотя прямым олицетворением его он больше никогда не является (за исключением чёрта Ивана Карамазова). Поэтому в их диалоге реплики одного задевают и даже частично совпадают с репликами внутреннего диалога другого. Глубокая существенная связь или частичное совпадение чужих слов одного героя с внутренним и тайным словом другого героя – обязательный момент во всех существенных диалогах Достоевского; основные же диалоги прямо строятся на этом моменте.

<...> В диалогах Достоевского сталкиваются и спорят не два цельных монологических голоса, а два расколотых голоса (один, во всяком случае, расколот). Открытые реплики одного отвечают на скрытые реплики другого. Противопоставление одному герою двух героев, из которых каждый связан с противоположными репликами внутреннего диалога первого, – типичнейшая для Достоевского группа.

Для правильного понимания замысла Достоевского очень важно учитывать его оценку роли другого человека, как «другого», ибо его основные художественные эффекты достигаются проведением одного и того же слова по разным голосам, противостоящим друг другу. <...>

Особый тип диалога – диалоги Раскольникова с Порфирием... Порфирий говорит намёками, обращаясь к скрытому голосу Раскольникова. Раскольников старается расчётливо и точно разыгрывать свою роль. Цель Порфирия – заставлять внутренний голос Раскольникова прорываться и создавать перебои в его расчитанно и искусно разыгранных репликах. В слова и в интонации роли Раскольникова всё время врываются поэтому реальные слова и интонации его действительного голоса. Порфирий из-за принятой на себя роли неподозревающего следователя также заставляет иногда проглядывать своё истинное лицо уверенного человека; и среди фиктивных реплик того и другого собеседника внезапно встречаются и скрещиваются между собой две реальные реплики, два реальных слова, два реальных человеческих взгляда. Вследствие этого диалог из одного плана – разыгрываемого – время от времени переходит в другой план – в реальный, но лишь на один миг. И только в последнем диалоге происходит эффектное разрушение разыгрываемого плана и полный и окончательный выход слова в план реальный.

Вот этот неожиданный прорыв в реальный план. Порфирий Петрович в начале последней беседы с Раскольниковым после признания Миколки отказывается, по-видимому, от всех своих подозрений, но затем неожиданно для Раскольникова заявляет, что Миколка никак не мог убить.

«...Нет, уж какой тут Миколка, голубчик Родион Романович, тут не Миколка!

Эти последние слова, после всего прежде сказанного и так похожего на отречение, были слишком уж неожиданны. Раскольников весь задрожал, как будто пронзённый.

– Так... кто же... убил?.. – спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлён вопросом.

– Как кто убил?.. – переговорил он, точно не веря ушам своим, – да вы убили, Родион Романович! Вы и убили-с... – прибавил он почти шёпотом, совершенно убеждённым голосом.

Раскольников вскочил с дивана, постоял было несколько секунд и сел опять, не говоря ни слова. Мелкие конвульсии вдруг прошли по всему его лицу...

– Это не я убил, – прошептал было Раскольников, точно испуганные маленькие дети, когда их захватывают на месте преступления» <...>

Громадное значение у Достоевского имеет исповедальный диалог. Роль другого человека как «другого», кто бы он ни был, выступает здесь особенно отчётливо. <...>

Резкие перемены в настроении и в тоне ... определяют весь следующий диалог. Побеждает то один, то другой голос, но чаще реплика ... строится как перебойное слияние двух голосов. <...>

Здесь вначале всецело побеждает один из голосов ..., и кажется, что «в нём вдруг и нечаянно исчез прежний человек». Но затем снова вступает второй голос, производит резкую перемену тона и ломает реплику. Происходит типичное предвосхищение реакции ... и все уже знакомые нам сопутствующие явления.

<...> На этом мы закончим наше рассмотрение типов диалога, хотя мы далеко не исчерпали всех. Более того, каждый тип имеет многочисленные разновидности, которых мы вовсе не касались. Но принцип построения повсюду один и тот же. Повсюду – пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога героев. Повсюду – определённая совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному. Предметом авторских устремлений вовсе не является эта совокупность идей сама по себе, как что-то нейтральное и себе тождественное. Нет, предметом является как раз проведение темы по многим и разным голосам, принципиальная, так сказать, неотменимая многоголосость и разноголосость её. Самая расстановка голосов и их взаимодействие и важны Достоевскому.

Таким образом, внешний композиционно выраженный диалог неразрывно связан с диалогом внутренним, то есть с микродиалогом, и в известной мере на него опирается. И оба они так же неразрывно связаны с объемлющим их большим диалогом романа в его целом. Романы Достоевского сплошь диалогичны.

Диалогическое мироощущение, как мы видели, пронизывает и всё остальное творчество Достоевского, начиная с «Бедных людей». Поэтому диалогическая природа слова раскрывается в нём с огромной силой и резкой осязаемостью. Металингвистическое изучение этой природы, и в частности многообразных разновидностей двуглосого слова и его влияний на различные стороны построения речи, находит в этом творчестве исключительно богатый материал.

Как всякий великий художник слова, Достоевский умел услышать и довести до художественно-творческого сознания новые стороны слова, новые глубины в нём, очень слабо и приглушённо использованные до него другими художниками. Достоевскому важны не только обычные для художника изобразительные и выразительные функции слова и не только умение объектно воссоздавать социальное и индивидуальное своеобразие речей персонажей, – важнее всего для него диалогическое взаимодействие речей, каковы бы ни были их лингвистические особенности. Ведь главным предметом его изображения является само слово, притом именно полнозначное слово. Произведения Достоевского – это слово о слове, обращённое к слову. Изображаемое слово сходится со словом изображающим на одном уровне и на равных правах. Они проникают друг в друга, накладываются друг на друга под разными диалогическими углами. В результате этой встречи раскрываются и выступают на первый план новые сторо-

ны и новые функции слова, которые мы и попытались охарактеризовать в настоящей главе.

<...> Продолжая «диалогическую линию» в развитии европейской художественной прозы, Достоевский создал новую жанровую разновидность романа – полифонический роман, новаторские особенности которого мы старались осветить в нашей работе. Создание полифонического романа мы считаем огромным шагом вперёд не только в развитии романной художественной прозы, то есть всех жанров, развивающихся в орбите романа, но и вообще в развитии художественного мышления человечества. Нам кажется, что можно прямо говорить об особом полифоническом художественном мышлении, выходящем за пределы романного жанра. Этому мышлению доступны такие стороны человека, и прежде всего мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера его бытия, которые не поддаются художественному освоению с монологических позиций.

В настоящее время роман Достоевского является, может быть, самым влиятельным образцом на Западе. За Достоевским как художником следуют люди с различнейшими идеологиями, часто глубоко враждебными идеологии самого Достоевского: поработает его художественная воля, открытый им новый полифонический принцип художественного мышления.

Но значит ли это, что полифонический роман, однажды открытый, отменяет как устаревшие и уже ненужные монологические формы романа? Конечно, нет. Никогда новый жанр, рождаясь на свет, не отменяет и не заменяет никаких ранее уже существовавших жанров. Всякий новый жанр только дополняет старые, только расширяет круг уже существующих жанров. Ведь каждый жанр имеет свою преимущественную сферу бытия, по отношению к которой он незаменим. Поэтому появление полифонического романа не упраздняет и нисколько не ограничивает дальнейшего и продуктивного развития монологических форм романа (биографического, исторического, бытового, романа-эпопеи и т.д.), ибо всегда останутся и будут расширяться такие сферы бытия человека и природы, которые требуют именно объектных и завершающих, то есть монологических, форм художественного познания. Но, повторяем ещё раз, мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера бытия этого сознания во всей своей глубине и специфичности недоступны монологическому художественному подходу. Они стали предметом подлинно художественного изображения впервые в полифоническом романе Достоевского.

А

1. Что вызвало затруднение при чтении текста? Какие мысли М.М. Бахтина требуют разъяснения?
2. Вспомните, что характерно для романа как для эпического жанра. В случае затруднения обратитесь к «Словарю основных понятий и терминов». Приведите примеры других романов, созданных русскими писателями. К каким формам (разновидностям) романа их можно отнести?
3. Как вы понимаете, что такое полифонический роман?
4. Перечитайте выполненные вами тезисы статьи. О каких типах диалога Достоевского говорит исследователь?
5. Назовите особенности, характерные для любого типа диалога Достоевского. Приведите примеры.
6. Вернитесь к диалогу Раскольникова и Сони. Докажите, что это пример исповедального диалога.
7. Многие критики, отмечая сценичность прозы писателя, говорили об особой роли в диалоге Достоевского ремарок, называя их «озвученным жестом». Понаблюдайте за ролью ремарок в диалоге Раскольникова и Сони. Попробуйте сформулировать их функцию.

Б

Выберите один из диалогов Раскольникова с Порфирием Петровичем. Проведите его анализ по образцу, выполненному М.М. Бахтиным.

Готовимся к экзамену

Часть 1

Прочитайте приведённый ниже фрагмент текста и выполните задания В1 – В7; С1 – С3

Раскольников усмехнулся опять. Он разом понял, в чём дело и на что его хотят натолкнуть; он помнил свою статью. Он решился принять вызов.

– Это не совсем так у меня, – начал он просто и скромно. – Впрочем, признаюсь, вы почти верно её изложили, даже, если хотите, и совершенно верно... (Ему точно приятно было согласиться, что совершенно верно.) Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства, как

вы говорите. Мне кажется даже, что такую статью и в печать бы не пропустили. Я просто-запросто намекнул, что «необыкновенный» человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует. Вы изволите говорить, что статья моя неясна; я готов её вам разъяснить, по возможности. Я, может быть, не ошибусь, предполагая, что вам, кажется, того и хочется; извольте-с. По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометамаи, Наполеонами, и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, – более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться. Одним словом, вы видите, что до сих пор тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано.

(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»)

**При выполнении заданий В1 – В7 ответ необходимо дать
в виде слова или словосочетания**

В1

Как называется форма развёрнутого высказывания героя, обращённого к себе или другим персонажам (размышления Раскольникова)?

- B2** Как называлась статья Раскольникова, речь о которой идёт в предложенном фрагменте?
- B3** Как звали героя, «вызов» которого решился принять Раскольников?
- B4** Кому из героев романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» принадлежат слова: «Как без человека-то прожить», «От Бога Вы отошли, и Вас Бог поразил, дьяволу предал»?
- B5** Каким одним словом называет Раскольников обыкновенных людей, не имеющих, в соответствии с его теорией, права на преступление?
- B6** О каком чувстве нравственной ответственности перед окружающими говорит Раскольников, когда рассуждает о возможности «переступить» через обыкновенных людей?
- B7** Каким структурным компонентом завершается роман Достоевского?

Для выполнения заданий С1 – С3 дайте связный ответ на вопрос в объёме, не превышающем 4–6 предложений

- C1** Какую роль играет статья Раскольникова для понимания идейного замысла всего романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»?
- C2** В чём вы видите истоки и смысл теории Родиона Раскольникова?
- C3** Как другие произведения русской классики, герои которых тоже размышляют о роли сильной личности, перекликаются с романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»?

Часть 2

**Прочитайте приведённое ниже стихотворение
и выполните задания В8 – В12; С4–С6**

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир – и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмём и с неё долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

Н.А. Некрасов

**При выполнении заданий В8 – В12 ответ необходимо
дать в виде слова или словосочетания**

- В8** По первому четверостишию определите размер, которым написано стихотворение Н.А. Некрасова «Мы с тобой бестолковые люди...».
- В9** Назовите вид рифмы, который использует Н.А. Некрасов.
- В10** Какой вид тропа активно использует автор в первом четверостишии («бестолковые люди», «неразумное, резкое слово»)?
- В11** Какой одиночный разделительный знак препинания, служащий для внутреннего членения предложения, усиления выражаемой автором мысли, использует автор в каждой строфе стихотворения?

B12

Как называется используемый автором вид звукописи, заключающий в себе повторение одинаковых согласных звуков с целью придания особой выразительности стиху?

Для выполнения заданий С4 – С6 дайте связный ответ на вопрос в объёме, не превышающем 4–6 предложений

C4

Каким предстаёт перед читателем лирический герой стихотворения Н.А. Некрасова «Мы с тобой бестолковые люди»?

C5

Можно ли и почему отнести стихотворение Н.А. Некрасова «Мы с тобой бестолковые люди» к любовной лирике?

C6

Чем размышления о сложностях взаимоотношений героев известных вам лирических произведений русской классики созвучны строкам стихотворения Н.А. Некрасова «Мы с тобой бестолковые люди»?

Часть 3

Для выполнения задания части 3 дайте полный развёрнутый ответ на проблемный вопрос, опираясь на конкретный литературный материал и выявляя позицию автора произведения вне зависимости от того, насколько она совпадает с высказанным вами мнением

C7.1

Почему Онегина и Печорина называют лишними героями своего времени?

C7.2

Что позволяет адресовать сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина людям «изрядного возраста»? (на примере любой сказки)

C7.3

Какую роль в раскрытии образа главного героя в романе И.А. Гончарова «Обломов» играет эпизод «Сон Обломова»?



**«САМЫЙ РУССКИЙ ИЗ РУССКИХ»
Николай Семёнович Лесков (1831–1895)**

Основные даты жизни и творчества Н.С. Лескова

1831, 4 февраля (16 февраля) – родился в Орловской губернии в семье чиновника.

1841–1846 – учёба в Орловской гимназии.

1846 – служба в орловской палате уголовного суда.

1849 – переведён в Киев чиновником казённой палаты.

1857 – служба в крупной торговой компании, поездки по Европейской части России.

1860 – начало литературной деятельности.

1861 – поселяется в Петербурге, начинает печататься в «Отечественных записках».

1862 – поездка за границу в качестве корреспондента газеты «Северная пчела» (Польша, Западная Украина, Чехия).

1863 – возвращение в Россию.

1864 – публикация романа «Некуда».

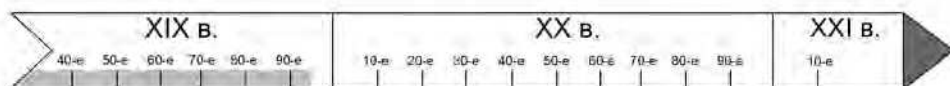
1865 – публикация рассказа «Леди Макбет Мценского уезда».

1870 – публикация романа «На ножах».

1874–1883 – служба в особом отделе Учёного комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа.

1870–1880-е гг. – повести и рассказы о талантливых русских людях («Очарованный странник», «Островитяне», «Запечатлённый ангел», «Левша», «Тупейный художник», «Человек на часах» и др.).

1895, 21 февраля (5 марта) – умер в Петербурге.



На другой день после смерти Достоевского выходит в свет последний выпуск «Дневника писателя», посвящённый главным образом прославлению религиозного духа русского народа.

31 января современник Фёдора Михайловича писатель Н.С. Лесков присутствует на выносе тела Достоевского из его квартиры, провожает гроб до ворот Александро-Невской лавры, а чуть позднее взволнованно пишет издателю А.С. Суворину: «О Достоевском я имею свои понятия, может быть, не совсем согласные с вашими (то есть не во всём), но я его уважал и имею тому доказательства ...».

Сложные отношения связывали двух писателей при жизни. Но в истории отечественной литературы их имена стоят рядом не только по хронологическим основаниям. Представление о русском национальном характере, его религиозных основах, – вот что по-настоящему объединяет Достоевского и Лескова.

Вспомним Раскольников. Холодный ум героя не заглушил в нём всё человеческое. Доброта сердца и любовь открыли для Раскольникова мир с высоким нравственным идеалом, помогли увидеть истинную душу русского человека. Он сумел встать на путь духовного возрождения, по которому вёл его уже не заблудший ум, а добрая, полная любви и веры душа. По замечанию философа В. Розанова, именно возвращение к общности людей и позволяет назвать Раскольникова «истинно русским человеком».

Тесно связанная с деятельностью разночинцев, а позднее народников, проблема русского национального характера для литературы 60–80-х годов, когда творили Достоевский и Лесков, была одной из главных. Раскрытию сущности характера русского человека посвящено всё творчество Лескова: повесть «Очарованный странник», роман «Соборяне», рассказы «Левша», «Железная воля», «Запечатлённый ангел», «Воительница» и др.

Судьба Лескова во многом схожа с судьбами других русских писателей, чей талант, как и лесковский, не увидели, не заметили, чьё творчество не признали, не поняли или не захотели понять. М. Горький справедливо говорил о Лескове как о «писателе, всё ещё не оценённом по заслугам перед литературой нашей». Самобытное лесковское творчество относительно нечасто удостоивалось должного, вдумчивого и сосредоточенного внимания критиков и литературоведов и до сих пор не получило надлежащей и корректной литературоведческой оценки. Лесков «слишком мало оценён нашей поверхностной критикой», – констатировал почти сто лет назад Д.С. Мережковский в статье «О причинах упадка и новых течениях в современной русской литературе».

Современная Лескову критика писала о нём мимоходом, высказывая читательские впечатления, которые были основаны больше на личных вкусах и предпочтениях, чем на вдумчивом

чтении. Отзывы о лесковском творчестве были разноречивые – от полного неприятия и отрицания за писателем таланта, до упрёков в анекдотизме, чрезмерности, словесном излишестве.

При жизни писателя его отличало умение всегда и во всём идти «против течений». Если современники писателя (Тургенев, Толстой, Салтыков-Щедрин, Достоевский) заботились преимущественно об идейной и психологической стороне своих произведений, искали ответы на общественные запросы времени, то Лескова это занимало в меньшей степени. Вступая же в обсуждение проблем общества, он давал такие ответы, которые, обидев и возмущив всех, обрушивали на его голову критические громы и молнии, надолго подвергали писателя опале у критиков.

И всё-таки Н. Лесков занял своё место в истории русской литературы – как талантливый прозаик и публицист второй половины XIX века, как мастер колоритного, причудливого сказа, создатель галереи праведников.

Лесков с его обострённым интересом к национальной культуре и тончайшим ощущением всех оттенков народной жизни создал удивительно своеобразный художественный мир и разработал самобытный, неповторимый – «лесковский» – способ изображения. В художественном мире Н. Лескова отразилось движение общественной мысли, суть его заключалась в поисках такого развития России, которое позволило бы опереться в первую очередь на национальные традиции и культурные ценности.

В рассказе «Дом с мезонином» А. Чехов, последователь Лескова, указывал, что «призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном искании правды и смысла жизни». Именно этого и добивался Лесков.

Одухотворённый великой любовью к своему народу, он стремился, говоря словами Горького, «ободрить, воодушевить Русь». Он жил, всем сердцем своим стремясь служить родине и родной литературе. Все 30 лет этого служения он оставался глубоко демократичным художником и подлинным гуманистом, всегда выступал в защиту чести, достоинства человека, постоянно ратовал за «свободу ума и совести», воспринимал личность как единственную непреходящую ценность, которую нельзя приносить в жертву разного рода идеям. В письме к М.А. Протопопову Лесков признавался: «Я блуждал и воротился, и стал сам собою – тем, что я есмь. Много мною написанное мне действительно неприятно, но лжи там нет нигде, – я всегда и везде был прям и искренен».

Судьба писателя драматична, жизнь, небогатая крупными событиями, полна напряжённых идейных исканий. В некрологе, опубликованном 28 февраля 1895 г., философ и поэт Вл. С. Соловьёв предсказал судьбу творческого наследия писателя: «Сочинения Лескова, вероятно, вызовут серьёзную и обстоятельную критику, и, вопреки его завещанию, умершего писателя будут много порицать; но все сойдутся, конечно, в признании за ним

яркого и в высшей степени своеобразного таланта, которого он не зарывал в землю, а также – живого стремления к правде».

В те годы, когда о лесковских произведениях немало спорили его современники, Лев Толстой прозорливо заметил: «Лесков – писатель будущего, и его жизнь в литературе глубоко поучительна». Долгое время преданный забвению, казавшийся непонятым и непризнанным, сегодня Лесков готов занять совершенно особое место в русской литературе. Очевидно, что пока наши современные читатели Лескова не знают, в лучшем случае – только знакомы с ним, но, может быть, настало предсказанное Толстым будущее – время открытия «яркого и в высшей степени своеобразного таланта» Николая Семёновича Лескова?

Ваш Н.А. Рождественский

Литература и иные источники

1. *Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным семейным и несемейным записям и памятям.* – М., 1984.

2. http://az.lib.ru/l/leskow_n

3. <http://leskov.lit-info.ru>

Жизнь и творчество Н.С. Лескова

1. Просмотрите основные даты жизни Лескова. Какой этап его жизни можно назвать «литературным»? Сделайте вывод о том, под влиянием каких событий мог формироваться Лесков-писатель.

2. Прочитайте статью М. Горького «Н.С. Лесков» (в сокращении). До чтения уточните, были ли Лесков и Горький современниками. По ходу чтения отмечайте факты биографии Лескова.

Николай Семёнович Лесков – уроженец одной из наиболее тёмных губерний Московской области, он – орловец. На родине его и до сего дня сохранились «курные» избы, печи в них без труб и топятся «по-чёрному», так что весь дым валит в избу, выедавая глаза её обитателям, покрывая стены и потолок густым слоем сажи. Эти первобытные логовища очень дороги орловскому народу, – Лесков в рассказе «Загон» интересно описал, до чего крепко привыкли мужики к своей «курной» избе.

Дед Лескова был священник, бабушка – купчиха, отец – чиновник, мать – дворянка; таким образом, писатель объединил в себе кровь четырёх сословий, но очень вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек пятого сословия – солдатка-нянька, крепостная, рассказы которой – как он сам говорил – были «то сладкою сытой кислотатому киселю жизни, то – полезной горчицей жирному свинству её».

Он знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине – в области несколько иного быта, иной культуры, а пожить на чу-

жой стороне – всё равно, что посмотреть на себя самого чужими глазами. Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооружённый не книжным, а подлинным знанием народной жизни. Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется «душою народа».

Литературная деятельность Лескова началась тяжёлой для него драмой, которая могла бы и не разыгаться, если бы русские интеллигентные люди умели относиться друг к другу более внимательно и бережно, – что и до сего дня необходимо ввиду количественного ничтожества интеллектуальных сил в нашей стране. Но издревле русские люди болеют стремлением «разбрестись» розно, и в первый же год своей работы в Петербурге Лесков получил удар в сердце, совершенно не заслуженный им.

Летом 1862 года в Петербурге возникли подозрительные частые пожары, кто-то пустил слух, что это от поджогов, а поджигают студенты. Н. Лесков напечатал в газете статью, требуя, чтоб власть или представила ясные доказательства участия студентов в поджогах, или немедля и решительно опровергла клевету на них. Легкомысленные люди истолковали статью так, что будто бы именно Лесков приписывает поджоги буйному студенчеству. Он неоднократно опровергал это злостное недоразумение, но ему не поверили, ибо всегда и легче и как-то приятнее осудить человека, чем оправдать его; а у нас, на святой Руси, осуждают ближнего с таким наслаждением самолюбования, что, можно думать, родоначальником русского племени был описанный в Евангелии фарисей.

Опрокинутый нелепым обвинением, не имея друзей и защитников, не сумев защитить сам себя, Лесков, новичок и чужой в литературном мире, уехал в Прагу, потом – в Париж и там, страдая от обиды, нанесённой ему, дал – к сожалению – волю чувству мести, написав книгу «Некуда» – нечто вроде хроники «на злобу дня». <...> Задача книги – обличение «нигилизма»; так называлось настроение умов молодёжи той эпохи; возбудителем нигилизма было юношески дерзкое желание сразу, одним махом порвать все связи с прошлым страны, только что освобождённой от векового рабства, очиститься от всех наслоений политического и церковного гнёта, особенно тяжкого и бессмысленного в годы <...> Роман «Некуда» возбудил общее негодование, его сочли доносом на революционеров и единодушно обругали. Дошло до того, что известный критик Писарев спрашивал в своей статье: «Найдётся ли хоть один честный писатель, который согласится

«И пошёл я искать праведных, пошёл с обетом не успокаиваться, доколе не найду хотя бы то небольшое число трёх праведных, – без которых нет граду стояния. Куда я ни обращался, кого ни спрашивал, – все отвечали мне, что праведных людей не видывали, потому что все люди грешные, а так кое-каких хороших людей и тот, и другой знавали. Я и стал это записывать. Праведны они, думаю себе, – или неправедны, – всё это надо собрать и потом разобрать, что тут возвышается над чертой простой нравственности и поэтому "свято Господу"».

(Н.С. Лесков. Из «Предисловия к циклу рассказов "Праведники"»)

«Высокие ступени одухотворения вообще не достигаются без некоторых падений... Праведники наибольшие суть те, которые согрешили: тогда их слово исполнится огнём правды, а сердце источается в любви к слабому, братскому в грехе».

(В.В. Розанов. Из статьи «25-летие кончины Некрасова»)

«Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей, который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть».

(Д.П. Святополк-Мирский. Из статьи «Лесков»)

жестокую страну, где люди всех классов и сословий умеют быть одинаково несчастными, – проклятую страну, которую надо любить и почему-то необходимо любить так, чтобы сердце каждый день и час кровью плакало от мучений этой любви, столь похожей на пытку невинного сладострастным мучителем.

Лесков понимал, как никто до него, что человек имеет право быть утешен и обласкан, человек должен уметь ласкать и утешать. Он писал жития святых дурачков русских, его герои, конечно, люди сомнительной святости, ибо у них совершенно и никогда нет времени подумать о своём личном спасении – они непрерывно заботятся только о спасении и утешении ближних. <...>

Ум Лескова – ум трезвый и недоверчивый, он во всём сомневается, но задачу оправдать Русь, написать милые иконы её праведников для радости грешных, – эту задачу он поставил не от ума, а от сердца. И потому его [герои], очарованные любовью к жизни и людям странники мира сего, так прелестно жизненны, так физически ощутимы сердцу непредубеждённого и вдумчивого читателя.

В семидесятых годах, когда Лесков написал великолепную книгу «Соборяне» и начал печатать один за другим свои лукавые

работать в одном журнале с Лесковым?».

Это было почти убийство. Тогда Лесков – ожесточённый до бешенства – наскоро написал большой и во всех отношениях скверный роман «На ножах»; в этом романе нигилисты изображены ещё хуже, чем в «Некуда».

<...> После злого романа «На ножах» литературное творчество Лескова сразу становится яркой живописью или, скорее, иконописью, – он начинает создавать для России иконостасы её святых и праведников. Он как бы поставил целью себе ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством, опоздавшую жить, вшивую и грязную, вороватую и пьяную, глупую и

жестокую страну, где люди всех классов и сословий умеют быть одинаково несчастными, – проклятую страну, которую надо любить и почему-то необходимо любить так, чтобы сердце каждый день и час кровью плакало от мучений этой любви, столь похожей на пытку невинного сладострастным мучителем.

Лесков понимал, как никто до него, что человек имеет право быть утешен и обласкан, человек должен уметь ласкать и утешать. Он писал жития святых дурачков русских, его герои, конечно, люди сомнительной святости, ибо у них совершенно и никогда нет времени подумать о своём личном спасении – они непрерывно заботятся только о спасении и утешении ближних. <...>

Ум Лескова – ум трезвый и недоверчивый, он во всём сомневается, но задачу оправдать Русь, написать милые иконы её праведников для радости грешных, – эту задачу он поставил не от ума, а от сердца. И потому его [герои], очарованные любовью к жизни и людям странники мира сего, так прелестно жизненны, так физически ощутимы сердцу непредубеждённого и вдумчивого читателя.

В семидесятых годах, когда Лесков написал великолепную книгу «Соборяне» и начал печатать один за другим свои лукавые рассказы, а в ту пору главным и, пожалуй, единственным героем русской литературы был мужик, голоса почти всех писателей и журналистов сливались в хоровую песнь славословия разуму и сердцу народа.

<...> Он же, будучи малOVEROM и скептиком, в совершенстве обладал редким даром вдумчивой, зоркой любви и способностью глубоко чувствовать муки человека, слишком разнообразные и обильные. Он любил Русь,

«Обращаемся к истории, и здесь же мы видим, что этот народ отнюдь не лишён способности понимать общественную пользу и служить ей без подгона и притом служить с образцовым самопожертвованием даже в такие ужасные исторические моменты, когда спасение Отечества представлялось невозможным».

(Н.С. Лесков. Из повести «Очарованный странник»)

всю, какова она есть, со всеми нелепостями её древнего быта, любил затрёпанный чиновниками, полуголодный, полупьяный народ и вполне искренно считал его «способным ко всем добродетелям», но он любил всё это, не закрывая глаз, – мучительная любовь, она требует все силы сердца и ничего не даёт взамен. В душе этого человека странно соединялись уверенность и сомнение, идеализм и скептицизм.

<...> В рассказах Лескова все почувствовали нечто новое и враждебное заповедям времени, канону народничества. Одним это новое казалось глумлением балагура, другим – злобою крепостника и реакционера, и почти никому не нравилась форма его рассказов; Лесков сумел не понравиться всем: молодёжь не испытывала от него привычных ей толчков «в народ», напротив, в печальном рассказе «Овцебык» чувствовалось предупреждающее «не зная броду – не суйся в воду!». Зрелые люди не находили у него «гражданских идей», выраженных достаточно ярко, революционная интеллигенция всё ещё не могла забыть романы «Некуда» и «На ножах». Вышло так, что писатель, открывший праведника в каждом сословии, во всех группах, – никому не понравился и остался в стороне, в подозрении; консерваторы, либералы, радикалы – все единодушно признали его политически неблагонадёжным; этот факт является ещё одним лишним доказательством, что истинная свобода обитает где-то вне партий.

Лесков укреплял отрицательное отношение к нему, заставляя своих героев говорить о народе слова неслыханные, обидные и, пожалуй, слишком горькие: «Ах вы, сор славянский, ах вы, дрянь родная!» – восклицает у него один трезвый человек по адресу орловских мужиков. И чем дальше, тем чаще встречаются такие суждения, как, например: «Народ глуп и зол», «безнадёжно тёмно, но не огорчён этим, а ещё прихвастывает».

<...> Так и жил этот крупный писатель в стороне от публики и литераторов, одинокий и непонятый почти до конца дней. Только теперь к нему начинают относиться более внимательно. Как раз вовремя, ибо нам снова необходимо крепко подумать о русском народе, вернуться к задаче познания духа его.

Как художник слова Н.С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, как Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтой охвата явлений жизни, глубиной

«Этот ли народ надо изображать дурашливым сборищем, неспособным понимать своего призвания?».

(Н.С. Лесков. Из статьи «Энергическая бестактность»)

«...Ведь ты русский человек? Русский человек со всем справится. <...> ...мы... своему отечеству верно преданные».

(Н.С. Лесков. Из повести «Очарованный странник»)

Веруйте смелее в себя, идите бодрее в жизнь; жизнь сама покажет, что делать: нужно иметь ум и правила, а не расписание».

(Н.С. Лесков. Из романа «Обойдённые»)

«Он, наш народ, добрый... но только он пока ещё не знает, как ему за что взяться...».

(Н.С. Лесков.
Из романа «Соборяне»)

«Научись говорить по-русски, да тогда и квакай».

(Н.С. Лесков.
Из романа «Обойдённые»)

понимания бытовых загадок её, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих. Различие Лескова с великанами литературы нашей только в том, что они писали пластически, слова у них – точно глина, из которой они богородно лепили фигуры и образы людей, живые до обмана, до того, что, когда читаешь их книги, то кажется:

все герои, волшебнo одухотворённые силою слов, окружают тебя, физически соприкасаясь с тобою, ты до боли остро чувствуешь их страдания, смеёшься с ними и плачешь, ненавидишь их и любишь, тебе слышны их голоса, виден блеск радости и влажный туман скорби в их глазах, ты живёшь с ними жизнью дружески сострадающего или враждебно отталкиваешь их от себя, и всё это так же мучительно хорошо, как настоящая жизнь, только понятнее и красивее её.

Лесков – тоже волшебник слова, но он писал не пластически, а – рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе. Его рассказ – одухотворённая песнь, простые, чисто великорусские слова, снижаясь одно с другим в затейливые строки, то задумчиво, то смешливо звонки, и всегда в них слышна трепетная любовь к людям, прикрито нежная, почти женская; чистая любовь, она немножко стыдится себя самой. Люди его рассказов часто говорят сами о себе, но речь их так изумительно жива, так правдива и убедительна, что они встают пред вами столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как люди из книг Л. Толстого и других, – иначе сказать, Лесков достигает того же результата, но другим приёмом мастерства.

<...> А затем, Лесков писал в ту пору, когда в русскую речь широко волною хлынула масса иностранных слов из переводных, популярно-научных сочинений и когда «гарантия», «субсидия», «концессия», «грюндерство» и прочие словечки, за которыми таились очень скверные понятия и дела, не могли не раздражать Лескова, человека насквозь русского, тонко знающего русский язык и влюблённого в его красоту.

Лесков – самобытнейший писатель русский, чуждый всяких влияний со стороны. Читая его книги, лучше чувствуешь Русь со всем её дурным и хорошим, яснее видишь запутанного русского человека, который, даже когда он искренно верует красоте и свободе, ухитряется быть рабом веры своей и угнетателем ближнего.

1. Просмотрите текст статьи. Сформулируйте темы, которые затрагивает автор.
2. Найдите в «биографической» части статьи ключевые слова, характеризующие историю жизни Лескова.
3. Подготовьте сообщение «Портрет Лескова-писателя». Используйте для сообщения также размышления профессора Н.А. Рождественского, материалы вставок на полях.
4. Что говорит Горький о художественном мастерстве Лескова?

Читаем рассказ «Запечатлённый ангел»

Работа с текстом до чтения

1. Подготовьтесь к чтению рассказа.

По утверждению сына Лескова, рассказ стал результатом интереса писателя к иконописи. В 70-х годах Лесков публикует научные исследования о русской иконописи, большой объём информации, связанной с иконами, использован в рассказе.

Что вам известно об иконописи? Что могло вызвать интерес Лескова в искусстве иконописи? Предлагаем вам также до чтения рассказа обратиться к книге Вл. Солоухина «Чёрные доски» (см. Приложение).

2. В названии рассказа обыгрывается многозначность слова «запечатлённый». Уточните этимологическое значение этого слова.

Как вы понимаете смысл названия рассказа?

3. Сюжет и композиция рассказа достаточно сложны. Одно из самых доступных переложений событийной канвы рассказа принадлежит Ф.М. Достоевскому.

Прочитайте отрывок из статьи Достоевского «Смятенный вид».

Это рассказ г-на Лескова в «Русском вестнике». Известно, что сочинение это многим понравилось здесь в Петербурге и что очень многие его прочли. Действительно, оно того стоит: и характерно и занимательно. Это повесть, рассказанная одним бывшим раскольников на станции в Рождественскую ночь, о том, как все они, раскольники, человек сто пятьдесят, целую артелью перешли в православие вследствие чуда. Эта артель работников строила мост в одном большом русском городе и года три жила в отдельных бараках на берегу реки. Была у них своя часовня, а в ней множество древних образов, освящённых ещё до времён патриарха Никона. Очень занимательно рассказано, как одному господину, не совершенно маловажному чиновнику, захотелось сорвать с артели взятку, тысяч в пятнадцать. Наехав вдруг в часовню со властью, он потребовал по ста рублей с иконы выкупа. Дать не могли. Тогда он арестовал образа. В них просверлили дырья, нанизали их на железные спицы, как бублики, и унесли куда-то в подвал. Но тут была икона ангела, древняя и особо уважаемая, считаемая артелью за чудотворную. Чтобы поразить, отмстить и оскорбить, чиновник, раздражённый упорством неплатящих раскольников, взял сургуч и в виду всего собрания накапал его на лик образа и приложил казенную печать. Местный архиерей, увидав запечатлённый лик святыни, изрёк: «Смятенный вид» – и распорядился поставить поруганную икону в соборе на окно. Г-н Лесков уверяет, что слова архиерея и распоряжение отнести поруганную икону в собор, а не в подвал, будто бы очень понравились раскольникам.

Затем началась запутанная и занимательная история о том, как был выкраден этот «Ангел» из собора. С раскольниками связался англичанин, барин и, кажется, подрядчик по строящемуся мосту, полюбил их и, так как с ним они были откровенны, то взялся им помогать. Особенно выдаются в рассказе беседы раскольников с англичанином об иконной живописи. Это место серьёзно хорошо, лучшее во всём рассказе. Всё кончается тем, что за Всенощной икону наконец выкрали из собора, ангела распечатлели, подменили иконою новою, еще не освящённою, которую взялась «запечатлеть», наподобие первой, жена англичанина. И вот в критическую минуту случилось чудо: от новой запечатлённой иконы видели свет (правда, видел один только человек), а икона, когда её принесли, оказалась незапечатлённою, то есть без сургуча на лике. Это так поразило принесшего её раскольника, что он тут же отправился в собор к архиерею и во всём ему покаялся, причём владыко простил и изрёк: «Это тебе должно быть внушительно теперь, где вера действеннее: вы, говорит, плутовством с своего ангела печать свели, а наш сам с себя её снял и тебя сюда привёл».

Чудо так поразило раскольников, что они всею артелью, сто пятьдесят или около человек, перешли в православие.

- Какое значение слова «запечатлённый» раскрывает Достоевский?
- Как, по-вашему, Достоевский оценил рассказ Лескова? Аргументируйте своё мнение.
- Какую часть рассказа Достоевский оценил как лучшую?

Работа с текстом во время чтения

1. Прочитайте начало рассказа.

Дело было о Святках¹, накануне Васильева вечера². Погода разгулялась самая немилостивая. Жесточайшая позёмная пурга, из тех, какими бывают славны зимы на степном Заволжье, загнала множество людей в одинокий постоялый двор, стоящий бобылём среди гладкой и необозримой степи. Тут очутились в одной куче дворяне, купцы и крестьяне, русские, и мордва, и чуваша. Соблюдать чины и ранги на таком ночлеге было невозможно: куда ни повернись, везде теснота, одни сушатся, другие греются, третьи ищут хотя маленького местечка, где бы приютиться; по тёмной, низкой, переполненной народом избе стоит духота и густой пар от мокрого платья. Свободного места нигде не видно: на полатах, на печке, на лавках и даже на грязном земляном полу, — везде лежат люди.

¹ *Святки* – период от Рождества (25 декабря – 7 января по новому стилю) до Крещенья.

² *День святого Василия* – 1 января (13 января по новому стилю).

- Почему для автора так важно уточнение времени и места действия?
- Какие литературные аналогии возникли у вас при чтении описания погоды?
- Что напоминает читателю описание постоянного двора?

2. Прочитайте рассказ (в сокращении). По ходу чтения обращайтесь внимание на особенности художественного стиля писателя.

<...>Лука Кирилов страстно любил иконописную святыню, и были у него, милостивые государи, иконы всё самые пречудные, письма самого искусного, древнего, либо настоящего греческого, либо первых новгородских или строгановских¹ изографов². Икона против иконы лучше сияли не столько окладами, как острою и плавностью предивного художества. Такой возвышенности я уже после нигде не видел!

<...> Особенно же были при нас две иконы, одна с греческих переводов старых московских царских мастеров: Пресвятая Владычица в саду молится, а пред ней все деревья кипарисы... до земли преклоняются, а другая ангел-хранитель, Строганова дела. Изреци нельзя, что это было за искусство в сих обеих святынях! Глянешь на Владычицу, как пред её чистотою бездушные деревья преклонились, сердце тает и трепещет; глянешь на ангела... радость! Сей ангел воистину был что-то неопишное. <...> Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреваты и русы, с ушей повились и проведены волосок к волоску иголкой. Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усика. Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься «осени», и сейчас весь стиснешь, и в душе станет мир. Вот эта была какая икона! <...> ангелово изображение сам Лука на своей груди сохранял. Был у него такой для сей иконы сделан парчовый кошель на тёмной пестряди и с пуговицей, а на передней стороне алый крест из настоящего штофу, а вверху пришит толстый зелёный шёлковый шнур, чтобы вокруг шеи обвести. И так икона в сём содержании у Луки на груди всюду, куда мы шли, впереди нас предходила, точно сам ангел нам предшествовал. <...> Да и можно ли было думать, что мы как-нибудь, по какому ни есть случаю, сей нашей драгоценнейшей самой святыни лишимся?

<...> Солдаты взяли набранные на болты скибы икон на плечи и понесли к лодкам, а Михайлица, которая тоже за народом в горницу пробралась, тем часом тихонько скрала с аналогия ангельскую икону и тащит её под платком в чулан, да как руки-то у неё дрожат, она её и выронила. Батюшки мои, как барин расходился, и звал нас и ворами-то и мошенниками, и говорит:

¹ Новгородская иконописная школа (XIV–XV вв.) и продолжавшая её традиции строгановская характеризовались мелким письмом по золоту.

² *Изограф* – иконописец.

<...> «Ага! вы, мошенники, хотели её скрасть, чтоб она на болт не попала; ну так она же на него не попадёт, а я её вот как!» – да, накопивши сургучную палку, прямо как ткнёт кипящею смолой с огнём в самый ангельский лик!

Милостивые государи, вы на меня не посетуйте, что я и пробовать не могу описать вам, что тут произошло, когда барин излил кипящую смоляную струю на лик ангела и ещё, жестокий человек, поднял икону, чтобы похвастать, как нашёл досадить нам. Помню только, что пресветлый лик этот божественный был красив и запечатлён, а из-под печати олифа, которая под огневою смолой самую малость сверху растаяла, струила вниз двумя потёками, как кровь, в слезе растворённая...

Все мы ахнули и, закрыв руками глаза свои, пали ниц и застонали, как на пытке. И так мы развопились, что и тёмная ночь застала нас воющих и голосящих по своём запечатлённом ангеле, и тут-то, в сей тьме и тишине, на разрушенной отчей святыне, пришла нам мысль: уследить, куда нашего хранителя денут, и поклялись мы скрасть его, хотя бы с опасностью жизни, и распечатлеть, а к исполнению сей решимости избрали меня да молодого паренька Левонтия. Этот Левонтий годами был ещё сущий отрок, не более как семнадцати лет, но великотелесен, добр сердцем, богочтител с детства своего и послушлив и благодравен, что твой ретив бел конь среброуздан.

<...> Но вот что худо было, что не прошла беда от непочтения, как новая, ещё большая, от сего почитателя возросла: сам этот архиерей, надо полагать, с нехудым, а именно с добрым вниманием взял нашего запечатлённого ангела и долго его рассматривал, а потом отвёл в сторону взгляд и говорит: «Смятенный вид! Как ужасно его изнеявствовали! Не кладите, – говорит, – сей иконы в подвал, а поставьте её у меня в алтаре на окне за жертвенником». Так слуги архиереевы по его приказанию и исполнили, и я должен вам сказать, что такое внимание со стороны церковного иерарха нам было, с одной стороны, очень приятно, но с другой – мы видели, что всякое намерение наше выкрасть своего ангела стало невозможно. Оставалось другое средство: подкупить слуг архиереевых и с их помощью подменить икону иным в соответствии сей хитро написанным подобием.

<...> «А как, – говорит [англичанин], – вы его распечатлеете, когда у него всё лицо сургучом выжжено?»

«Ну, уж на этот счёт, – отвечаем, – ваша милость не беспокойтесь: нам только бы его в свои руки достичь, а то он, наш хранитель, за себя постоит: он не торговых мастеров, а настоящего Строганова дела, а что строгановская, что костромская олифа так варены, что и огневого клейма не боятся и до нежных вап¹ смолы не допустят».

«Вы в этом уверены?»

¹ Вапа – краска.

«Уверены-с: эта олифа крепка, как сама старая русская вера. Он тут ругнул кого знал, что этакого художества беречь не умеют, и руки нам подал, и ещё раз сказал:

«Ну так не горюйте же: я вам помощник, и мы вашего ангела достанем. Надолго ли он вам нужен?»

«Нет, – говорим, – на небольшое время».

«Ну так я скажу, что хочу на вашего запечатлённого ангела богатую золотую ризу сделать, и как мне его дадут, мы его тут и подменим. Я завтра же за это возьмусь».

Мы благодарим, но говорим:

«Только ни завтра, ни послезавтра за это, сударь, не беритесь».

Он говорит:

«Это почему так?»

А мы отвечаем:

«Потому, мол, сударь, что нам прежде всего надо иметь на подмен икону такую, чтоб она как две капли воды на настоящую походила, а таковых мастеров здесь нет, да и нигде вблизи не отыщется».

«Пустяки, – говорит, – я сам из города художника привезу; он не только копии, а и портреты великолепно пишет».

«Нет-с, – отвечаем, – вы этого не извольте делать, потому что, во-первых, через этого светского художника может ненадлежащая молва пойти, а во-вторых, живописец такого дела исполнить не может».

<...> Он этим заинтересовался и спрашивает:

«А где же, – говорит, – есть такие мастера, что ещё этот особенный тип понимают?»

«Очень, – докладываю, – они нынче редки (да и в то время они совсем жили под строгим сокрытием). Есть, – говорю, – в слободе Мстёре¹ один мастер Хохлов, да уже он человек очень древних лет, его в дальний путь везти нельзя; а в Палихове² есть два человека, так те тоже вряд ли поедут, да и к тому же, – говорю, – нам ни мстёрские, ни палиховские мастера и не годятся».

«Это опять почему?» – пытается.

«А потому, – отвечаю, – что у них пошиб не тот: у мстёрских рисуночек головастики и письмо мутно, а у палиховских тон бирюзист, всё голубинкой отдаёт».

«Так как же, – говорит, – быть?»

«Сам, – говорю, – не знаю. Наслышан я, что есть ещё в Москве хороший мастер Силачёв: и он по всей России между нашими именит, но он больше новгородским и к царским московским письмам потрафляет, а наша икона строгановского рисунка, самых светлых и рясных вап, так нам потрафить может один мастер Севастьян с понизовья, но он страстный странствователь: по

¹ *Мстёра (Мстёра)* – посёлок Владимирской области, древнейший центр русской миниатюрной живописи и иконописи.

² *Палихов (Палех)* – посёлок Ивановской области, древнейший центр русской миниатюрной живописи и иконописи.

всей России ходит, староверам починку работает, и где его искать – неизвестно».

Англичанин с удовольствием все эти мои доклады выслушал и улыбнулся, а потом отвечает:

«Довольно дивные, – говорит, – вы люди, и как послушаешь вас, так даже приятно делается, как вы это всё, что до вашей части касается, хорошо знаете и даже искусства можете постигать»

«Отчего же, – говорю, – сударь, искусства не постигать: это дело художество божественное, и у нас есть таковые любители из самых простых мужичков, что не только все школы, в чём, например, одна от другой отличаются в письмах: устюжские или новгородские, московские или вологодские, сибирские либо строгановские, а даже в одной и той же школе известных старых мастеров русских рукоесло одно от другого без ошибки отличаются»

<...> Теперь далее отсюда, милостивые государи, зачинается преполоwienie моей повести, и я вам вкратце изложу: как я, взяв своего среброуздога Левонтия, пошёл по изографа, и какие мы места исходили, каких людей видели, какие новые дивеса нам объявились, и что, наконец, мы нашли, и что потеряли, и с чем возвратились.

<...> Не охота бы говорить, а нельзя промолчать, не тот мы дух на Москве встретили, которого жаждали. Обрели мы, что старина тут стоит уже не на добротолубии и благочестии, а на едином упрямстве, и, с каждым днём в сём всё более и более убеждаясь, начали мы с Левонтием друг друга стыдиться, ибо видели оба то, что мирному последователю веры видеть оскорбительно: но, однако, сами себя стыдясь, мы о всём том друг другу молчали.

Изографы, разумеется, в Москве отыскались, и весьма искусные, но что в том пользы, когда всё это люди не того духа, о каком отеческие предания повествуют? Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное художество, постились и молились и производили одинаково, что за большие деньги, что за малые, как того честь возвышенного дела требует. А эти <... > И помимо неаккуратности в художестве, все они сами расслабевши, все друг пред другом величаются, а другого чтоб унижить ни во что вменяют; или ещё того хуже, шайками совокупаюсь, сообщая хитрейшие обманы делают, собираются по трактирам и тут вино пьют и своё художество хвалят с кичливою надменностию, а другого рукоесло богохульно называют «адописным», а вокруг их всегда, как воробьи за совами, старьёвщички, что разную иконописную старину из рук в руки перепущают, меняют, подменивают, подделывают доски, в трубах копят, углизну в них делают и червоточину; из меди разные створы по старому чеканному образцу отливают; амаль в ветхозаветном роде наводят; купели из тазов куют и на них старинные щипаные орлы, какие за Грозного времена были, выставляют и продают неопытным верителям за настоящую грозновскую купель, хотя тех купелей не счесть сколько по Руси ходит, и всё это обман и ложь бессовест-

ные. Словом сказать, все эти люди как чёрные цыгане лошадами друг друга обманывают, так и они святынею, и всё это при таком с оною обращении, что становится за них стыдно и видишь во всём этом один грех да соблазн и вере поношение.

<...> «Знаешь что, Левонтьюшко: пойдём-ко мы отсюда скорее из Москвы в нижегородские земли, изографа Севастьяна поищем, он ноне, я слышал, там ходит».

«Что же: пойдём, – отвечает, – здесь, на Москве, меня какой-то нужный дух больно нудит, а там леса, поветрие чище, и там, – говорит, – я слышал, есть старец Памва, анахорит совсем беззавистный и безгневный, я бы его узреть хотел».

<...> И идём мы опять мирно и благополучно и, наконец, достигши известных пределов, добыли слух, что изограф Севастьян, точно, в здешних местах ходит, и пошли его искать из города в город, из села в село, и вот-вот совсем по его свежему следу идём, совсем его достигаем, а никак не достигнем. Просто как сворные псы бежим, по двадцати, по тридцати вёрст переходы без отдыха делаем, а придём, говорят:

«Был он здесь, был, да вот-вот всего с час назад ушёл!»

Бросимся вслед, не настигаем!

И вот вдруг на одном таком переходе мы с Левонтием и заспорили: я говорю: «нам надо идти направо», а он спорит: «налево», и, наконец, чуть было меня не переспорил, но я на своём пути настоял. Но только шли мы, шли, и, наконец, вижу, не знаю, куда зашли, и нет дальше ни тропы, ни следу.

Я говорю отроку:

«Пойдём, Лева, назад!»

А он отвечает:

«Нет, не могу я, дядя, больше идти, – сил моих нет».

<...> Я думаю: «Господи! что это с ним такое?» А сам в страхе всё-таки стал прислушиваться, и слышу, по лесу вдалеке что-то словно потрескивает... «Владыко многомилостиве! – думаю, – это, верно, зверь, и сейчас он нас растерзает!» И уже Левонтия не зову, потому что вижу, что он точно сам из себя куда-то излетел и витает, а только молюсь: «Ангеле Христов, соблюди нас в сей страшный час!» А треск-от всё ближе и ближе слышится, и вот-вот уже совсем подходит... Здесь я должен вам, господа, признаться в великой своей низости: так я оробел, что покинул больного Левонтия на том месте, где он лежал, да сам белки проворнее на дерево вскочил, вынул сабельку и сажу на суку да гляжу, что будет, а зубами, как пуганый волк, так и ляскаю... И вдруг-с замечаю я во тьме, к которой глаз мой пригляделся, что из лесу выходит что-то поначалу совсем безвидное, – не разобрать, зверь или разбойник, но стал приглядываться и различаю, что и не зверь и не разбойник, а очень небольшой старичок в колпачке, и видно мне даже, что в поясу у него топор заткнут, а на спине большая вязанка дров, и вышел он на поляночку; подышал, подышал часто воздухом, точно со всех сторон поветрие собирал, и вдруг сбросил на землю вязанку и, точно почуяв человека, идёт

прямо к моему товарищу. Подошёл, нагнулся, посмотрел в лицо и взял его за руку да и говорит:

«Встань, брате!»

И что же вы изволите думать? вижу я, поднял он Левонтия, и ведёт прямо к своей вязаночке, и взвалил её ему на плечи, и говорит:

«Понеси-ко за мною!»

А Левонтий и понёс.

<...> Я скорее соскочил с дерева, сабельку на бечеве за спину забросил, а сломал про всякий случай здоровую леторосль понадёжнее, да за ними, и скоро их настиг и вижу: старичок впереди грядёт, и как раз он точно такой же, как мне с первого взгляда показался: маленький и горбатенький; а борода по сторонам клочочками, как мыльная пена белая, а за ним мой Левонтий идёт, следом в след его ноги бодро попадает и на меня не смотрит. Сколько я к нему ни заговаривал и рукою его ни трогал, он и внимания на меня не обратил, а всё будто во сне идёт.

Тогда я подбежал сбоку к старичку и говорю:

«Доброчестный человек!»

А он отзывается:

«Что тебе?»

«Куда ты нас ведёшь?»

«Я, – говорит, – никого никуда не веду, всех Господь ведёт!».

И с этим словом вдруг остановился: и я вижу, что пред нами низенькая стенка и ворота, а в воротах проделана малая дверка, и в эту дверку старичок начал стучаться и зовёт:

«Брате Мирон! а брате Мирон!»

А оттуда дерзый голос грубо отвечает:

«Опять ночью притащился. Ночуй в лесу! Не пуцу!»

Но старичок опять давай проситься, молить ласково:

«Впусти, брате!»

Тот дерзый вдруг отчинил дверь, и вижу я – это человек тоже в таком же колпаке, как и старичок, но только суровый-пресуровый грубиян, и не успел старичок ноги перенести через порог, как он его так толкнул, что тот мало не обрушился, и говорит:

«Спаси тебя Бог, брате мой, за твою услугу».

«Господи! – помышляю, – куда это мы попали», и вдруг как молонья меня осветила и поразила.

«Спасе премилосердый! – взгадал я, – да уж это не Памва ли безгневный! Так лучше же бы, – думаю, – я в дебри лесной погиб, или к зверю, или к разбойнику в берлогу зашёл, чем к нему под кров».

И чуть он ввёл нас в маленькую какую-то хибарочку и зажёл воску жёлтого свечу, я сейчас догадался, что мы действительно в лесном ските, и, не стерпев дальше, говорю:

«Прости, благочестивый человек, спрошу я тебя: гоже ли нам с товарищем оставаться здесь, куда ты привёл нас?»

А он отвечает:

«Вся Господня земля и благословенны вси живущие, – ложись, спи!»

«Нет, позволь, – говорю, – тебе объявиться, ведь мы по старой вере».

«Все, – говорит, – уды единого тела Христова! Он всех соберёт!»

И с этим подвёл нас к уголку, где у него на полу сделана скудная рогозина постелька, а в возглавии древесный кругляк соломкой прикрыт, и опять уже обоим нам молвит:

«Спите!»

И что же? Левонтий мой, как послушенствующий отрок, сейчас и повалился, а я, своё опасение наблюдая, говорю:

«Прости, божий человек, ещё одно вопрошение...»

Он отвечает:

«Что вопрошать: Бог всё знает».

«Нет, скажи, – говорю, – мне: как твоё имя?»

А он, как совсем бы ему не соответствовало, бабственною погудкою говорит:

«Зовут меня зовуткою, а величают уткою», – и с этими пустыми словами пополоз было со свечечкою в какой-то малый чулан, тесный, как дощатый гробик, но из-за стены на него тот дерзый вдруг опять закричал:

«Не смей огня жечь: келью сожжешь, по книжке днём намолишься, а теперь впотьмах молись!»

«Не буду, – отвечает, – брате Мирон, не буду. Спаси тебя Бог!».

И задул свечку.

Я шепчу:

«Отче! кто это на тебя так грубительно грозится?»

А он отвечает:

«Это служка мой Мирон... добрый человек, он блюдет меня».

<...> Ни одного слова я более отцу Памве не сказал, да и что бы я мог ему сказать: согруби ему – он благословит, приберё его – он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением! Чего он утратит, когда даже в ад сам просится? Нет: недаром я его трепетал и опасался, что истлит он нас, как гагрена жир. Он и демонов-то всех своим смирением из ада разгонит или к Богу обратит! Они его станут мучить, а он будет просить: «Жёстче терзайте, ибо я того достоин». Нет, нет! Этого смирения и сатане не выдержать! он все руки об него обколотит, все когти обдерёт и сам своё бессилие постигнет пред Содетелем, такую любовь создавшим, а устыдится его.

<...> И рассказал ему всё наше горе. А он всё слушал, слушал и отвечает: «Ангел тих, ангел кроток, во что ему повелит Господь, он в то и одется; что ему укажет, то он сотворит. Вот ангел! Он в душе человеческой живёт, суетумудрием запечатлён, но любовь сокрушит печать...»

И с тем, вижу, он удаляется от меня, а я отвратить глаз от него не могу и, преодолеть себя будучи не в состоянии, пал и вслед ему

в землю поклонился, а поднимая лицо и вижу, его уже нет, или за древа зашёл, или... Господь знает куда делся.

Тут я стал перебирать в уме его слова, что такое: «ангел в душе живёт, но запечатлён, а любовь освободит его», да вдруг думаю: «А что, если он сам ангел, и Бог повелит ему в ином виде явиться мне» <...> Взгадав это, я, сам не помню, на каком-то пенёчке переплыл через речечку и ударился бежать: шестьдесят вёрст без остановки ушёл, всё в страхе, думая, не ангела ли я это видел, и вдруг захожу в одно село и нахожу здесь изографа Севастьяна. Сразу мы с ним обо всём переговорили и положили, чтобы завтра же ехать, но поладили мы холодно и ехали ещё холоднее. А почему? Раз, потому, что изограф Севастьян был человек задумчивый, а ещё того более потому, что сам я не тот стал: витал в душе моей анахорит Памва, и уста шептали слова пророка Исайи, что «дух Божий в ноздрях человека сего».

Работа с текстом после чтения

А

1. Расскажите о ваших впечатлениях от прочитанного.
2. Как вы поняли, о чём рассказ Лескова?
3. Какую истину о запечатлённом ангеле открыл рассказчику (Марку) чудный старец Памва?
4. Вернитесь к названию рассказа. Раскройте его символический смысл, опираясь на слова старца Памвы.
5. Вспомните мысль М. Горького: Лесков – «писатель, открывший праведника в каждом сословии, во всех группах...». Кто из героев рассказа симпатичен автору? К какому сословию они относятся? Кого из них можно назвать праведником? Свой ответ аргументируйте.
6. Перечитайте описание сцены в хибарке Памвы. Как характеризует старца разговор со служкой Мироном? Какое главное качество отличает этого праведника? Сравните свой ответ с авторским мнением о том, что делает слабого человека сильным и твёрдым духом.
7. Расскажите, на какие особенности художественного стиля Лескова вы обратили внимание при чтении рассказа. Сделайте вывод, в чём заключается своеобразие творческой манеры писателя.
8. Попробуйте объяснить, почему именно эти страницы рассказа Достоевский назвал лучшими.

1. Рассказ Н.С. Лескова вызвал к себе благосклонное внимание царя Александра II, увидевшего в нём традиции рождественского рассказа. Покажите, в чём заключается близость «Запечатлённого ангела» к рождественскому рассказу.

2. Н.С. Лесков долго работал над рассказом: пришлось «...вытачивать "Ангелов" по полугода».

В чём, по-вашему, заключался процесс вытачивания текста рассказа?

3. Н.С. Лесков (в том числе и своим рассказом) неоднократно выступал в защиту «одной из самых покинутых отраслей русского искусства» – иконописи, которая, по его мнению, служила делу просвещения народа.

В своих статьях, рассказах он указывал на мировое значение таких шедевров, как «филаретовские святцы в Москве», «канонические створы русского письма, находящиеся в Ватикане у папы», называл имена выдающихся русских мастеров-изографов своего времени, не принимал литографированные иконы: «Иконы надо писать руками иконописцев».

Выполните исследование на тему «Русская иконопись в творчестве Лескова». В чём вы видите смысл этой работы? Кому могут быть интересны результаты вашего исследования?

4. Подготовьте реферат на одну из тем: «Поздний Гоголь как "источник" лесковской темы праведничества», «"Записки охотника" Тургенева и проза Лескова», «Герои романов Тургенева как антиподы праведников Лескова», «Традиционный уклад русской жизни в произведениях А.Н. Островского и Н.С. Лескова», «Традиции русского странничества в творчестве Некрасова и Лескова».

Литература и иные источники

1. Дыханова Б. «Запечатлённый ангел» и «Очарованный странник» Н.С. Лескова. – М., 1980.

2. Горелов А.А. Хождение за истиной. – Л., 1972.

3. Гунн Генрих. Очарованная Русь. – М., 1990.

4. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 т. – М., 2007.

Критика о праведниках Лескова

Прочитайте отрывки из статей А. Горелова «Хождение за истиной» и В. Хализева, О. Майоровой «Лесковская концепция праведничества». По ходу чтения делайте выписки, которые помогут вам подготовить рассказ о праведниках Лескова.

«Очарованный странник» Лескова – вместе с его «Соборянами», «Запечатлённым ангелом» – было удачной попыткой решить задачу, которую понял пятилетием раньше и провозгласил задачей всего искусства эпохи Салтыков-Щедрин: «Новая русская литература не может существовать иначе как под условием уяснения... положительных типов русского человека...». Нарастающим интересом к положительным воплощениям национального характера отмечены для Лескова 70–80-е годы, когда возникает разноликая серия его рассказов о праведниках.

Целый слой людей, незаметно, но постоянно творящих подвиг человеколюбия, – это и есть те, кем стоит и держится русская земля. Я пошёл, говорил Лесков, «искать праведных, пошёл с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трёх праведных, без которых «несть граду стояния»...

Первый рассказ серии о «трёх праведниках «Однодум» печатается лишь в 1879 году, но фактически праведниками были уже герои некоторых вещей начала 70-х («Очарованный странник») и даже 60-х годов («Овцебык»). Таковы изографы-богомазы «Запечатлённого ангела» (1873), желающие, чтобы их творчество обращало человека к помышлениям о «вышнем проспекте жизненности». Таковы уездные дворяне-демократы «Захудалого рода» (1873), ставшие «не к масти» своему сословию и николаевской эпохе. Таков мужик – герой рассказа «Павлин» (1874), который «являет себя... в борьбе чувств» равным благороднейшим из героев романа «Что делать?»: узнав, что его жена любит другого, он фиктивно объявляет себя умершим, добываясь её венчания с любимым. Таков «дикарь» – зырянин из рассказа «На краю света» (1875), оказавшийся носителем высшего гуманизма, коего и не подозревают в нём «човеколюбцы» по должности – миссионеры.

Среди праведников Лескова есть две категории людей. Одни живут «элементарными» инстинктами сострадания и доброты. Другие ищут и находят своему трудному пути защиты добра некое христиански-философское обоснование, создавая «катехизисы» практического гуманизма. Лев Толстой назовёт в 90-е годы русского мужика «нашим учителем». Лесковские праведники – тоже учителя жизни, которых писатель ставит в образец.

Праведник устремляет взгляд внутрь себя и – требовательный прежде всего к себе – от себя же добивается следования евангельскому нравственному идеалу, понимаемому писателем как

«почвенная» идеология трудового класса, в исключительных случаях усваиваемая «отщепенцами» класса дворянского. «Дух... бьёт в совесть» таких людей, как слуга Павлин Певунов или квартальный Александр Рыжов, и они становятся неуступчиво последовательны, неукротимы в достижении цели. Борясь с носителями порока и виновниками человеческих несчастий, они готовы преступить даже заповедь «не убий». «За неё... за жену... за незащищённую... – клянётся смиренный Певунов, – во храме Господнем убью» («Павлин»).

(А. Горелов. «Хождение за истиной»)

Укоренённость лесковских героев в национальной жизни отнюдь не означает пассивного подчинения налаженному общественному механизму. Напротив, господствующие воззрения и нравы нередко противоречат тому идеальному миропорядку, который присутствует в сознании лучших героев Лескова. Эти люди озабочены тем, чтобы в реальности всё более явно проступали черты должного, и именно на это они направляют свою деятельность. То, что отвечает требованиям справедливости и разума, в глазах лесковского праведника принципиально осуществимо. Сознание героя Лескова, не искущённое размышлениями об антиномиях бытия... Идеальное, по его убеждению, как бы обязано стать реальностью. Всё дурное осознаётся праведниками как необязательное, хотя и бытующее отклонение от идеальной нормы. Отклонение, за которое ответственны и они сами. Нравственные принципы мыслятся героями Лескова как должные неукоснительно воплощаться прежде всего в их собственной жизни – независимо от того, что являют собою окружающие. Этим они близки старцу Зосиме из «Братьев Карамазовых», который утверждает, что нужно оставаться верным идеалу, «хотя бы даже и случилось так, что все бы на земле совратились». В отличие от персонажей «Пошехонской старины» и иных щедринских героев, лесковские праведники не склонны смешивать «любовь к отечеству с выполнением распоряжений правительства и даже просто начальства». Они отнюдь не принадлежат к числу бесчисленных на Руси «бессердечных исполнителей чужого приказа» (Гл. Успенский). Лесков высоко ценил духовную и практическую самостоятельность. Его праведник нравственно свободен от царящих вокруг мнений и именно этим привлекателен.

(В. Хализев. О. Майорова «Лесковская концепция праведничества»)

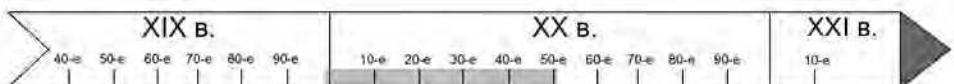
- Составьте, опираясь на выписки, обобщённый портрет праведника Лескова. Используйте в работе также материалы статьи М. Горького.
- Сравните получившийся обобщённый портрет праведника Н.С. Лескова с образом Матрёны у А.И. Солженицына (рассказ «Матрёнин двор»). Сформулируйте выводы.
- Напишите эссе на одну из тем «Истинно русский человек», «Есть ли праведники в нашей жизни?».



**«ОГРОМНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, КОТОРОГО
НЕ ЗАМЕЧАЛИ»**
Андрей Платонович Платонов (1899–1951)

Основные даты жизни и творчества А.П. Платонова

- 1899, 16 (28) августа – родился в Воронеже.
 1914–1918 – работа подручным слесаря, помощником машиниста на паровозе, литейщиком на трубном заводе и др.
 1918 – учёба в железнодорожном политехникуме, начало литературной деятельности.
 1919 – боец отряда ЧОН в рядах Красной Армии.
 1927 – переезд в Москву, выход книги «Епифанские шлюзы», которая делает его известным.
 1928 – выход сборников «Луговые мастера» и «Сокровенный человек».
 1928–1930 – роман «Чевенгур» (опубликован в 1988 г.).
 1929–1930 – повесть «Котлован» (опубликована в 1987 г.).
 1931 – публикация в журнале «Октябрь» рассказов «Бедняцкая хроника», «Впрок». Резкая критика рассказов в печати после оскорбительной резолюции Сталина.
 1938 – арест сына (пятнадцатилетнего школьника).
 1942–1946 – служба в действующей армии корреспондентом «Красной звезды».
 1946 – демобилизация, выход трёх прозаических сборников «Рассказы о Родине», «Броня», «В сторону заката солнца».
 1946 – рассказ «Семья Иванова» («Возвращение»), напечатанный в журнале «Новый мир», объявлен «клеветническим». Платонова перестали печатать.
 1951, 5 января – умер в Москве от туберкулёза, которым заразился, ухаживая за смертельно больным сыном.



В 1991 г. в докладе по случаю получения Нобелевской премии поэт И. Бродский назвал А. Платонова (наряду с Прустом, Кафкой, Фолкнером и др.) одним из самых замечательных писателей уходящего века. Подобную оценку они, по его мнению, заслужили несколькими общими чертами:

- были «одиночками, своеобразными, часто до эксцентричности»;
- их творчество считалось «трудным»;
- их искусство начиналось там, где умирали логика, сюжеты и система композиции прошлого;
- у них стиль преобладал над сюжетом, язык – над повествованием.

Всё это, по словам Нобелевского лауреата, позволяло назвать этих писателей «величайшими поэтами столетия».

А.И. Солженицын выразил своё восхищение Платоновым гораздо проще, но тоже убедительно: одной-единственной книгой, которую он взял бы в путешествие, был бы «Котлован» Платонова.

К.Г. Паустовский назвал Платонова «самым гениальным писателем XX века».

В 30-е годы XX века американский писатель Э. Хемингуэй, прочитав платоновский рассказ «Третий сын», заявил, что «готов учиться у Платонова». И примерно в это же время И.В. Сталин после знакомства с одной из повестей Платонова напишет: «Дурак, идиот, мерзавец».

Платонов прошёл всё: хвалы и хуление, известность и забвение, радость отцовства и потерю единственного сына...

По мнению Платонова, душу человека созидает преодоление истинной беды, горя, а первая потребность души – сострадание. Этой глубокой потребности человеческого сердца и служат произведения Платонова. Он затрагивает самые сокровенные чувства и мысли человека: те, до которых человек неминуемо доходит самостоятельно в обстоятельствах, которые служат ему одновременно утешением и надеждой, дают право поступить именно так, а не иначе.

Художественный мир произведений Платонова обращён к вечным вопросам человечества. Что такое счастье? Как отличить добро от зла? В чём сила и бессилие человека? Что такое душа и что есть сокровенное в человеке? Что связывает человека с природой? Что их разобщает?

Идею невозможности построить прекрасное будущее, если оно замешано на крови, высказанную Достоевским, Платонов разовьёт в трёх своих произведениях («Котлован», «Ювенильное море», «Чевенгур»).

Всю свою жизнь писатель шёл через адское нынешнее как через желаемое будущее и, не находя его, возвращался к исходному пункту, чтобы всё начать сначала.

Платонов – человек общественной концепции, социума, «общинный человек». Вопреки очевидному, верил в «свой коммунизм». Революция в понимании писателя – процесс глубоко народный, творческий, который вносит разум и красоту во взаимоотношения человека с «прекрасным и яростным миром».

Коренной житель одной из центральных областей России, он с любовью вводит родную землю в своё творчество: Ямская слобода, Тамлык, Усмань, Потудань, Ясная Меча...

Для Платонова, публициста и прозаика, характерно сложное, трагически напряжённое восприятие человека и природы, человека и других людей. Платонов видит мир глазами трудящегося человека, мучительно и напряжённо осмысляющего жизнь, своё место в ней. Он стыдлив перед пафосным словом. Герои Платонова – мастеровые, кустари, машинисты, сироты по своему душевному состоянию – чудаковатые, наивные мудрецы, стремящиеся к гармонии и красоте.

У Платонова хороший человек – тот, кто наделён великим сердцем – размышляет и изъясняется всегда с трудом, соображает медленно, плохо, невнятно, обязательно с какими-то запинками и оговорками, мысль у него идёт неправильно, как-то коряво, «туго». Но, по Платонову, это и есть залог правильности мысли, её взвешенности, проверенности на себе.

Каждый мыслящий человек у Платонова бережно несёт внутри себя «тихое место, где ничего не было», но из которого исходит удивление миру и вопрошание обо всём, что есть. Герои писателя живут, как бы со стороны замечая свою жизнь, и проходят «мимо» людей, не становясь одним из них. «Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека, и неизвестно, зачем он одиноко существует» («Чевенгур»).

Ваш Н.А. Рождественский

Жизнь и творчество А.П. Платонова в документах и письмах

1. Что вы знаете о времени, в которое Платонову довелось жить и писать? Какой отпечаток оно наложило на жизнь писателя?
2. Просмотрите материалы, на основе которых вы будете знакомиться с жизнью Платонова. Объясните включение в их состав официальных документов.

«Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слёз любил, не видя её до двенадцати лет. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри... не дома, а хаты, куры, сапожники...

Работал я во многих местах, у многих хозяев. У нас семья была одно время в десять человек, а я – старший сын – один работник, кроме отца. Отец же, слесарь, не мог кормить такую орду.

Кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил ещё (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машины, поющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что всё делается, а не само родится».

*(Из предисловия к сборнику стихов А. Платонова
«Голубая глубина», 1922 г.)*

«Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребёнка во взрослого человека, лишая юности. До революции я был мальчиком, а после неё уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться и биться... Недоучившись в технической школе, я спешно был посажён на паровоз помогать машинисту. Фраза о том, что революция – паровоз истории, превратилась во мне в странное и хорошее чувство: вспоминая её, я очень усердно работал на паровозе. Были во мне тогда и другие – такие же слова (из детского чтения): В селе за рекою потух огонёк... Эти стихи, Мария, сразу объяснили мне уют, скромность и теплоту моей родины – и от них я больше любил уже любимое. Позже слова о революции-паровозе превратили для меня паровоз в ощущение революции. Чтобы что-нибудь полюбить, я всегда должен сначала найти какой-то тёмный путь для сердца, к влекущему меня явлению, а мысль шла уже вслед».

(А.П. Платонов – жене М. А. Платоновой, 1922 г.)

«С Платоновым лично я познакомилась в маленьком деревянном домике у Кропоткинских ворот, в Чертопольском переулке, где располагались редакции трёх детских журналов – «Затейник», «Дружные ребята» и «Мурзилка». Редактором «Дружных ребят» был очень смелый, мужественный человек Володя Елагин, которому, несмотря ни на что, удавалось печатать Платонова, и Платонов приходил в эту редакцию. Приходило в Чертопольский переулок много известных писателей, поэтов. Например, членами редколлегии «Мурзилки» были А.Н. Толстой, С. Маршак. Надо сказать, что писатели в основном были хорошо одеты – в шляпах, красивых пальто, галстуках. Отправляясь в редакцию, каждый как-то прихорашивался. И вот среди них Платонов выглядел как существо из другого мира. У него был тёмно-синий московшвеевский плащ, простая кепка. Лицо утомлённое – лицо мастерового, труженика. Когда он приходил в «Дружные ребята», все, кто его любил, потихонечку собирались туда послушать его. Он продолжал писать, несмотря ни на что, потому что был писатель Божьей милостью.

*(Евгения Таратута. Из статьи
«Писатель нелёгкого чтения»)*

«Надо любить ту вселенную, которая может быть, а не ту, которая есть».

*(А.П. Платонов. Из письма жене
М.А. Платоновой, 1922 г.)*

«Андр[ей] ПЛАТОНОВ после ареста своего 15-летнего сына долго не мог о нём ничего узнать. Единственный ответ, какой он косвенно получил (через А.А. Фадеева – ответ на заявление, адресованное Наркому Внутренних Дел) – что дело серьёзное, но малолетство обвиняемого будет учтено. ПЛАТОНОВ искал всех возможностей для передачи писем и заявлений, в которых он просил:

1. Чтобы его, отца, вызвал следователь, так как он не может не считать себя ответственным за сына.

2. Чтобы сыну позволено было передавать одежду и обувь. Сын Платон Андреевич – страдал ушной болезнью, перенёс уже 2 трепанации черепа, и ПЛАТОНОВ опасался за его жизнь.

ПЛАТОНОВ обратился в числе других и к М.А. ШОЛОХОВУ, который к нему относился хорошо как к писателю (личной близости между ними не было). ШОЛОХОВ обещал передать письмо тов. СТАЛИНУ и сам советовал, что писать; он говорил «прямо проси освобождения». Ответа ПЛАТОНОВ не получил. Через 2 месяца ШОЛОХОВ приехал снова, очень удивился, почему нет ответа, и взялся передать ещё одно письмо; кроме того, он обещался лично переговорить с тов. БЕРИЯ, которого уже однажды видел.

Первое письмо ПЛАТОНОВА ШОЛОХОВ, оказывается, передал тов. ПОСКРЁБЫШЕВУ.

После этой встречи с ШОЛОХОВЫМ ПЛАТОНОВ впал в отчаяние: ШОЛОХОВ рассказал ему об антисоветских методах допросов, которые, по его словам, применялись широко в системе НКВД в 1937 году не только на периферии, но и в центре для получения сознания своей вины со стороны абсолютно невиновных людей. ПЛАТОНОВ не мог не поверить ШОЛОХОВУ – члену партии, депутату Верховного Совета. Вместе с тем он не мог себе объяснить, что заставило ШОЛОХОВА рассказать такие вещи именно ему, когда он и так встревожен участью сына. ПЛАТОНОВ говорил: «Что это за игра? И зачем ему нужен я, не имеющий никакой роли ни в какой игре?» Однако эти рассказы ШОЛОХОВА, при всех сомнениях, настолько потрясли ПЛАТОНОВА, что двое его ближайших друзей, с которыми он об этом говорил, с трудом поддерживали его душевное равновесие.

<...> Он работал, но работа давалась трудно, так как забота о сыне его угнетала.

«Платонов – огромный писатель, которого не замечали, – только потому, что он не помещался в ящиках, по которым раскладывали литературу... Путь к пониманию России – трудный путь. Платонов знал все камни и повороты этого пути. Мы все виноваты перед ним...»

(В. Шкловский. Из набросков к статье о Платонове)

В последний месяц работа пошла хорошо: ПЛАТОНОВ написал рассказ о немецком лётчике антифашисте в Испании («По небу полуночи...»), заканчивает рассказ для «Индустрии социализма», написал как будто для киносценария, принято[го] фабрикой Детфильм. Продолжает работу над большой повестью «Путешест-

вие». Согласился написать статью о романе МИТРОФАНОВА «Ирина ГОДУНОВА» для журнала «Лит[ературное] обозрение». Почти всё время проводит дома и старается всех от себя отваживать. Хлопоты о сыне продолжает лично через прокуратуру СССР, где ему обещают сообщить, в каких пределах он может просить о смягчении участи сына.

Недавно его жена ездила в Вологду, где безуспешно пыталась добиться свидания с сыном или передачи для него: ей удалось только узнать, что он не в лагере, а в тюрьме. Он очень раздражён против Н.И. ЕЖОВА и случившееся с сыном приписывает неправильной установке, котор[ую] тот дал следственному аппарату.

(Из Донесения Главного отдела Секретно-политического управления НКГБ СССР, 1 апреля 1939 г.)

«В редакцию «Литературной газеты».

В редакцию журнала «Литературный критик».

Просьба напечатать моё нижеследующее письмо (письмо осталось неопубликованным. – *Авт.*).

В последнее время – уже в течение полугода или более – моя фамилия часто употребляется разными литераторами, которые, стремясь доказать свои теоретические положения, ссылаются на меня как на писателя, – по любой причине и без особой причины. Убогость аргументации именем Платонова – очевидна. Поэтому я здесь не хочу вступать с этими людьми в какой-либо спор: у меня есть более полезная работа, чем употреблять те средства подавления и коррупции, которые применяют ко мне люди, считающие меня своим противником. Кроме того, я бы не смог употребить эти средства, потому что для того я бы должен превратиться из писателя в администратора. Например, я бы не смог (да и не стал бы, если даже мог) ликвидировать напечатанные и разрешённые к опубликованию книги, как поступили недавно с моей книгой, не стал бы зачёркивать каждое слово в печати, если оно не содержит резкого осуждения Платонова, и прочие подобные поступки я не позволил бы себе совершить и отговорил бы от таких поступков других людей, активность которых опережает их разумение.

В заключение я приведу слова Гоголя, которые в точности излагают мою мысль и просьбу: «Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории... Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: оставьте меня».

(А.П. Платонов. 15/V 1940 г.)

«На всю жизнь остался в памяти страшный день 16 октября 1941г., когда толпы москвичей устремились к шоссе Энтузиастов и Казанскому вок-

«Он был человеком, благодарным за жизнь – за факт жизни, за явление жизни. Был благодарен жизни за то, что жизнь есть на земле».

(Из воспоминаний друга Платонова, Эм. Миндлина)

залу – многим показалось, что немцев уже не удержать. И вот в самый разгар этой невообразимой паники, которую сейчас называют прекрасно организованной эвакуацией, к нам зашёл Андрей Платонов. Он был совершенно спокоен. Испуганная мама бросилась к нему со словами: «Андрей Платонович, что же будет?». Он посмотрел так удивлённо: «А что?.. Россия победит». «Но как?! – воскликнула мама. – Немцы уже в предместьях Москвы!». Платонов пожал плечами: «Как? Я не знаю как. Пузом!».

(Ю. Нагибин. Из статьи «Он принял меня в братство боли», 1989 г.)

<...> Сейчас он, – ПЛАТОНОВ, вообще в ужасном состоянии. Недавно умер его сын от туберкулёза. Сын его выслан и потом возвращён. Болезнь эту, как мне сказал ПЛАТОНОВ, он приобрёл в лагерях и в тюрьме. ПЛАТОНОВ очень болезненно переживает смерть своего единственного сына.

«Я чувствую себя совершенно пустым человеком, физически пустым, сказал мне ПЛАТОНОВ, – вот есть такие летние жуки. Они летают и даже не жужжат. Потому что они пустые насковзь. Смерть сына открыла мне глаза на мою жизнь. Что она теперь моя жизнь? Для чего и кого мне жить. Советская власть отняла у меня сына – советская власть упорно хотела многие годы отнять у меня и звание писателя. Но моего творчества никто у меня не отнимет. Они и теперь-то печатают меня, скрипя зубами. Но я человек упорный. Страдания меня только закаляют. Я со своих позиций не сойду никуда и никогда. Все думают, что я против коммунистов. Нет, я против тех, кто губит нашу страну. Кто хочет затоптать наше русское, дорогое моему сердцу. А сердце моё болит. Ах, как болит! <...> вот сейчас я на фронте многое вижу и многое наблюдаю (Брянский фронт). Моё сердце разрывается от горя, крови и человеческих страданий. Я много напишу. Война меня многому научила». <...>

(Из Донесения отдела 3 Секретно-политического управления НКГБ СССР. 15 февраля 1943 г.)

«Неделю назад Андрей ПЛАТОНОВ позвонил ко мне по телефону и высказал желание повидаться. Был уже поздний вечер.

<...> Вначале речь его была бес-
связной; тяжёлое впечатление произ-
водил надрыв, с которым ПЛАТОНОВ
рассказывал о себе, о своей семейной
жизни, о своих неудачах в литерату-
ре. Во всём этом было что-то патоло-
гическое. Мысль его всё время воз-
вращалась к смерти сына, потери ко-
торого он не может забыть. О своей
болезни – ПЛАТОНОВ недавно заболел
туберкулёзом в тяжёлой форме –
он говорит как о «благосклонности

«Что значит любить ближнего, то есть всякого человека, как себя самого? Это значит – почитать другого так, как желаешь, чтобы почитали тебя, не считать никого чужим, а своим, своим братом <...> его благо, его спасение – считать своим благом, своим спасением; радоваться его благополучию, как своему, скорбеть о его несчастьи, как о своём».

*(Иоанн Кронштадтский.
Из проповеди)*

судьбы, которая хочет сократить сроки его жизни». Жизнь он воспринимает как страдание, как бесплодную борьбу с человеческой грубостью и гонение на свободную мысль. Эти жалобы чередуются у него с повышенной самооценкой, с презрительной оценкой всех его литературных собратьев. <...>

«За что вы все меня преследуете? – восклицал ПЛАТОНОВ, – вы, вы все? Товарищи, – я знаю, преследуют из зависти. Редакторы – из трусости. Их корчит от испуга, когда я показываю истинную русскую душу, не препарированную всеми этими азбуками коммунизма. А ЦК за что меня преследует? А Политбюро? Вот, нашли себе врага в лице писателя ПЛАТОНОВА! Тоже – какой страшный враг, пишет о страдании человека, о глубине его души. Будто так уж это страшно, что ПЛАТОНОВА нужно травить в газетах, запрещать и снимать его рассказы, обрекать его на молчание и на недоедание? Несправедливо это и подло.

<...> Он вдруг закричал: «Не буду холопом! Не хочу быть холопом!»

<...> Он стал говорить о том, что чувствует себя гражданином мира, чуждым расовых предрассудков, и в этом смысле верным последователем советской власти. Но советская власть ошибается, держа курс на затемнение человеческого разума. «Рассудочная и догматическая доктрина марксизма, как она у нас насаждается, равносильна внедрению невежества и убийству пытливой мысли. Всё это ведёт к военной мощи государства, подобно тому, как однообразная и нерассуждающая дисциплина армии ведёт к её боеспособности. Но что хорошо для армии, то нехорошо для государства. Если государство будет состоять только из одних солдат, мыслящих по уставу, то, несмотря на свою военную мощь, оно будет реакционным государством и пойдёт не вперёд, а назад. Уставная литература, которую у нас насаждают, помогает шагистике, но убивает душевную жизнь. Если николаевская Россия была жандармом Европы, то СССР становится красным жандармом Европы. Как свидетельствует история, все военные империи, несмотря на их могущество, рассыпались в прах. Наша революция начинала, как светлая идея человечества, а кончает, как военное государство. И то, что раньше было душой движения, теперь выродилось в лицемерие или в подстановку понятий: свободой у нас называют принуждение, а демократизмом диктатуру назначенцев».

Эту, не лишённую известной стройности «концепцию» ПЛАТОНОВ не захотел развить дальше

<...> ПЛАТОНОВ стал говорить о том, что он «разбросал всех своих друзей» потому, что убедился, что люди живут сейчас не по внутреннему закону свободы, а по внешнему предначертанию и все они сукины дети. Здесь

«Желание служить благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...».

(А.П. Чехов,
из «Записных книжек»)

последовало перечисление ряда писателей и огульное осуждение их морального поведения.

(Из Донесения отдела 2 Секретно-политического управления НКГБ СССР. 5 апреля 1945 г.)

«ПЛАТОНОВ мне сообщил: «Всю войну я провёл на фронте, в землянках. Я увидел теперь совсем по-другому свой народ. Русский народ, многострадальный, такой, который цензура у меня всегда вымарывает, вычёркивает и не даёт говорить о русском народе. Сейчас мне трудно. У меня туберкулёз второй степени, я харкаю кровью. Живу материально очень плохо, а нас 6 человек, работник я один, все малые и старые. Я устал за войну. Меня уже кроют и будут крыть всё, что бы я ни написал. Сейчас я пишу большую повесть «Иван – трудолюбивый» – там будет всё, и война, и политика. А главное, я как поэму описываю труд человека и что может от этого произойти, когда труд поётся, как песня, как любовь. Хочу написать эту повесть, а потом умереть. Конечно, так как я писатель, то писать я буду до последнего вздоха и при любых условиях, на кочке, на чердаке, – где хотите, но я очень устал и дома условия невозможные для работы с рождением ребёнка. Мне всячески вставляют палки в колёса, дома есть нечего, я ведь не корифей и лимит у меня только 300 р[ублей]. Желание работать сейчас огромное. Мне кажется, я так бы и сидел, не отрываясь».

(Из Донесения отдела 2 Секретно-политического управления НКГБ СССР. 18 мая 1945 г.)

3. Что вас поразило в биографии и творческой судьбе писателя? Чем они необычны?
4. Как характеризуют личность писателя его письма? тексты донесений о нём? Свой ответ аргументируйте цитатами.
5. Что писатель говорит о самом себе? Насколько справедливо, на ваш взгляд, мнение о том, что Платонов ощущал себя маленьким человеком по отношению к своим гонителям?
6. Расскажите, каким вы представили себе Платонова-отца, Платонова-писателя, Платонова-человека.
7. Составьте на основе текстов биографических материалов, вставок на полях, размышлений профессора Н.А. Рождественского рассказ «Россия и русская душа в представлении Андрея Платонова».

Литература и иные источники

1. Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. – М., 1994.
2. Андрей Платонов. Мир творчества. – М., 1994.
3. Андрей Платонов. Вся жизнь. – М., 1991.
4. Бочаров С.Г. Вещество существования. – М., 1991.
5. Васильев В.В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. – М., 1990.
6. Платонов А.П. Собрание сочинений в 2 т. – М., 1998.
7. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. – М., 2000.
8. <http://www.platonov.org.ru>

Читаем повесть «Сокровенный человек»

Работа с текстом до чтения

1. Известно, что Платонов любил слово «сокровенный». Какие ассоциации это слово вызывает у вас?

2. Прочитайте определение из словаря В.И. Даля: «Сокровенный – сокрытый, скрытый, утаённый, тайный, потайной, спрятанный или схиронённый от кого». Что, по-вашему, стоит за понятием сокровенного в человеке?

Работа с текстом во время чтения

1. Прочитайте начало повести, используя приём комментированного чтения.

Фома Пухов не одарён чувствительностью: он на гробе жены варёную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки.

– Естество своё берёт! – заклучил Пухов по этому вопросу.

После погребения жены Пухов лёг спать, потому что сильно исхлопотался и намаялся. Проснувшись, он захотел квасу, но квас весь вышел за время болезни жены – и нет теперь заботчика о продовольствии. Тогда Пухов закурил – для ликвидации жажды.

Итак, первая же фраза повести заставляет задуматься о герое, осмыслить его поступки: Неужели гроб – то место, на котором стоит колбасу резать, даже если ты проголодался? Неужели после похорон близкого человека в первую очередь хочется квасу? Неужели жена для него была лишь «заботчиком о продовольствии»? И т.д.

При этом нельзя не заметить некоторую претенциозность героя: жажду он «ликвидирует», о чувстве голода говорит «Естество своё берёт», да и не просто говорит, а заключает. Вот такой он, сокровенный человек.

Такой ли? Не покидает ощущение, что не всё так просто в этих нескольких строчках, ведь с самого начала мы чувствуем оппозицию жизни и смерти, вечного и повседневного, бытового и бытийного.

2. Прочитайте фрагменты повести, комментируя текст самостоятельно. По ходу чтения обращайте внимание на подчёркнутые в тексте слова и предложения.

1

Не успел он докурить, а уж к нему кто-то громко постучал беспрекословной рукой.

– Кто? – крикнул Пухов, разваливая тело для последнего потягивания. – Погоревать не дадут, сволочи!

Однако дверь отворил: может, с делом человек пришёл.

Вошёл сторож из конторы начальника дистанции.

– Фома Егорыч, – путёвка! Распишитесь в графе! Опять метёт – поезда станут!

Расписавшись, Фома Егорыч поглядел в окно: действительно, начиналась метель, и ветер уже посвистывал над печной вьюшкой. Сторож ушёл, а Фома Егорыч загоревал, подслушивая свирепеющую вьюгу, – и от скуки, и от бесприютности без жены.

– Всё совершается по законам природы! – удостоверил он самому себе и немного успокоился.

Но вьюга жутко развёртывалась над самой головой Пухова, в печной трубе, и оттого хотелось бы иметь рядом с собой что-нибудь такое, не говоря про жену, но хотя бы живность какую.

По путёвке на вокзале надлежало быть в шестнадцать часов, а сейчас часов двенадцать – ещё можно поспать, что и было сделано Фомой Егорычем, не обращая внимания на пение вьюги над вьюшкой.

Разомлев и распарившись, Пухов насилу проснулся. Нечаянно он крикнул, по старому сознанию:

– Глаша! – жену позвал; но деревянный домик претерпевал удары снежного воздуха и весь пицал. Две комнаты стояли совсем порожними, и никто не внял словам Фомы Егорыча. А бывало, сейчас же отзовется участливая жена:

– Тебе чего, Фомушка?

– А ничего, – ответит, бывало, Фома Егорыч, – это я так позвал: цела ли ты!

А теперь никакого ответа и участия: вот они, законы природы!

– Дать бы моей старухе капитальный ремонт – жива бы была, но средств нету и харчи плохие! – сказал себе Пухов, шнуруя австрийские башмаки.

– Хоть бы автомат выдумали какой-нибудь: до чего мне трудящимся быть надоело! – рассуждал Фома Егорович, упаковывая в мешок пищу: хлеб и пшено.

На дворе его встретил удар снега в лицо и шум бури.

– Гада бестолковая! – вслух и навстречу движущемуся пространству сказал Пухов, именуя всю природу.

Проходя безлюдной привокзальной слободой, Пухов раздражённо бурчал – не от злобы, а от грусти и ещё отчего-то, но отчего – он вслух не сказал.

На вокзале уже стоял под парами тяжёлый, мощный паровоз с прицеплённым к нему вагоном – снегоочистителем. На снегоочистителе было написано: «Система инженера Э. Бурковского».

«Кто этот Бурковский, где он сейчас и жив ли? Кто ж его знает!» – с грустью подумал Пухов, и отчего-то сразу ему захотелось увидеть этого Бурковского.

К Пухову подошёл начальник дистанции:

– Читай, Пухов, расписывайся, и – поехали!

<...> Фронт работал в шестидесяти верстах. Белые всё время прижимались к железнодорожной линии, ища уюта в вагонах и станционных зданиях, утомившись в снежной степи на худых конях. Но белых отжимали бронированные поезда красных, посылая снега свинцом из изношенных пулемётов. По ночам – молча, без огней, тихим ходом – проходили броневые поезда, просматривая тёмные пространства и пробуя паровозом целость пути. Ночью ничего не известно; помашет издали поезду низкое степное дерево – и его порежут и снесут пулемётным огнём: зря не шевелись!

– Готово? – спросил начальник дистанции и посмотрел на Пухова.

– Готово! – ответил Пухов и взял в обе руки рычаги.

Начальник дистанции потянул верёвку к паровозу – тот запел, как нежный пароход, и грубо дёрнул снегоочиститель.

Выскочив со станционных путей, начальник дистанции одной рукой резко и коротко дёрнул за верёвку паровозного свистка, а другой махнул Пухову. Это означало: работа!

Паровоз крикнул, машинист открыл весь пар, а Пухов передвинул оба рычага, опуская щит с ножами и развёртывая крылья.

Сейчас же снегоочиститель сдал скорость и начал увязать в снегу, приликая к рельсам, как к магнитам.

Начальник дистанции ещё раз дёрнул верёвку на паровоз, что означало – усилить тягу! Но паровоз весь дрожал от перенапряжения и сифонил так, что из трубы жар вылетал. Колёса его впустую ворочались в снегу, как в крутой почве, подшипники грелись от частых оборотов и плохого масла, а кочегар весь взмок от работы с топкой, несмотря на то что выбегал за дровами на тендер, где его прохватывал двадцатиградусный ветер.

Снегоочиститель и паровоз попали в глубокий снежный перевал. Один начальник дистанции молчал – ему было всё равно. Остальные люди на паровозе и на снегоочистителе грубо выражались на каком-то самодельном языке, сразу обнажая задушевные мысли.

<...> Подъезжали к переезду, где лежали контррельсы. Такие места проезжали без работы: щит снегоочистителя резал снег ниже головки рельса и не мог работать, когда у рельса что-нибудь находилось – тогда снегоочиститель опрокинулся бы.

Проехав переезд, снегоочиститель понёсся открытой степью. Укрытый снегом, лежал искусный железный путь. Пухов всегда удивлялся пространству. Оно его успокаивало в страдании и увеличивало радость, если её имелось немного.

Так и теперь – поглядел в запушённое окно Пухов: ничего не видно, а приятно.

Снегоочиститель, имея жёсткие рессоры, гремел, как телега по кочкам, и, ухватывая снег, тучей пушил его на правый откос пути, трепеща выкинутым крылом; это крыло назначено было швырять снег на сторону – то оно и делало.

<...> С Грязей снегоочистителю вручили приказ: вести за собой броневик и поезд наркома, пробивая траншею в заносах, вплоть до Лисок.

Снегоочистителю дали двойную тягу: другой паровоз уступил поезд наркома – громадную спокойную машину Путиловского завода.

Тяжёлый боевой поезд наркома всегда шёл на двух лучших паровозах.

Но и два паровоза теперь обессилели от снега, потому что снег хуже песка. Поэтому не паровозы были в славе в ту мятежную и снежную зиму, а снегоочистители.

И то, что белых громила артиллерия бронепоездов под Давыдовкой и Лискамаи, случилось потому, что бригады паровозов и снегоочистителей крушили сугробы, не спя неделями и питаюсь сухой кашей.

Пухов, например, Фома Егорыч, сразу почёл такое занятие обыкновенным делом и только боялся, что исчезнет махорка с вольного рынка; поэтому дома имел её пуд, проверив вес на безмене.

Не доезжая станции Колодезной, снегоочиститель стал: два могучих паровоза, которые волокли его, как плуг, влетели в сугроб и зарылись по трубу.

Машинист-петроградец с поезда наркома, ведущий головной паровоз, был выбит из сиденья и вышвырнут на тендер от удара паровоза в снег и мгновенной остановки. А паровоз его, не сдаваясь, продолжал буксовать на месте, дрожая от свирепой безысходной силы, яростно прессуя грудью горы снега впереди.

Машинист прыгнул в снег, катаясь в нём окровавленной головой и бормоча неслыханные ругательства.

К нему подошёл Пухов с четырьмя собственными зубами в кулаке – он стукнулся челюстью о рычаг и вытащил изо рта ослабшие лишние зубы. В другой руке он нёс мешочек со своими харчами – хлеб и пшено. Не глядя на лежащего машиниста, он засмотрелся на его замечательный паровоз, всё ещё бившийся в снегу.

– Хороша машина, сволочь!

Потом крикнул помощнику:

– Закрой пар, стервец, кривошипцы порвёшь!

С паровоза никто не ответил.

Положив харчи на снег и зашвырнув зубы, Пухов сам полез на паровоз, чтобы закрыть регулятор и сифон.

В будке лежал мёртвый помощник. Его бросило головой на штырь, и в расшившийся череп просунулась медь – так он повис и умер, поливая кровью мазут на полу. Помощник стоял на коленях, разбросав синие беспомощные руки и с пришпиленной к штырю головой.

«И как он, дурак, нарвался на штырь? И как раз ведь в темя, в самый материнский родничок хватило!» – обнаружил событие Пухов.

Остановив бег на месте бесившегося паровоза, Пухов оглядел всё его устройство и снова подумал о помощнике:

«Жалко дурака: пар хорошо держал!»

Манометр действительно и сейчас показывал тринадцать атмосфер, почти предельное давление, – и это после десяти часов хода в глубоком плотном снегу!

Метель стихала, переходя в мокрый снегопад. Вдалеке дымили на расчищенных путях броневик и поезд наркома.

2

В Лисках отдохали три дня. Пухов обменял на олеонафт десять фунтов махорки и был доволен. На вокзале он исчитал все плакаты и тащил газеты из агитпункта для своего осведомления. Плакаты были разные. Один плакат перемалевали из большой иконы – где архистратиг Георгий поражает змея, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуя; кресты на ризе Георгия Победоносца зарисовали звёздами, но краска была плохая, и из-под звёзд виднелись опять-таки кресты.

Это Пухова удручало. Он ревниво следил за революцией, стыдясь за каждую её глупость, хотя к ней был мало причастен.

<...> Идя в барак за порцией пищи, Пухов разглядывал по дороге всякие надписи и объявления – он был любитель до чтения и ценил всякий человеческий помысел. На бараке висело объявление, которое Пухов прочитал беспрерывно трижды: <...> Товарищи рабочие! Призываем вас записываться в отряды технических сил у уполномоченных Реввоенсовета – IX на всех ж.-д. узловых станциях. Условия службы узнайте от товарищей уполномоченных. Да здравствует Красная Армия! Да здравствует рабоче-крестьянский класс!

<...> Пухов и обедать не стал, а пошёл к уполномоченному записываться, чтобы сразу управиться с делами. Но когда пришёл – съел два обеда: повар к нему благоволил за полудку кастрюли и за умные разговоры.

– После Гражданской войны я красным дворянином буду! – говорил Пухов всем друзьям в Лисках.

– Это почему же такое? – спрашивали его мастеровые люди. – Значит, как в старину будет, и землю тебе дадут?

– Зачем мне земля? – отвечал счастливый Пухов. – Гайки, что ль, сеять я буду? То будет честь и звание, а не угнетение.

Через неделю Пухов и ещё пятеро слесарей, принятых уполномоченным, поехали на Новороссийск – в порт.

<...> Море не удивляло Пухова – качается и мешает работать.

– Наши степи ещё попросторней будут, и ветер ещё почище там, только не такой бестолковый, подует днём, а ночью тишина. А тут – дует, дует и дует, – что ты с ним делать будешь?

Бормоча и покуривая, Пухов сидел над двигателем, который не шёл. Три раза он его разбирал и вновь собирал, потом закручивал для пуска – мотор сипел, а крутиться упорствовал. Ночью Пухов тоже думал о двигателе и убедительно переругивался с ним, лёжа в пустой каютке.

<...> Всю ночь бился Пухов. Передумал заново всю затею этой машины, переделал её по своему пониманию на какую-то новую машину, удалил зазорные части и поставил простые – и к утру мотор бешено запыхал. Пухов тогда включил винт – мотор винт потянул, но тяжело задышал.

– Ишь, – сказал Пухов, – как чёрт на Афон взбирается!

<...> Ночь от фонарей стала ещё огромней и темней, – не верилось, что существует живой мир. В глубинах тьмы тонул небольшой ветер, шевеля какие-то вещи на пристани.

Кратко и предостерегающе гудели пароходы, что-то говоря друг другу, а на берегу лежала наблюдающая тьма и влекущая пустыня. Никакого звука не доходило до города, только с гор сквозило рокотание далёкой быстрой реки. Неиспытанное чувство полного удовольствия, крепости и необходимости своей жизни охватило Пухова. Он стоял, упершись спиной в лебёдку, и радовался этой таинственной ночной картине – как люди молча и тайком собирались на гибель.

В давнем детстве он удивлялся пасхальной заутрене, ощущая в детском сердце неизвестное и опасное чудо. Теперь Пухов снова пережил эту простую радость, как будто он стал нужен и дорог всем, – и за это всех хотел незаметно поцеловать. Похоже было на то, что всю жизнь Пухов злился и оскорблял людей, а потом увидел, какие они хорошие, и от этого стало стыдно, но чести своей уже не воротишь.

Море покойно шуршало за бортом, храня неизвестные предметы в своих недрах. Но Пухов не глядел на море, – он в первый раз увидел настоящих людей. Вся прочая природа также от него отделилась и стала скучной.

К часу ночи посадка окончилась. С берега раздалось последнее приветствие от Реввоенсовета армии. Комиссар что-то рассеянно туда ответил, он был занят другим.

Раздалась морская резкая команда, – и сушь начала отдаляться.

Десантные суда отчалили в Крым. <...>

3

– Пухов! Война кончается! – сказал однажды комиссар.

– Давно пора, – одними идеями одеваемся, а порток нету!
– Врангель ликвидируется! Красная Армия Симферополь взяла! – говорил комиссар.

– Чего не брать? – не удивлялся Пухов. – Там воздух хороший, солнцепёк крутой, а советскую власть в спину вошь жжёт, она и прёт на белых!

– При чём тут вошь? – сердечно обижался комиссар. – Там сознательное геройство! Ты, Пухов, полный контр!

– А ты теории-практики не знаешь, товарищ комиссар! – сердито отвечал Пухов. – Привык лупить из винтовки, а по науке-технике контргайка необходима, иначе болт слетит на полном ходу! Понимаешь эту чушь?

<...> – Шуровать мы горазды! – не сдавался Пухов. – А мастерство – нежное свойство!

<...> В один день, во время солнечного сияния, Пухов гулял в окрестностях города и думал – сколько порочной дурости в людях, сколько невнимательности к такому единственному занятию, как жизнь и вся природная обстановка. Пухов шёл, плотно ступая подошвами. Но через кожу он всё-таки чувствовал землю всей голгой ногой, тесно совокупляясь с ней при каждом шаге. Это даровое удовольствие, знакомое всем странникам, Пухов тоже ощущал не в первый раз. Поэтому движение по земле всегда доставляло ему телесную прелесть – он шагал почти со сладострастием и воображал, что от каждого нажатия ноги в почве образуется тесная дырка, и поэтому оглядывался: целы ли они?

Ветер тормозил Пухова, как живые руки большого неизвестного тела, открывающего страннику свою девственность и не дающего её, и Пухов шумел своей кровью от такого счастья.

Эта супружеская любовь цельной непорочной земли возбуждала в Пухове хозяйские чувства. Он с домовитой нежностью оглядывал все принадлежности природы и находил всё уместным и живущим по существу.

Садясь в бурьян, Пухов отдавался отчёту о самом себе и растекался в отвлечённых мыслях, не имеющих никакого отношения к его квалификации и социальному происхождению.

Вспоминая усопшую жену, Пухов горевал о ней. Об этом он никогда никому не сообщал, поэтому все действительно думали, что Пухов корявый человек и вареную колбасу на гробе резал. Так оно и было, но Пухов делал это не из похабства, а от голода. Зато потом чувствительность начинала мучить его, хотя горестное событие уже кончилось. Конечно, Пухов принимал во внимание силу мировых законов вещества и даже в смерти жены увидел справедливость и примерную искренность. Его вполне радовала такая слаженность и гордая откровенность природы – и доставляла сознанию большое удивление. Но сердце его иногда тревожилось и трепетало от гибели родственного человека и хотело жаловаться всей круговой поруче людей на общую беззащитность. В эти минуты Пухов чувствовал своё отличие от природы и го-

ревал, уткнувшись лицом в нагретую своим дыханием землю, смачивая её редкими неохотными каплями слёз.

Всё это было истинным, потому что нигде человеку конца не найдёшь и масштабной карты души его составить нельзя. В каждом человеке есть обольщение собственной жизнью, и поэтому каждый день для него – сотворение мира. Этим люди и держатся.

<...> Тоска по родному месту взяла его за живое, и он не понимал, как можно среди людей учредить Интернационал, раз родина – сердечное дело и не вся земля.

Со станции Тихорецкой поезда на Ростов не шли, а ходили в обратную сторону – на Баку.

Из Баку Пухов собирался дойти до родины – вкось по берегу Каспийского моря и по Волге, не особенно разбираясь в географии. Он думал, что на этом маршруте пшеницы больше растёт, а сытно питаться любил.

В дороге, на пустой нефтяной цистерне, Пухов устал и опал туловищем. Ел он один пайковый хлеб, что получил ещё в Новороссийске, – и то не в полную досталь.

На дороге встречались худые деревья, горькая горелая трава и всякий другой живой и мёртвый инвентарь природы, ветхий от климатического износа и топота походов войны.

Историческое время и злые силы свирепого мирового вещества совместно трепали и морили людей, а они, поев и отоспавшись, снова жили, розовели и верили в своё особое дело. Погибшие, посредством скорбной памяти, тоже подгоняли живых, чтобы оправдать свою гибель и зря не преть прахом.

Пухов глядел на встречные ложины, слушал звон поездного состава и воображал убитых – красных и белых, которые сейчас перерабатываются почвой в удобрительную тучность.

Он находил необходимым научное воскрешение мёртвых, чтобы ничто напрасно не пропало и осуществилась кровная справедливость.

Когда умерла его жена – преждевременно, от голода, запущенных болезней и в безвестности, – Пухова сразу прожгла эта мрачная неправда и противозаконность события. Он тогда же почуял – куда и на какой конец света идут все революции и всякое людское беспокойство. Но знакомые коммунисты, прослушав мудрость Пухова, злостно улыбались и говорили:

– У тебя дюже масштаб велик, Пухов; наше дело мельче, но серьёзней.

– Я вас не виню, – отвечал Пухов, – в шагу человека один аршин, больше не шагнёшь; но если шагать долго подряд, можно далеко зайти, – я так понимаю; а, конечно, когда шагаешь, то думаешь об одном шаге, а не о версте, иначе бы шаг не получился.

– Ну, вот видишь, ты сам понимаешь, что надо соблюдать конкретность цели, – разъяснили коммунисты, и Пухов думал, что они ничего ребята, хотя напрасно бога травят, – не потому,

что Пухов был богомольцем, а потому, что в религию люди сердце помещать привыкли, а в революции такого места не нашли.

– А ты люби свой класс, – советовали коммунисты.

– К этому привыкнуть ещё надо, – рассуждал Пухов, – а народу в пустоте трудно будет: он вам дров наворочает от своего неуместного сердца. <...>

9

Не все так хорошо доезжают до Баку, но Пухов доехал: он попал на порожнюю цистерну, гонимую из Москвы прямым и скорым сообщением в Баку.

Виды природы Пухова не удивили: каждый год случается одно и то же, а чувство уже деревенеет от усталой старости и не видит остроты разнообразия. Как почтовый чиновник, он не принимал от природы писем в личные руки, а складывал их в тёмный ящик обросшего забвением сердца, который редко отворяют. А раньше вся природа была для него срочным известием.

За Ростовом летали ласточки – любимые птицы молодого Пухова, а теперь он думал: видел я вас, чертей, если бы иное что летало, а то старые птицы!

Так он и доехал до самого конца.

<...> В тот год советский нефтяной промысел собирал к себе старых мастеровых, заблудившихся в темноте далёких родин и на просёлках революции.

Каждый день приезжали буровые мастера, тартальщики, машинисты и прочий похожий друг на друга народ.

Несмотря на долгий голод, народ был свежий и окрепший, будто насыщенный прочной пищей.

<...> Шариков поставил Пухова машинистом на нефтяной двигатель – перекачивать нефть из скважины в нефтехранилище. Для Пухова это было самое милое дело: день и ночь вращается машина – умная, как живая, неустанная и верная, как сердце. Среди работы Пухов выходил иногда из помещения и созерцал лихое южное солнце, сварившее когда-то нефть в недрах земли.

– Вари так и дальше! – сообщал вверх Пухов и слушал танцующую музыку своей напряжённой машины.

Квартиры Пухов не имел, а спал на инструментальном ящике в машинном сарае. Шум машины ему совсем не мешал, когда ночью работал сменный машинист. Всё равно на душе было тепло – от удобств душевного покоя не приобретёшь; хорошие же мысли приходят не в уюте, а от пересечки с людьми и событиями – и так дальше. Поэтому Пухов не нуждался в услугах для своей личности.

– Я – человек облегчённого типа! – объяснял он тем, которые хотели его женить и водворить в брачную усадьбу.

А такие были: тогда социальная идеология была не развита и рабочий человек угощал себя выдумкой.

<...> Шли недели, пищи давали достаточно, и Пухов отъедался. Жалел он об одном, что немного постарел, нет чего-то нечаянного в душе, что бывало раньше.

Кругом шла, в сущности, хорошая, лёгкая жизнь, поэтому Пухов её не замечал и не беспокоился. Кто такой Шариков? – Свой же друг. Чья нефть в земле и скважины? – Наши, мы их сделали. – Что такое природа? – Добро для бедных людей. И так дальше. Больше не было тревоги и удручения от имущества и начальства.

Как-то приехал Шариков и говорил сразу Пухову, как будто всю дорогу думал об этом:

– Пухов, хочешь коммунистом сделаться?

– А что такое коммунист?

– Сволочь ты! Коммунист – это умный, научный человек, а буржуй – исторический дурак!

– Тогда не хочу.

– Почему не хочешь?

– Я – природный дурак! – объявил Пухов, потому что он знал особые ненарочные способы очаровывать и привлекать к себе людей и всегда производил ответ без всякого размышления.

– Вот гад! – засмеялся Шариков и поехал начальствовать дальше.

Со дня прибытия в Баку Пухову стало навсегда хорошо. Вставал он рано, осматривал зарю, вышки, слушал гудок парохода и думал кое о чём. Иногда он вспоминал свою умершую от преждевременного износа жену и немного грустил, но напрасно.

Однажды он шёл из Баку на промысел. Он заночевал у Шарикова. К тому брат из плена вернулся, и было угощение. Ночь только что кончилась. Несмотря на бесконечное пространство, в мире было уютно в этот ранний чистый час, и Пухов шагал, наливаясь какой-то прелестью. Гулко и долго гудел дальний нефтеперегонный завод, распуская ночную смену.

Весь свет переживал утро, и каждый человек знал про это происшествие: кто явно торжествуя, кто бурча от смутного сновидения.

Нечаянное сочувствие к людям, одиноко работавшим против вещества всего мира, прояснялось в заросшей жизнью душе Пухова. Революция – как раз лучшая судьба для людей, верней ничего не придумаешь. Это было трудно, резко и сразу легко, как нарожение.

Во второй раз – после молодости – Пухов снова увидел роскошь жизни и неистовство смелой природы, неимоверной в тишине и в действии.

Пухов шёл с удовольствием, чувствуя, как и давно, родственность всех тел к своему телу. Он постепенно догадывался о самом важном и мучительном. Он даже остановился, опустив глаза, – нечаянное в душе возвратилось к нему. Отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции. Вот где таилось для него сомнение.

Душевная чужбина оставила Пухова на том месте, где он стоял, и он узнал теплоту родины, будто вернулся к детской матери от ненужной жены. Он тронулся по своей линии к буровой скважине, легко преодолевая опустевшее счастливое тело.

Пухов сам не знал – не то он таял, не то рождался.

Свет и теплота утра напряглись над миром и постепенно превращались в силу человека.

В машинном сарае Пухова встретил машинист, ожидавший смены. Он слегка подрёмывал и каждую минуту терял себя в дебрях сна и возвращался оттуда.

Газ двигателя Пухов вобрал в себя, как благоухание, чувствуя свою жизнь во всю глубину – до сокровенного пульса.

– Хорошее утро! – сказал он машинисту.

Тот потянулся, вышел наружу и равнодушно освидетельствовал:

– Революционное вполне.

Работа с текстом после чтения

А

1. Каковы ваши первые впечатления, мысли? Какие вопросы возникли по ходу чтения?
2. В повести нет привычного изобразительного портрета как описания внешности, но есть так называемый поведенческий портрет, который помогает читателю представить себе героя. Каким вы видите Фому Пухова?
3. Что в мире кажется Пухову гармоничным? Какую гармонию он видит в технике? В природе?
4. Согласны ли вы со словами «Пухов не одарён чувствительностью...»? Каким образом автор показывает, что перед нами чувствующий герой?
5. Поясните, как сущность Фомы Пухова раскрывается
 - через его отношение к труду;
 - через отношение к революции;
 - через его отношение к машине;
 - через движение, путь, проделанный им самим.
6. Сравните Пухова в двух крайних точках (начало и конец повести). Какой духовный путь он прошёл? Каким мы видим героя в конце пути?
7. Какую характеристику даёт себе сам герой и что кроется за этой оценкой?

8. Кто же он – «сокровенный человек» Платонова? Как автор раскрывает сокровенное в своём герое через отношение Пухова к другим людям, поступки, отношение к себе?

9. Поэт Иосиф Бродский первым заметил, что Платонов, в отличие от большинства своих современников, писал «на языке своей эпохи», «подчинил себя языку эпохи». Подтвердите примерами из текста справедливость этого замечания.

10. Некоторые критики отмечают в прозе Платонова «доведённую им до предела полифоничность повествования». Помните, что вам известно о полифонии романов Достоевского. Прочитайте повесть «Сокровенный человек» в полном объёме. Согласитесь или опровергните мнение критиков.

1. В записной книжке Андрея Платонова было записано: «Труд есть совесть». Как вы понимаете это утверждение? Что такое совесть в понимании Фомы Пухова?

2. Докажите, что оригинальность самовыражения Фомы Пухова – принцип его поведения. Можно ли такого человека назвать природным дураком? Найдите место Пухову в ряду литературных «дураков» и «чудиков».

3. Расскажите о философии техники, созданной героем. В чём её сущность?

4. Докажите, что дорога в повести Платонова выступает символом духовного поиска героя.

5. Подготовьте реферат на одну из тем: «Тема пути в различных мифопоэтических и религиозных традициях», «Мотив странствий в русской литературе», «Поиск истины странствующими героями» (на примере отечественной и зарубежной литературы).

6. Стремление Пухова обрести дорогу к бессмертию человека противоречит христианской позиции. Вместе с тем эпитет, характеризующий героя повести «Сокровенный человек», взят из «Библии», имя героя – Фома – также связано с библейским сюжетом, а коммунистов герой обвиняет в отказе от религии, в которую «люди сердце помещать привыкли».

Подготовьте выступление в защиту сердечного, общечеловеческого начала в Фоме Пухове.

7. Известно, что платоновскую речь отличает своеобразная неправильность, которой достигается глубокий смысл сказанного. Приведите примеры подобных «неправильностей».

8. Сопоставьте критические оценки образа Фомы Пухова, данные в 1930 г.:

«Мне нравится Андрей Платонов, он честен и смел, хотя ещё и неуклюж. У меня есть его повесть о рабочем Пухо-



ве – эдакий русский Уленшпигель – занятно...» (А.К. Воронский).

«Самые героические поступки Пухов совершает сомнамбулически, толкаемый своеобразной авантюрной любознательностью. Мир, раскрывающийся перед ним, раздражает его пытливость и в своей неорганизованности проигрывает при сравнении с высшей гармонией механики..» (М. Майзель).

«Он в конце концов ушиблен революцией, он её восхищённый и подавленный наблюдатель... Он идёт на поводу у революции, за её "красоту", но не знает своего места в ней» (Р. Мессер).

Противоречат или дополняют друг друга авторы этих суждений? Насколько отлично ваше представление о Пухове от оценок критиков 1930 года?

Какие литературные ассоциации у вас вызывает герой Платонова?

9. Докажите, что для художественного стиля Платонова характерно во взгляде на один и тот же предмет парадоксальное сочетание сатиры с лирикой и трагедии с фарсом.

10. Вам уже известно, что американский писатель Э. Хемингуэй с восхищением отзывался о рассказах Платонова. Известно, что после чтения одного из них эпиграфом к своему роману «По ком звонит колокол» Хемингуэй выбрал слова английского поэта XVII века Джона Донна: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе; каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс, меньше станет Европа... смерть каждого Человека у малает и меня; ибо я един со всем Человечеством; а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол; он звонит по Тебе».

Напишите эссе на тему «Человек как часть Материка».

Творчество Андрея Платонова в оценке критики

1. Прочитайте отрывок из книги М. Михеева «В мир А.Платонова – через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки», изданной в 2003 г.

На основе анализа названия книги предположите, какие проблемы могут быть подняты исследователем.

2. Познакомьтесь с высказыванием литературоведа М.О. Гершензона о художественной критике: «Художественная критика – не что иное, как искусство медленного чтения, то есть искусство видеть сквозь пленительность формы видение художника. Толпа быстро скользит по льду, критик идёт медленно и видит глубоководную жизнь. Такой критик <...> чувствует художника мастером, себя – подмас-

терьем, и любит его, и дивится ему в той мере, в какой он сам увлечён явлением истины».

Какие открытия художественного мира Платонова «через его язык» вы уже сделали самостоятельно, прочитав медленным чтением повесть «Сокровенный человек» и рассказ «Юшка»?

В отношении стиля Платонов создал свой яркий и неповторимый язык, подражание которому грозит тому, кто за ним следует, утерей самостоятельности с подчинением стилю Платонова. Этот стиль одновременно сочетает в себе, с одной стороны, элементы тавтологии и вычурности, некоегo суконного, «советского», или по-канцелярски испорченного языка, а с другой стороны, языка образно-поэтического. В нём свободно соприкасаются высокие церковнославянские обороты речи и неграмотная, самодельная речь разных «чудиков и умников» из народа. В отдельных местах язык прозы Платонова достигает неповторимой поэтической мощи. Писатель добивается этого, используя практически все без изъятия речевые уровни и стили. Так, метафора у Платонова почти всегда выступает в переосмысленном или «снятом» виде, что оказывается сопряжено, как правило, с переносом значения, словесной игрой или загадыванием читателю загадки. Читать Платонова временами крайне сложно, а иногда просто невыносимо, тягостно. Как правило, наиболее нагружены смыслом оказываются *сочетания двух слов* – внутри которых стандартные языковые сочетания как бы разъяты на части и переосмысливаются по примеру каламбура или анаколүфа. Получается некий многослойный словесный сплав, или пирог. Платоновское словосочетание комбинирует в себе смысл сразу нескольких стандартных языковых сочетаний, выражая их сгущенный, своеобразно стянутый в единое целое смысл – «спрямляет» их. К примеру, платоновское предложение *«(на лице получилась) морщинистая мысль жалости»* следует понимать как некую равнодействующую, по крайней мере, из следующих смыслов: «лицо выразило жалость», «на лице изобразилась какая-то мысль», «всё лицо покрылось / его избороздили / по лицу побежали – морщины».

В языке Платонова преобладают конструкции с родительным падежом и слова с обобщённым значением (можно проследить это вплоть до суффиксов на *-ство, -ание, -ение, -щина* или *-ость*), типа *«вещество существования»* или *«тоска тщетности»*; часты у него заимствования из политического лексикона его времени: *«в директиве отмечались явления перегибщины, забеговщества, переусердщины»*. Причинные связи в его текстах оказываются намеренно преувеличены, гипертрофированны, но тем как бы и разрушены – *«рабочие спят в верхней одежде, чтобы не трудиться над растёгиванием пуговиц»*; а полные ноги у женщин – *«на случай рождения будущих детей»*. Очень часто причинность обращается в обратную сторону, к абсурду с точки зре-

ния здравого смысла или причудливо замыкается на самой себя, предоставляя только читателю докапываться до смысла фразы. Так, *«у покойного волосы росли даже из губ, потому что его не целовали при жизни»*, или: *«церковный сторож богу от частных богослужений не верил»*.

<...> В последний период творчества, когда прикованный к постели, но продолжающий работать писатель понял, что основные свои произведения ему не увидят напечатанными (проходили же в печать, да и то не всегда, либо военные рассказы, с определённым, навязываемым самой ситуацией упрощением взгляда на мир, либо литературная критика, либо переработки из русских сказок), проза Платонова, что называется, стала «граничить с мрачным бредом». Это мнение многих, высказанное ещё Горьким в 1933 году, было повторено и критиком, писавшим отзыв о последней пьесе Платонова «Ноев ковчег» (1950), которая с той же резолюцией была отклонена К. Симоновым от публикации в «Новом мире», совсем незадолго до смерти писателя.

Если родиться Платонову суждено было через 100 лет (и три месяца) после рождения Пушкина, в 1899-м, то умер он – через 100 лет без малого после смерти Гоголя, 5 января 1951.

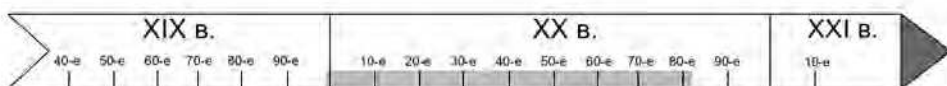
1. Примеры-иллюстрации автор книги брал в основном из текста повести Платонова «Котлован». Подберите примеры, подтверждающие справедливость наблюдений исследователя, из текста повести «Сокровенный человек».
2. Как вы думаете, почему литературовед обратился к соотнесению дат жизни Платонова – Пушкина – Гоголя? Что, на ваш взгляд, объединяет писателя Платонова с великим лириком (Пушкин) и великим сатириком (Гоголь)? Какие «следы» этой общности можно найти в тексте повести?



**«САМЫЙ БЕСКОМПРОМИСНЫЙ
ИЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)**

Основные даты жизни и творчества В.Т. Шаламова

- 1907, 18 июня – родился в городе Вологда в семье священника.
 1923–1924 – работа дубильщиком на кожевенном заводе.
 1926 – студент факультета советского права Московского государственного университета.
 1927, 7 ноября – участие в демонстрации оппозиции к 10-летию Октября, проходившей под лозунгами «Долой Сталина!» и «Выполним завещание Ленина!».
 1928 – исключён из МГУ «за сокрытие социального происхождения».
 1929 – арест за печатание листовок «Завещание Ленина».
 1929 – Бутырская тюрьма, затем – Вишерский лагерь на Северном Урале, работа на строительстве Березниковского химкомбината.
 1931 – освобождение, восстановление в правах.
 1936 – публикация первой новеллы в журнале «Октябрь».
 1937 – арест за «контрреволюционную троцкистскую деятельность», Бутырская тюрьма.
 1937–1942 – следственная тюрьма в Магадане, работа на золотых приисках Колымских исправительно-трудовых лагерей.
 1943 – арест по доносу сокамерников «за антисоветские высказывания», за то, что «назвал эмигранта Бунина классиком русской литературы». Осуждён ещё на 10 лет лагерей.
 1945 – попытка побега.



1946 – учёба на курсах фельдшеров.
 1949–1950 – работа фельдшером в посёлке лесорубов. Первые стихи (цикл «Колымские тетради»).
 1951 – окончание срока заключения.
 1953 – встреча с Б. Пастернаком, который помогает установить контакты с литературными кругами.
 1954 – начало работы над сборником «Колымские рассказы».
 1956 – реабилитация «за отсутствием состава преступления», переезд в Москву.
 1957–1965 – работа внештатным корреспондентом журнала «Москва», публикация стихов из «Колымских тетрадей», сборников стихов «Огниво», «Шелест листьев», работа над «Колымскими рассказами», «Очерками преступного мира», сборниками рассказов «Левый берег» и «Артист лопаты».
 1968–1971 – работа над автобиографической повестью «Четвёртая Вологда», «Вишерским антироманом».
 1972 – публикация на Западе, в издательстве «Посев», «Колымских рассказов». Письмо в «Литературную газету» с протестом против самовольных незаконных изданий, нарушающих авторскую волю и право. Осуждение коллег-литераторов, для которых это письмо означало отказ Шаламова от «Колымских рассказов».
 1972 – книга стихов «Московские облака». Принят в Союз писателей СССР.
 1973–1974 – работа над циклом «Перчатка, или КР-2».
 1977 – книга стихов «Точка кипения». В связи с 70-летием представлен к ордену «Знак почёта». Награду не получил.
 1978 – выход «Колымских рассказов» в Лондоне на русском языке (помимо воли автора).
 1980 – известие о присвоении премии французского ПЕН-клуба. Премию не получил.
 1982 – помещён в пансионат для психохроников.
 1982, 17 января – умирает от крупозного воспаления лёгких в Москве.
 2000 – реабилитация Шаламова по делу 1929 г.

1. Просмотрите основные даты жизни Варлама Шаламова. Чем необычна хронология его жизни? Сколько лет он провёл в лагерях? В каком возрасте попал в лагерь впервые, в каком – окончательно вернулся в Москву? К каким выводам вы пришли?
2. Поясните, с какой целью к некоторым датам дана подробная расшифровка событий.
3. Как, по-вашему, сказались годы, проведённые в лагерях, на формировании личности Шаламова?

Все, кто при жизни видел Варлама Шаламова, отмечали, каким он был большим, могучим, широкоплечим, то есть с первого же взгляда, с первого мгновения понимали, что личность перед ними во всех отношениях незаурядная.

Незаурядность Шаламова проявлялась во всём: в простом и сдержанном отношении к людям; в особом «бескомпромиссном» восприятии мира; в особом понимании и видении предназначения литературы.

Шаламов не был похож на других писателей и поэтов своего времени и не хотел примыкать ни к одному литературному течению.

Истоки этой «непохожести», ответы на вопросы *во что он верил и кого любил*, думаю, надо искать в биографии Шаламова.

Судьба писателя была непростой с момента появления на свет. Родившийся в семье потомственного священника, сам он к вере не пришёл, зато, как сын священника, не имел права на высшее образование. Мальчик был не похож ни на своих братьев, ни на других дворовых мальчишек: он не разорял птичьих гнёзд, не стрелял из рогатки и не мечтал научиться стрелять из ружья, он любил книги. Эту «непохожесть» не мог принять в нём отец. Став взрослым, Шаламов тоже говорил, что не любил отца. Но вряд ли такое отношение было однозначным, скорее, это было неизбежное столкновение двух одинаково твёрдых и сильных характеров.

Несмотря ни на что, Шаламов многим был обязан своей семье: несгибаемой нравственной твёрдостью и силой духа, которую можно принести только из детства, когда создается личность, щепетильной честностью, гордым стремлением к независимости.

Именно такие черты характера, составляющие внутренний стержень истинно русского человека, помогли Шаламову достойно перенести все удары судьбы.

Первый арест в жизни Шаламова случился, когда ему было всего 22 года – за выступление на демонстрации, проходившей под лозунгом «Долой Сталина!». Молодой, ещё в чём-то наивный, он посчитал этот арест удачей: «Я надеялся, что и дальше судьба моя будет так благосклонна, что тюремный опыт не пропадёт. При всех обстоятельствах этот опыт будет моим нравственным капиталом, неразменным рублём дальнейшей жизни».

Наверное, он был прав, так как этот первый лагерный опыт помог ему не сломаться и не погибнуть «душой», не «разложиться» нравственно потом, во все долгие колымские годы. А это, по мнению Шаламова, было куда страшнее «разложения» и «падения» физического.

Затем будет арест в 1929 году. После возвращения из лагеря Шаламов поймёт, что его больше не интересует политика: литература – вот истинное. Литература, искусство навсегда станут главным делом его жизни.

Поздние высказывания Шаламова о задачах и целях литературы вменялись ему в вину: его обвиняли в том, что он субъективно оценивает литературные явления; что ценность художественного произведения рассматривает не с позиций ленинской теории отражения реальной действительности, а с позиций так называемой теории откровенности. Действительно, Шаламов считал несущественным, куда зовёт произведение, на что оно мобилизует читателя, главное, по его суждениям, заключается в том, чтобы оно было написано кровью сердца, то есть откровенно.

Неравнодушный, пытливый Шаламов окунулся с головой в мир литературы, и здесь он на всё имел свой взгляд и своё мнение. Бескомпромиссность его суждений, твёрдость характера, напористость казались властям опасными. За Шаламовым наблюдали, а он спокойно и уверенно говорил о том, что любит, кого уважает и ценит, кого не принимает и не понимает.

В донесениях на Шаламова сохранились сведения о том, как писатель отзывался о юбилее Достоевского. Это событие Шаламов назвал вынужденным: «Достоевский – гениальнейший писатель – находился в забвении. Весь мир его читал, а у нас его не читали. И вот у нас вынуждены были организовать юбилей, потому что читатель не мог относиться равнодушно к такому таланту. Любопытно, что в юбилейные дни «Литературная газета» поместила статью «Неизвестный Достоевский». Оказывается, Достоевский ещё не издан полностью. Как это можно!».

Неоднократно в донесениях сообщалось об особенно восторженном отношении Шаламова к поэзии гонимого В. Пастернака. Вообще за дружбу с Пастернаком и за восхищение его «политически» неправильной поэзией Шаламову достанется не раз, ему припомнят всё: и положительные отзывы о романе «Доктор Живаго», вышедшем в Италии, а не в Советском Союзе; и поддержку позиции Пастернака не печатать стихи, если заставляют их переделывать, то есть не изменять себе; и заявление о том, что зря Пастернак отказался от Нобелевской премии, что он должен был идти «до конца».

Слово защиты Шаламов скажет и о М. Цветаевой, пророча её стихам долгое звучание, ведь она, по мнению писателя, укладывается в теорию «искренности». Он признаётся в любви к стихам Николая Клюева – этого «кулацкого поэта». Особо отметит поэзию Есенина и скажет, что она близка ему, да и сам Есенин приятен со всеми его недостатками, с идеологическими вывихами, с кулацкими идеями, с путаными заявлениями – а ведь это тот Есенин, которого, как считала власть, никак нельзя любить и принять хотя бы за такие стихи:

*Как грустно на земле, как будто бы в квартире,
В которой год не мыли, не мели.
Какую-то хреновину в сём мире
Большевики нарочно завели.*

За поддержку эмигранта Ивана Бунина, которого Шаламов в 1943 г. назвал великим русским писателем, он получит новый срок.

Не удивительно, что самого Шаламова практически не издавали. Разве могли допустить власти, чтобы до читателей доходила «такая» горькая, бьющая наотмашь правда о жизни заключённых на Колыме? Не издавали его «Колымские рассказы», редко печатали стихи. Он тяжело переживал эту свою личную писательскую трагедию, но писать не переставал, и лишь когда был в лагерях, он на время забывал о поэзии: «Мне приходилось выбирать – жизнь или стихи и делать выбор (всегда!) в пользу жизни».

Шаламов до последних лет жизни боялся не успеть рассказать людям всю правду о том, что пережил он и все те, кто оказался в северных лагерях. Вот как он однажды написал о своей прозе: «Это – не автобиография. Жизнь я видел слишком близко, и говорить о ней надо не таким голосом. Это и не рецензия на собственные вещи. Это – литературная нить моей судьбы».

Ваш Н.А. Рождественский

Жизнь и творчество В.Т. Шаламова в воспоминаниях и документах

1. Назовите писателей-современников Шаламова. Судьба кого из них, по-вашему, имеет переклички с его судьбой?

2. Вы уже знакомы с таким «литературным жанром», как донесения осведомителей.

Известно, что освобождённый из лагеря Шаламов находился под надзором даже после его реабилитации 18 июля 1956 года.

Познакомьтесь с отрывками из некоторых донесений и воспоминаниями о Шаламове его знакомого писателя О.В. Волкова.

Проследите, какие изменения происходили с Шаламовым в разные периоды его жизни.

«В 1929 году В. Шаламов выполнял задания райорганизатора Хамовнического района... В феврале в 1929 году Шаламов пытался организовать в переулке на Сретенке печатание листовок на гектографе, но «освоить» гектограф не удалось – печать получилась грязная, и дня через два он был арестован.

Шаламов представлял в те годы рослого, волевого парня, с немного угрюмым взглядом, производил впечатление честного, открытого и убеждённого в своей правоте человека».

(Из Донесения. ЦА ФСБ РФ. Архивное дело № ПФ-4678, т. 1, часть II, л. 161)

«Есть люди, встречи с которыми вызывают не только сочувствие и сострадание, но и жгучее ощущение своей вины перед ними. Вины из-за того, что на твою долю не досталось и сотой доли перенесённых ими бед и унижений.

Я общался с В. Шаламовым после его реабилитации, когда уже были опубликованы его первые книги, сразу замеченные и получившие признание.

У Варлама Тихоновича слегка дёргалась голова, и слушал он собеседника напряжённо – следствие побоев, навсегда повредивших его слух. Выдавал и нездоровый, желтовато-бледный цвет лица из-за длительного пребывания на сорокаградусном морозе, продубившем кожу на всю жизнь. Ходил он, прихрамывая и опираясь на палку. Говорил Варлам Тихонович медленно, с запинками, чувствовалась его выработанная годами привычка к одиночеству, замкнутости характера. Бумазейная сорочка с расстёгнутым воротом и мятые брюки как-то больно напоминали о лагерной среде.

На долю автора рассказов о Колыме как раз выпали тяжёлые мучительства, что в них описаны. Да, да, именно он виделся мне с кайлом в руках, долбящим на лютом морозе... И глядя на дрожащие руки Шаламова, на нервный тик, то и дело подёргивающий его лицо, на застывший взгляд, я знал: в его свидетельствах нет ни грамма выдумки, передачи с чужих слов, всё это испытывал на себе сидящий передо мной истерзанный, но ещё не сдающийся человек».

(О.В. Волков. Из статьи «Наша вина и боль»)

- О каком чувстве вины говорит автор воспоминаний?
- К какому году относятся эти воспоминания?
- Каким человеком вернулся Шаламов из лагерей?

«19 июня 1956 года в 13 ч. 30 минут И. зашёл в столовую пообедать. Выбив чек, он подошёл к столу, и его один из сидящих назвал по фамилии. Это был Варлам Тихонович Шаламов, приехавший в командировку...

...Шаламов беседовал с И. и на литературные темы, и на политические, и на семейно-бытовые. Шаламов весьма словоохотлив, любит поговорить, но не с каждым.

Обращаясь к И., он сказал так: «3-й год я катаюсь по снабженческим делам, но встретил первого человека, который любит литературу». О литературе и об искусстве Шаламов скорбит. Он считает, что в течение 30 лет почти все наши писатели создавали казённые портреты, в которых абсолютно нет никакого искусства. Соображения, которыми руководствовались писатели, носят якобы конъюнктурный характер.

...Каждое воскресенье Шаламов ездит в Москву (уезжает в субботу на

«Я летописец собственной души.
Не более».

*(В. Шаламов.
Из записных книжек)*

выходной день). У него в Москве есть жена и дочь. Жена работает бухгалтером. Получает тысячу рублей. Сам он имеет оклад 450 рублей. Дочь учится на пятом курсе строительного института. Но ездит он не только к семье. Каждую поездку он посвящает восстановлению старых знакомств. Поэтому всегда заезжает в писательский городок (Переделкино, под Москвой, с Киевского вокзала).

... В Москву сейчас он не приглашает. Комната у него очень маленькая. Сам он там, в семье, почти не бывает. Он получил ответ из военной прокуратуры на его заявление. В ответе говорится, что прокурор опротестовал приговор по его делу, и он ждёт решения суда. Как только он будет реабилитирован, сразу переезжает в Москву. Поэтому он сейчас спешит восстановить литературные связи. Он рассчитывает получить квартиру, а работа найдётся».

(Из Донесения. ЦА ФСБ РФ. Архивное дело № ПФ-4678, т. 1, часть II, л. 83-90)

3. «Колымские рассказы» В. Шаламова и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына писались практически одновременно. Известно, что два летописца лагерного мира внимательно следили за работой друг друга. Познакомьтесь с отрывками из статьи Солженицына «С Варламом Шаламовым» (1986 г.).

<...> Были у нас встречи и после того, но записана у меня весьма важная встреча 30 августа 1964. Я только что вернулся после летней работы в Эстонии, где неудержимо понесло меня на складку большого корпуса «Архипелага». Определились и Части его, и в Частях – многие главы, и множество уже натекшего материала я разнёс по этим заготовкам глав. Но: я и не верил в возможность справиться мне одному, да и просто не смел с таким замыслом обойти Варлама: он имел все права на участие.

<...> Я изложил с энтузиазмом весь проект и моё предложение соавторства. Если нужно – поправить мой план, а затем разделить, кто какие главы будет писать. И получил неожиданный для меня – быстрый и категорический отказ. Даже: знал я за В.Т. умение тонко намекнуть вместо того, чтобы сказать прямо (у меня уже слагалось такое ощущение, что я с ним открыт, а он полузакрыт), – а тут он ответил прямо: «Я хочу иметь гарантию, для кого пишу».

Я был тяжело поражён: до этого самого момента я был уверен, что у него, как и у меня, главная линия – сохранить память, просто писать для потомства, хоть без надежды напечатать при жизни. А он:

– Зачем я буду это писать? Какая разница, что я напишу – и это будет лежать в каком-нибудь другом месте?

«Я не верю в литературу. Не верю в её возможность по исправлению человека. Опыт гуманистической литературы привёл к кровавым казням двадцатого столетия перед моими глазами. Я не верю в возможность что-нибудь предупредить, избавить от повторения. История повторяется. И любой расстрел 37-го года может быть повторён».

*(В. Шаламов.
Из записных книжек)*

Да ведь понятно ему было: такую книгу невозможно печатать.

Мысль об известности – видимо, сильно двигала им.

Ответ его был так категоричен, что и уговаривать бесполезно. Весь огромный замысел теперь ложился на мои плечи на одни.

<...> А потом вдруг – его тягостное отречение от «Колымских рассказов» в «Литгазете» в феврале 1972: «зловонные журнальчики» (эмигрантские), «змеиная практика господ из «Посева», «я – честный советский гражданин, хорошо отдающий себе отчёт в значении XX съезда коммунистической партии» и – «проблематика "Колымских рассказов" давно снята жизнью»... От дела всей своей жизни – так громко отрёкся...

Меня – это крепко ударило. Кто?? Шаламов?? сдаёт наше лагерное? Непредставимо, как это: признать, что Колыма – «снята жизнью»?! И помещено-то в газете было почему-то в чёрной рамке, как если бы Шаламов умер. Я в тех же днях откликнулся в самиздате. И добавил в «Архипелаг».

Жестокий конец, как вся лагерная и послелагерная жизнь Шаламова. Да и – как устоявшееся выражение его худого желвачного лица при чуть уже безумноватых глазах.

Пополнил он ряд самых трагических фигур нашей литературы.

- Поясните, что именно «тяжело поразило» Солженицына в отказе Шаламова от сотрудничества.
- Каким предстаёт Шаламов в изображении Солженицына?
- Что нового для себя вы открыли в личности каждого из этих писателей?

4. С обвинениями Солженицына в адрес Шаламова не согласились близкий друг последнего И. Сиротинская и исследователь биографии и творчества В. Шаламова В. Есипов.

Познакомьтесь с фрагментами их «ответов» на статью Солженицына:

<...> Относительно отказа Шаламова от сотрудничества с Солженицыным – это так понятно при разности их характеров, творческих принципов, жизненного опыта.

<...> Он (Шаламов. – Авт.) говорил: «Пешкой в игре двух разведок я быть не хочу». И яростно возмущался, что его рассказы используются на Западе малыми дозами как оружие политической борьбы.

(И. Сиротинская)

«Учить людей нельзя. Учить людей – это оскорбление... "Учительной" силы у искусства нет никакой. Искусство не облагораживает, не "улучшает"... Большая литература создаётся без болельщиков. Я пишу не для того, чтобы описанное не повторилось. Так не бывает, да и опыт наш не нужен никому. Я пишу для того, чтобы люди знали, что пишутся такие рассказы, и сами решились на какой-либо достойный поступок – не в смысле рассказа, а в чём угодно, в каком-то маленьком плюсе».

(В. Шаламов.
Из записных книжек)

«Понял, почему человек живёт не надеждами – надежд никаких не бывает, не волей – какая там воля, а инстинктом, чувством самосохранения – тем же началом, что и дерево, камень, животное».

(В. Шаламов. «Что я видел и понял в лагере»)

«И физические и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал, – в этой великой пробе, и я горжусь, что никого не продал, никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса ...».

(В. Шаламов. «Что я видел и понял в лагере»)

<...> «Драматизм писательской судьбы Шаламова особенно остро осознаётся в сопоставлении с судьбой Солженицына. К 1962-му году, когда была напечатана повесть «Один день Ивана Денисовича», сделавшая Солженицына знаменитым во всём мире, Шаламовым было написано около 60 новелл и очерков колымского цикла.

Всё вместе это составило бы достаточно солидный том. Но ни одно из этих и последующих прозаических произведений писателя не было, как известно, опубликовано в СССР при его жизни.

<...> Легко понять, почему Шаламов достаточно сдержанно оценил «Ивана Денисовича». Отдавая должное достоинствам повести, он высказывал Солженицыну в письме резкие замечания, ставящие под сомнение правдивость сюжета: «Около санчасти ходит кот – невероятно для настоящего лагеря – кота давно бы съели... где этот чудный лагерь? Хоть бы с годок там посидеть в своё время». В большом шаламовском письме, посвящённом этой теме, Шаламов не просто указывает на существование иного, несравненно более мрачного лагерного мира. Речь идёт, в сущности, об ином уровне правды – правды без границ, без условностей – правды абсолютов. Позднее он напишет, что так называемая лагерная тема – «основной вопрос наших дней», что это очень большая тема, где разместится сто таких писателей, как Солженицын, и пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно.

<...> Читатель узнает теперь, что и рассказы Шаламова «художественно не удовлетворили» А.И. («Все – на одну колодку», используя сапожный жаргон, пригвоздил он собрата). И с патриотизмом слабовато у Шаламова («разве горит у него жажда спасения Родины?») И с антисоветизмом («никогда ни в чём, ни пером, ни устно не выразил оттолкновения от советской системы, не послал ей ни одного даже упрёка, всю эпопею ГУЛАГа переводя лишь в метафизический план»). И даже внешне, оказываясь, был неприятен («худое лицо при чуть уже безумноватых глазах»).

<...> Любопытны подробности того, почему Шаламов в своё время отказался от предложения А.И. совместно работать над «Архипелагом». ...Шаламов не желал писать для тех, кто мог использовать его имя и его произведения как утилитарное средство в холодной войне. Странно, что А.И. до сих пор не понял этого, странно, что он считает, будто Шаламовым здесь двигателя якобы

«Собственная кровь, собственная судьба – вот требование сегодняшней литературы».

(В. Шаламов. «О прозе», 1965 г.)

тщеславная «мысль об известности». Приходится признать, что взгляды двух писателей действительно, как пишет А.И., «слишком разные». Но неужели жизненная и писательская

позиция Шаламова, выраженная простым принципом, выработанным (выстраданным!) ещё в лагере, – «со своими проблемами я справлюсь сам» – заслуживает какого бы то ни было укора? Не предпочтительнее ли она позиции вечного назойливого эксперта по мировым проблемам, которые всякий раз оказываются гораздо сложнее, чем о них высказывались?

(*Валерий Есипов*)

- Кто вам показался убедительнее? На какие вопросы вы не нашли ответа?
- С опорой на прочитанное прокомментируйте слова Шаламова из неотправленного письма к Солженицыну: «Я знаю точно, что Пастернак был жертвой холодной войны, Вы – её орудием».
- Исследователи отмечают, что Шаламов и Солженицын отвечали на один вопрос, но «их ответы не сходились почти ни в одном пункте». Попробуйте сформулировать вопрос, на который пытались ответить летописцы лагерной жизни.

Литература и иные источники

1. *Поцелуев С., Сиротинская И.* Реабилитирован в 2000. Из следственного дела Варлама Шаламова//*Знамя.* – 2001. – № 6.
2. *Солженицын А.И.* С Варламом Шаламовым//*Новый мир.* – 1999. – № 4.
3. *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений в 6 т. – М., 2005.
4. Шаламовский сборник. Вып. 2/Сост. В. В. Есипов. – Вологда, 1997.
5. Шаламовский сборник. Вып. 3/Сост. В. В. Есипов. – Вологда, 2002.
6. <http://shalamov.ru>

Читаем рассказ «Последний бой майора Пугачёва»

Работа с текстом до чтения

1. Рассказ входит в цикл «Левый берег». Уточните, какой жизненный опыт писателя мог стать его основой.
2. Вспомните, что вы знаете о системе особых лагерей в СССР. Соберите необходимую дополнительную информацию.
3. Проанализируйте название рассказа. Какие исторические ассоциации вызывает у вас фамилия главного героя?

Работа с текстом во время чтения

Прочитайте рассказ (в сокращении). По ходу чтения ведите диалог с автором.

От начала и конца этих событий прошло, должно быть, много времени – ведь месяцы на Крайнем Севере считаются годами, так велик опыт, человеческий опыт, приобретённый там.

<...> Стали говорить: когда заезжий высокий начальник посетовал, что культработа в лагере хромает на обе ноги, культорг майор Пугачёв сказал гостю:

– Не беспокойтесь, гражданин начальник, мы готовим такой концерт, что вся Колыма о нём заговорит. (О каком концерте говорит майор?)

<...> Аресты тридцатых годов были арестами людей случайных. Это были жертвы ложной и страшной теории о разгорающейся классовой борьбе по мере укрепления социализма. <...> Отсутствие единой объединяющей идеи ослабляло моральную стойкость арестантов чрезвычайно. Они не были ни врагами власти, ни государственными преступниками, и, умирая, они так и не поняли, почему им надо было умирать. Их самолюбию, их злобе не на что было опереться. И, разобщённые, они умирали в белой колымской пустыне – от голода, холода, многочасовой работы, побоев и болезней. Они сразу выучились не заступаться друг за друга, не поддерживать друг друга. К этому и стремилось начальство. Души оставшихся в живых подверглись полному растлению, а тела их не обладали нужными для физической работы качествами.

На смену им после войны пароход за пароходом шли репатрированные¹ – из Италии, Франции, Германии – прямой дорогой на крайний северо-восток.

<...> Администрация лагерная, привыкшая к ангельскому терпению и рабской покорности «троцкистов», нимало не беспокоилась и не ждала ничего нового.

¹ *Репатриация* – возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за её пределами вследствие войны, также эмигрантов.

Новички спрашивали у уцелевших «аборигенов»:

– Почему вы в столовой едите суп и кашу, а хлеб уносите в барак? Почему не есть суп с хлебом, как ест весь мир?

<...> Как рассказать им, что они никогда ещё в жизни не знали настоящего голода, голода многолетнего, ломающего волю – и нельзя бороться со страстным, охватывающим тебя желанием продлить возможно дольше процесс еды, – в бараке с кружкой горячей, безвкусной снеговой «топлёной» воды доесть, дососать свою пайку хлеба в величайшем блаженстве.

Но не все новички презрительно качали головой и отходили в сторону.

Майор Пугачёв понимал кое-что и другое. Ему было ясно, что их привезли на смерть – сменить вот этих живых мертвецов. Привезли их осенью – глядя на зиму, никуда не побежишь, но летом – если и не убежать вовсе, то умереть – свободными. (Как можно лагерникам умереть свободными? Какая мысль с первого дня овладела майором Пугачёвым?)

И всю зиму плелась сеть этого, чуть не единственного за двадцать лет, заговора. (О каком заговоре может идти речь?)

Пугачёв понял, что пережить зиму и после этого бежать могут только те, кто не будет работать на общих работах, в забое. После нескольких недель бригадных трудов никто не побежит никуда.

<...> Началась ослепительная колымская весна, без единого дождя, без ледохода, без пения птиц. Исчез помаленьку снег, сожжённый солнцем. Там, куда лучи солнца не доставали, снег в ущельях, оврагах так и лежал, как слитки серебряной руды, – до будущего года.

И намеченный день настал. (Что это за день?)

<...> Солдатов зашёл за спину дежурного, снял с гвоздя ключ, положил его в карман и схватил дежурного сзади за горло. В ту же минуту дверь отворилась, и на вахту в дверь со стороны лагеря вошёл Иващенко, механик. <...> В то окно, что наружу, было видно, как по тропе возвращается второй дежурный. Иващенко поспешно надел шинель убитого, фуражку, застегнул ремень и сел к столу, как надзиратель. Второй дежурный открыл дверь и шагнул в тёмную конуру вахты. В ту же минуту он был схвачен, задушен и брошен за шкаф.

<...> Вернулась с работы одна из бригад. Такой случай был предвиден. Конвоир, вошедший на вахту, был сразу обезоружен и связан двумя «надзирателями». Винтовка попала в руки беглецов. С этой минуты командование принял майор Пугачёв. (О чём говорит этот факт?)

<...> Беглецы почувствовали себя снова солдатами. (Кем были ранее заключённые, командование над которыми принял майор?)

«Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе или Мелвим о море. Мои рассказы – это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе... Не только левее левых, но и подлиннее подлинных. Чтобы кровь была настоящей, безымянной».

(Варлам Шаламов.
Из записных книжек)

Перед ними была тайга – но страшнее ли она болот Стохода?
<...> Они вошли в тайгу, как ныряют в воду, – исчезли сразу в огромном молчаливом лесу. Справляясь с картой, они не теряли заветного пути к свободе, шагая напрямиком. Через удивительный здешний бурелом.

Деревья на Севере умирали лёжа, как люди. Могучие корни их были похожи на исполинские когти хищной птицы, вцепившейся в камень. От этих гигантских когтей вниз, к вечной мерзлоте, отходили тысячи мелких щупалец-отростков. Каждое лето мерзлота чуть отступала, и в каждый вершок оттаявшей земли немедленно вползал и укреплялся там коричневый корень-щупальце.

<...> В тайге было молчаливо, строго; огромные узловатые листовенницы стояли далеко друг от друга. Лес был полон той тревожной тишины, которую знает каждый охотник. На этот раз Пугачёв был не охотником, а зверем, которого выслеживают, – лесная тишина для него была трижды тревожна.

<...> Майор Пугачёв вспомнил немецкий лагерь, откуда он бежал в 1944 году. Фронт приближался к городу. Он работал шофёром на грузовике внутри огромного лагеря, на уборке. Он вспомнил, как разогнал грузовик и повалил колючую однорядную проволоку, вырывая наспех поставленные столбы. Выстрелы часовых, крики, бешеная езда по городу, в разных направлениях, брошенная машина, дорога ночами к линии фронта и встреча – допрос в особом отделе. Обвинение в шпионаже, приговор – двадцать пять лет тюрьмы.

<...> Пугачёв приподнялся и сел. Солдатов помахал ему рукой. Именно Солдатову принадлежала честь начать это дело, хоть он и был одним из последних, вовлечённых в заговор. Солдатов не струсил, не растерялся, не продал. Молодец Солдатов!

У ног его лежит летчик капитан Хрусталёв, судьба которого сходна с пугачёвской. Подбитый немцами самолёт, плен, голод, побег – трибунал и лагерь.

<...> И Хрусталёв, и майор были людьми дела, и тот ничтожный шанс, ради которого жизнь двенадцати людей сейчас была поставлена на карту, был обсуждён самым подробным образом. План был в захвате аэродрома, самолёта. Аэродромов было здесь несколько, и вот сейчас они идут к ближайшему аэродрому тайгой. (Почему так важно, что беглецов – 12?)

Хрусталёв и был тот бригадир, за которым беглецы послали после нападения на отряд, – Пугачёв не хотел уходить без ближайшего друга. Вон он спит, Хрусталёв, спокойно и крепко.

А рядом с ним Иващенко, оружейный мастер, чинивший револьверы и винтовки охраны. Иващенко узнал всё нужное для успеха: где лежит оружие, кто и когда дежурит по отряду,

«В профессиональную, цеховую среду советской литературы, чванливую, косную, равнодушную, перегороденную разнообразными кастовыми барьерами, Варлам Тихонович входил с трудом. В полной мере он так и не смог освоиться в ней».

(Сергей Неклюдов. Из статьи «Третья Москва», 1994 г.)

где склады боепитания. Иващенко – бывший разведчик.

Крепко спят, прижавшись друг к другу, Левицкий и Игнатович – оба лёгчики, товарищи капитана Хрусталёва.

Раскинул обе руки танкист Поляков на спины соседей – гиганта Георгадзе и лысого весельчака Ашота, фамилию которого майор сейчас вспомнить не может. Положив санитарную сумку под голову, спит Саша Малинин, лагерный, раньше военный, фельдшер, собственный фельдшер особой пугачёвской группы.

Пугачёв улыбнулся. (Чему? Что его радует?) Каждый, наверное, по-своему представлял себе этот побег. Но в том, что всё шло ладно, в том, что все понимали друг друга с полуслова, Пугачёв видел не только свою правоту. Каждый знал, что события развиваются так, как должно. Есть командир, есть цель. Уверенный командир и трудная цель. Есть оружие. Есть свобода. Можно спать спокойным солдатским сном даже в эту пустую бледно-сиреневую полярную ночь со странным бессолнечным светом, когда у деревьев нет теней.

Он обещал им свободу, они получили свободу. Он вёл их на смерть – они не боялись смерти.

«И никто ведь не выдал, – думал Пугачёв, – до последнего дня». О предполагавшемся побеге знали, конечно, многие в лагере. Люди подбирались несколько месяцев. Многие, с кем Пугачёв говорил откровенно, – отказывались, но никто не побежал на вахту с доносом. Это обстоятельство мирило Пугачёва с жизнью. «Вот молодцы, вот молодцы», – шептал он и улыбался.

Поели галет, шоколаду, молча пошли. Чуть заметная тропка вела их.

<...> Тяжело дыша, они быстро поднимались по руслу ручья, и камни летели вниз, прямо в ноги атакующим, шурша и грохоча.

Левицкий обернулся, выругался и упал. Пуля попала ему прямо в глаз.

Георгадзе остановился у большого камня, повернулся и очередью из автомата остановил поднимающихся по ущелью солдат, ненадолго – автомат его умолк, и стреляла только винтовка.

Хрусталёв и майор Пугачёв успели подняться много выше, на самый перевал.

– Иди один, – сказал Хрусталёву майор, – постреляю.

Он бил не спеша каждого, кто показывался. Хрусталёв вернулся, крича:

– Идут! – и упал. Из-за большого камня выбегали люди.

Пугачёв рванулся, выстрелил в бегущих и кинулся с перевала плоскогорья в узкое русло ручья. На лету он уцепился за ивовую

«Спасти прозу Варлама Шаламова – значит спасти большую часть правды; хотя правда его жестока, порой невыносимо жестока. После рассказов Шаламова охватывает чувство безысходности; воистину он заморожен Архипелагом Гулаг на всю жизнь».

(Г. Свирский. Из книги «Двухлетний ренессанс. Евгения Гинзбург. Варлам Шаламов», 1998 г.)

«...здесь изображены люди в крайне важно, не описанном ещё состоянии, когда человек приближается к состоянию, близкому к состоянию за-человечности. Проза моя – фиксация того немногого, что в человеке сохранилось. Каково же это немногое? И существует ли предел этому немногому, или за этим пределом смерть – духовная и физическая?».

(Варлам Шаламов.
«О моей прозе», 1965 г.)

ветку, удержался и отполз в сторону. Камни, задетые им в паденье, грохотали, не долетев ещё донизу.

Он шёл тайгой, без дороги, пока не обессилел.

А над лесной поляной поднялось солнце, и тем, кто прятался в стогах, были хорошо видны фигуры людей в военной форме – со всех сторон поляны.

– Конец, что ли? – сказал Иващенко и толкнул Хачатуряна локтём.

– Зачем конец? – сказал Ашот, при-

целиваясь. Щёлкнул винтовочный выстрел, упал солдат на тропе.

Тотчас же со всех сторон открылась стрельба по стогам.

Солдаты по команде бросились по болоту к стогам, затрещали выстрелы, раздались стоны.

Атака была отбита. Несколько раненых лежали в болотных кочках.

<...> Выскочил, не боясь, начальник отряда охраны – того самого отряда, который разоружили беглецы. Он кричал:

– Эй, Иващенко, Солдатов, Пугачёв, сдавайтесь, вы окружены. Вам некуда деться.

– Иди, принимай оружие, – закричал Иващенко из стога.

<...> Когда он пробежал половину тропы, щёлкнул выстрел Иващенко – пуля попала Бобылёву прямо в лоб.

– Молодчик, – похвалил товарища Солдатов. – Начальник ведь оттого такой храбрый, что ему всё равно: его за наш побег или расстреляют, или срок дадут. Ну, держись!

Отовсюду стреляли. Зататакали привезённые пулемёты.

Солдатов почувствовал, как обожгло ему обе ноги, как ткнулась в его плечо голова убитого Иващенко.

Другой стог молчал. С десятков трупов лежало в болоте.

Солдатов стрелял, пока что-то не ударило его по голове, и он потерял сознание.

Николай Сергеевич Браудэ, старший хирург большой больницы, телефонным распоряжением генерал-майора Артемьева, одного из четырёх колымских генералов, начальника охраны всего Колымского лагеря, был внезапно вызван в посёлок Личан вместе с «двумя фельдшерами, перевязочным материалом и инструментом» – как говорилось в телефонограмме.

<...> – Что тут, война, что ли? – спросил Браудэ у генерала, когда они поздоровались.

– Война не война, а в первом сражении двадцать восемь убитых. А раненых посмотрите сами.

<...> На другой день к вечеру привезли опять раненых. (Откуда новые раненые?) Окружённые офицерами охраны, два солдата

принесли носилки с первым и единственным беглецом, которого увидел Браудэ. Беглец был в военной форме и отличался от солдат только небритостью. У него были огнестрельные переломы обеих голеней, огнестрельный перелом левого плеча, рана головы с повреждением теменной кости. Беглец был без сознания.

<...> Всё было кончено. Невдалеке стоял военный грузовик, покрытый брезентом, – там были сложены тела убитых беглецов. И рядом – вторая машина с телами убитых солдат.

Можно было распустить армию по домам после этой победы, но ещё много дней грузовики с солдатами разъезжали взад и вперёд по всем участкам двухтысячекилометрового шоссе. (Зачем?)

Двенадцатого – майора Пугачёва – не было.

<...> «Вот как скоро всё кончилось, – думал Пугачёв. – Приведут собак и найдут. И возьмут».

И, лёжа в пещере, он вспомнил свою жизнь – трудную мужскую жизнь, жизнь, которая кончается сейчас на медвежьей таёжной тропе. Вспомнил людей – всех, кого он уважал и любил, начиная с собственной матери. Вспомнил школьную учительницу Марию Ивановну, которая ходила в какой-то ватной кофте, покрытой порыжевшим, вытертым чёрным бархатом. И много, много людей ещё, с кем сводила его судьба, припомнил он.

Но лучше всех, достойнее всех были его одиннадцать умерших товарищей. Никто из тех, других людей его жизни не перенёс так много разочарований, обмана, лжи. И в этом северном аду они нашли в себе силы поверить в него, Пугачёва, и протянуть руки к свободе. И в бою умереть. Да, это были лучшие люди его жизни.

<...> Да, это были лучшие люди. И Ашота фамилию он знал теперь – Хачатурян.

Майор Пугачёв припомнил их всех – одного за другим – и улыбнулся каждому. Затем вложил в рот дуло пистолета и последний раз в жизни выстрелил.

«Роман умер. И никакая сила в мире не воскресит эту литературную форму. Людям, прошедшим революции, войны, концентрационные лагеря, нет дела до романа».

(Варлам Шаламов.
«О моей прозе», 1965 г.)

Работа с текстом после чтения



1. Какие мысли и чувства возникали у вас по ходу чтения рассказа?
2. Какими, по мнению Шаламова, были заключённые 1930-х годов, что отличало их от репатриантов?



3. Найдите в тексте рассказа описания колымской весны, северных деревьев. С какой целью автор даёт это описание?

4. «Проза будущего кажется мне прозой простой, где нет никакой витиеватости, с точным языком, где лишь время от времени возникает новое, впервые увиденное – деталь или подробность, описанная ярко. Этим деталям читатель должен удивиться и поверить всему рассказу. В коротком рассказе достаточно одной или двух таких подробностей», – писал Шаламов («Моя жизнь – Несколько моих жизней»).

Какие детали вас удивили и заставили поверить всему рассказу?

5. Расскажите о жизни майора Пугачёва. Как воплотился и проявился «русский характер» в майоре Пугачёве?

6. Перечитайте описание каждого из беглецов. Зачем автор назвал каждого поимённо? Какие черты характера, не зависящие от национальной принадлежности, их объединяют? Что вкладывает Пугачёв в оценку – «лучшие люди»?

7. Что означает свобода для автора рассказа и его героя? Почему майор Пугачёв предпочитает смерть лагерной жизни?

При ответе на вопрос учтите, что Шаламов одной из главных характеристик лагеря называл растреление, расчеловечение, которое начинается с физических мук. Он считал издёвкой слова Сталина, которые в те годы были размещены на всех лагерных воротах: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». «Нет ничего циничнее этой надписи», – писал В. Шаламов.

8. Шаламов считал, что Колыма была не лучше Освенцима: «Цвета глаз, – ни у кого не было». 1938 год, пятидесятиградусный мороз, голод, побои, расстрелы, работа по 14 часов, заострившие по ручке кайла руки, цинга, кровь и гной, текущие из незаживающих ран...

Какой литературный стиль, адекватный для изображения этого ада, нашёл Шаламов?

9. Прозу Шаламова называют «новой прозой» – документом, свидетельством очевидца. Сам писатель подробно описывает особенности этой прозы:

– Герои: люди без биографии, без прошлого и без будущего.

– Действие: сюжетная законченность.

– Повествователь: переход от первого лица к третьему, переходящий герой.

– Стиль: короткая, как пощёчина, фраза; чистота тона, отсечение всей шелухи полутонов; ритм, единый музыкальный строй; точная, верная, новая подробность, в то же время переводящая рассказ в иной план, дающая «подтекст»; особое внимание к началу и концовке, пока в мозгу не найдены, не сформулированы эти две фразы – первая и последняя – рассказа нет.

Подберите к каждой из перечисленных особенностей конкретные примеры из текста рассказа.

10. «Последний бой майора Пугачёва» называют колымской балладой о безумстве храбрых, о свободе как высшей жизненной ценности.

Напишите эссе на тему «Свобода как высшая жизненная ценность».

Б

1. Почему первым изданным произведением на лагерную тему была повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», а не рассказ Шаламова «Последний бой майора Пугачёва», написанный ранее повести?

2. Как соотносится сюжет рассказа Шаламова с калмыцкой сказкой, рассказанной Емельяном Пугачёвым Гринёву в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»? (см. Приложение)

3. Шаламов писал, что каждый его рассказ – «это абсолютная достоверность. Это достоверность документа... Для художника, для автора самое главное – это возможность высказаться – дать свободный мозг тому потоку». Что отличает прозу Шаламова от обычных мемуаров, документального очерка?

4. Каковы особенности образной системы в рассказе Шаламова? Какими видятся автору беглецы и почему их 12?

5. Напишите реферат на тему: «"Один день Ивана Денисовича" А.И. Солженицына и "Колымские рассказы" В.Т. Шаламова». Осветите в реферате следующие вопросы:

- Каково художественное пространство рассказов?
- Может ли человек в заключении оставаться человеком, сохранить свою индивидуальность?
- Что происходит с представлениями героев о нравственных ценностях?
- Что человеку в заключении даёт силы жить?
- Есть ли у героев Шаламова и Солженицына будущее?

6. Шаламов по-разному определял характер своей прозы. Так, в 1971 г. в ответ на слова коллеги-писателя Оттена: «Вы прямой наследник всей русской литературы – Толстого, Достоевского, Чехова» – Шаламов ответил: «Я – прямой наследник русского модернизма – Белого и Ремизова. Я учился не у Толстого, а у Белого, и в любом моём рассказе есть следы этой учёбы». Затем он же скажет: «В некотором смысле я – прямой наследник русской реалистической школы – документален, как реализм». Проведите исследование на тему «Русский модернизм и русская реалистическая школа в прозе Шаламова».

Критика о рассказе Шаламова

Прочитайте отрывки из статьи В. Есипова «Кто он, майор Пугачёв?».

По ходу чтения отмечайте самые важные, на ваш взгляд, мысли автора статьи.

Напомним, что символичность, причём не нарочитую, не назойливую, писатель считал одной из важных сторон своей прозы... В связи с этим можно с достаточной уверенностью говорить, что важнейшая деталь, которую Шаламов взял из истории о самом громком колымском побеге, – это сакральное число бежавших: двенадцать. Именно столько героев в рассказе «Последний бой майора Пугачёва». Для Шаламова-поэта это число имело особое значение – за ним и тень апостолов, и тень знаменитой поэмы любимого А. Блока. И он был вправе полагать, что чуткие читатели примут этот ассоциативный ряд в рассказе о героях, которые предпочли лагерной неволе – смерть...

Несомненно, символичной, с мощной семантической нагрузкой, является и фамилия главного героя рассказа. Само по себе краткое и энергичное сочетание «майор Пугачёв»... свидетельствует о глубокой трансформации замысла писателя. Новая фамилия героя, конечно же, не случайна – она богата и историческими, и литературными аллюзиями. Как мы полагаем, для Шаламова важнее были литературные, а именно пушкинские, связанные с «Капитанской дочкой» (Пушкин – его вечный спутник и постоянная опора в искусстве). Разумеется, можно увидеть за фамилией «Пугачёв» и стремление писателя показать своего рода историческую преемственность смелого побега из лагеря с пугачёвским бунтом. Но с точки зрения поэтики важно другое: этой явно «книжной», «пушкинской» фамилией писатель хотел, скорее всего, подчеркнуть романтическую образность главного героя.

В том, что образ майора Пугачёва, как говорится, собирательный, вобравший в себя черты многих безымянных колымских протестантов, – сомнений нет. Но этот образ, безусловно, и романтический: в нём Шаламов воплотил свой идеал, свою мечту – и мечту всех заключённых – о возможности сопротивления лагерным унижениям и насилию. Так же возвышенны, романтизированны в рассказе и образы других участников побега. Не случайно в его финале (в очерке этого нет) устами Пугачёва дважды патетически повторяется фраза о «лучших людях его жизни»: «Никто не перенёс так много разочарований, обмана, лжи. И в этом северном аду они нашли в себе силы поверить в него, Пугачёва, и протянуть руки к свободе. И в бою умереть. Да, это были лучшие люди его жизни».

Ценой сопротивления, ценой недолгой свободы в лагерной Колыме могла быть только жертвенная героическая смерть. Муче-

ники могут превратиться в героев – через деяние, через победу над собой, через собственную кровь. Эта философия жертвенного поступка, личной Голгофы – сугубо шаламовская. История безымянного майора и других колымских заключённых, решившихся на протест, не могла его не взволновать и не восхитить – как восхищали его с юности подвиги русских революционеров. В этой истории он увидел и себя, и свою судьбу, и подтверждение своих жизненных принципов. В обыденной жизни такие отважные поступки крайне редки, а на Колыме – тем более. Поэтому так страстно и вдохновенно написан, исполнен высокой патетики «Последний бой майора Пугачёва» – колымский парафраз христианского «смертию смерть поправ»...

1. Какие мысли вы отметили? Почему они показались вам важными?
2. Что позволяет автору статьи говорить о Шаламове-поэте?
3. Какие аргументы приводит автор в защиту своей оценки образа майора Пугачёва как романтического?

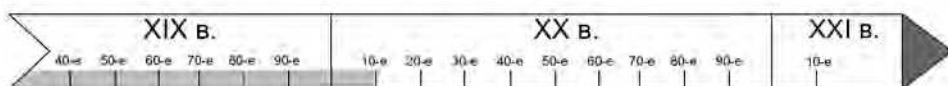


**📖 «ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ»
Лев Николаевич Толстой (1828–1910)**

Основные даты жизни и творчества Л.Н. Толстого

- 1828, 28 августа (9 сентября) – родился в Ясной Поляне.
- 1830 – смерть матери.
- 1837 – смерть отца.
- 1844–1847 – учёба в Казанском университете.
- 1851–1854 – военная служба на Кавказе.
- 1852 – публикация повести «Детство» в журнале «Современник», известность.
- 1854–1855 – участие в Крымской войне.
- 1862 – женитьба на С.А. Берс.
- 1863–1869 – работа над романом-эпопеей «Война и мир».
- 1873–1877 – работа над семейно-психологическим романом «Анна Каренина».
- 1877–1884 – философско-публицистический трактат «Исповедь», перелом в мировоззрении, формирование философии «толстовства».
- 1889–1899 – работа над романом «Воскресение».
- 1901 – отлучение Толстого от Церкви.
- 1908 – статья «Не могу молчать».
- 1910, 28 октября – уход из Ясной Поляны.
- 1910, 7 (20) ноября – смерть на станции Астапово.

• Просмотрите основные даты жизни и творчества Л.Н. Толстого. В каком возрасте Толстой потерял родителей? На какие другие факты его биографии вы обратили внимание?



• Л.Н. Толстой был современником многих знаковых исторических событий:

- 1853–1856 – Крымская война.
- 1855 – смерть Николая I.
- 1860–1870-е годы – реформы императора Александра II.
- 1866 – покушение террориста Каракозова на Александра II.
- 1871 – европейские катаклизмы. Парижская коммуна.
- 1876 – возникновение террористической организации «Земля и воля».
- 1877–1878 – Русско-турецкая война.
- 1881 – убийство террористами Александра II.
- 1887 – попытка покушения на Александра III.
- 1904–1905 – Русско-японская война.
- 1905 – 9 января. Кровавое воскресенье.

Что можно сказать об исторической эпохе Толстого?

- Просмотрите вставки на полях. Кто из упомянутых в них писателей был современником Толстого? С кем его связывали дружеские отношения?
- К какому времени относится большая часть высказываний писателя?

В России не было писателя, который при жизни до такой степени вкусил бы всю полноту земной славы. В 1898 г. А.П. Чехов писал издателю А.С. Суворину: «28 августа я не буду у Толстого, во-первых, оттого, что холодно и сыро ехать к нему, и во-вторых – зачем ехать? Жизнь Толстого есть сплошной юбилей, и нет резона выделять какой-нибудь один день...».

В 80–90-е годы XIX века нельзя было взять в руки номера газеты или журнала, чтобы не натолкнуться на суждения о Толстом. Всё выходящее из-под пера Толстого можно было встретить в самых разнообразных слоях общества: его пьесы давались при дворе, его сказки, азбука и хрестоматия читались в деревнях. Всё новое становилось целым событием. Например, появление «Крейцеровой сонаты» вызвало такой шум, что музыкальные издатели поторопились даже выпустить в свет одноимённую забытую сонату Бетховена, хотя ни малейшего отношения ни к музыке, ни к Бетховену произведение Толстого не имело.

Небывалый для России факт: Пушкин при жизни видел одно полное издание своих творений, Тургенев – три, Достоевский – ни одного (вышел только в посмертном), Толстой – девять прижизненных полных собраний сочинений!

Интересна запись в дневнике Суворина: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии. Его проклиняют, Синод имеет против него своё определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого» (29 мая 1902 г.).

У Толстого вообще необычно складывались отношения с правящими императорами. Узнав о гибели Александра II, он пишет нравоучительное письмо его сыну, Александру III: «Только одно

слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить Вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию. Как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед царём-человеком, исполняющим закон Христа». В письме к Николаю II от 16 января 1902 г. писатель называет императора «Любезный брат».

Вне всякого сомнения: влияние писателя-проповедника было безусловным на *всю* читающую публику. «Учитель жизни», «величайший русский писатель», Толстой при жизни стал фактом не только духовного, но и социально-политического движения России.

Да что Россия – пожалуй, в мире ни у кого из писателей не было при жизни такой славы и такого влияния, разве что у Гёте, тоже обожествлённого своими современниками. К каждому слову Гёте жадно прислушивался весь образованный читающий мир. После Гёте на какое-то время литературный престол занял блестящий Виктор Гюго. И всё-таки самым ярким «главой» литературы остался в истории без всякого сомнения «великий писатель земли русской», граф Лев Николаевич Толстой.

Паломники из самых разных стран приезжали к «яснополянскому мудрецу», его слово для людей, искавших духовности, было весомее, нежели слово церковных иерархов, тем более – государственных чиновников.

В 1998 г. в журнале «Родина» появилась любопытная информация. Оказывается, в 1909 г. журнал «Вестник знания» провёл опрос-анкету среди «трудовой интеллигенции» о самом читаемом писателе: на первом месте оказался Лев Толстой (295 голосов), на втором – Чарлз Дарвин (152 голоса). Отрыв первого места от второго говорит о многом.

Размах его влияния был осознан не сразу. Андрей Белый в статье «Трагедия творчества» назвал Льва Толстого «самым выдающимся явлением русской жизни XIX столетия». Однако по Толстому определяли смысл движения России и Европы и в XX веке: «Но разве с момента этого исторического поворота, пророком которого, хотя в Москве и не отдают в этом отчёта, был Лев Толстой, – разве не с этого момента появилось в Западной Европе ощущение, что и она, и мы, и весь мир, а не только Россия, присутствуем при конце эпохи, эпохи буржуазно-гуманистической...» (немецкий писатель Томас Манн, «Гёте и Толстой», 1922 г.).

Толстовская установка на отрицание существующего была близка самым разным политическим силам: так, большевики, категорически не принимая Достоевского, требовали, чтоб в социалистической литературе появился «новый Лев Толстой», который сможет с эпическим размахом воспеть *новую Россию*. Не Пушкин, не Тургенев, не Лесков или Чехов и уж, конечно, не Достоевский и не Бунин!

Место Толстого в русской и мировой литературе невозможно определить однозначно. Если за точку измерения взять Пушкина, то вот что удивительно: можно сказать *Пушкин и Гоголь*, *Пушкин и Лермонтов*, *Пушкин и Достоевский*, то невозможно сказать *Пушкин и Толстой*. И не только потому, что поэзию Лев Николаевич считал пустым делом, а авторитетов не признавал вообще.

В трактате «Что такое искусство?» к «рассудочным, выдуман-ным произведениям» он отнёс и произведения «греческих трагиков, Данта, Тасса, Мильтона, Шекспира, Гёте (почти всего подряд), из новых – Золя, Ибсена, <...> в живописи – всего Рафаэля, всего Микеланджело с его нелепым «Страшным судом»; в музыке – всего Баха и всего Бетховена».

Причина невозможности «соединения» Пушкина и Толстого видится в другом.

Пушкин «состязался» с западноевропейскими гениями на их духовной территории, а порой и на их материале («Маленькие трагедии»), Толстой же пошёл путём отказа и противопоставления русской особенности европейской.

Пушкин верил в русскую историю как часть европейской, Толстой вообще объявил историю немецкой выдумкой.

На вопрос, «какая сила движет народами?» Толстой даёт ответ в романе «Война и мир»: «Идёт паровоз. Спрашивается, отчего он движется? Мужик говорит: это *чёрт* движет его. <...> Мужик неопровержим».

С точки зрения так называемого «человека из народа» он отверг и самого Пушкина: «Надо только представить себе положение такого человека из народа, когда он <...> узнаёт, что в России духовенство, начальство, все лучшие люди России с торжеством открывают памятник великому человеку, благодетелю, славе России – Пушкину. <...> Каково же должно быть его недоумение, когда он узнаёт, что Пушкин был человек больше чем лёгких нравов, что умер он на дуэли, то есть при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные» («*Что такое искусство?*»). Уточним, что эти строки Толстой написал накануне пушкинского юбилея – праздника, на котором Достоевский произнёс свою знаменитую речь о великом поэте.

Казалось бы, что в один ряд с Толстым можно поставить имя Достоевского, который тоже апеллировал к народу. Но и здесь отличие позиций принципиальное: «Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да ещё какие: сами светят и всем путь освещают!» (Ф.М. Достоевский, Из «Дневника писателя»).

Иными словами, у Достоевского (как и у Лескова, и у Платонова, и у Шукшина) опора не на арифметическое большинство, а на

всегдашних семь праведников, которые и составляют смысл и суть жизни народа и являются двигателями жизни и истории. Толстой не принимал такую веру в единичных святых. Всю свою жизнь он искал высокую истину, смысл жизни.

Достоевский в конечном итоге предлагал «просто» личным страданием спасти мир – не больше не меньше. Аналогичного духовного подвига требовал и Толстой, но видел это страдание в другом: во имя «Царства Божия внутри вас» возлюбить ближнего, подставить щёку, отказаться от привычного уклада жизни и ежечасно держать свой внутренний мир под контролем. Философия оказалась «рассудочной и выдуманной» и стала трагедией его жизни.

Софья Андреевна, жена Толстого, записала в «Ежедневнике» 1915 года: «28 августа. День рождения Льва Николаевича. С утра пасмурно, дождь. Потом прояснило. Ходила на могилу, молилась о душах Льва Ник. и родивших его отца и матери. Странно, как скоро забыт Толстой! Сегодня здесь не было *никого*: ни чужих, ни близких».

Чужие и близкие... При жизни графа были люди, избравшие своею специальностью пропаганду идей Толстого. Были другие, преследующие эти идеи с ожесточением.

Одни современники восприняли его предсмертный уход из дома как стравивание графом с себя условностей цивилизации, как шаг праведника, наконец-то осуществившего свои идеалы, которые он так настойчиво проповедовал. Другие считали, что он бежал, боясь самого себя, сначала поехал в Шамардинский монастырь, где монахиней жила его сестра, затем – к старцам в Оптину пустынь, но нигде не мог остановиться и бежал всё дальше. Возможно, есть некая справедливость в этой точке зрения. В Гражданскую войну будут бежать миллионы русских людей, не зная, куда и зачем, спасаясь от революции, поддержанной поначалу ради свержения опостылевшего государства.

Впервые пришедшему к нему молодому Бунину Толстой пожелал: «Не ждите многого от жизни, лучшего времени, чем теперь, у вас не будет... Счастья в жизни нет, есть только зарницы его – цените их, живите ими...».

У самого же Бунина в статье «Освобождение Толстого» есть одно очень важное соображение. Рассуждая о судьбе Толстого, он вспоминает знаменитое место в Евангелии об искушении Христа славой мира сего и выходит на сравнение двух смертей – Христа и Толстого. Первый умер в неизвестности на кресте, сопровождаемый горсткой учеников. Второй умирает в сиянии славы, весь мир следит за каждым его вздохом, «толстовство» исповедуется тысячами людей, исследуется как грандиозное явление. И Бунин задаётся вопросом: результат смерти Христа нам известен. А каков будет результат учения Толстого?

Ваш Н.А. Рождественский

Л.Н. Толстой о своей жизни

1. Назовите источники, на основе которых составлен рассказ о жизни и творчестве Толстого.

Поясните, почему невозможно понять жизнь, творческую судьбу Толстого, его место в духовной жизни России без знания дневников, писем, статей писателя.

2. Дневник Толстого, по точному замечанию критика Б.М. Эйхенбаума, был «интимным собеседником, воспитателем», «школой самонаблюдения и самоиспытания» писателя. В дневниках запечатлены события его биографии и вехи общественно-литературной жизни страны. В них – летопись целой эпохи, позволяющей увидеть, на чём основан поистине всемирный авторитет Льва Толстого.

Толстой вёл дневники всю свою долгую жизнь. Начал восемнадцатилетним студентом, в сшитых тетрадочках, а последняя запись 1910 г. сделана уже всемирно известным писателем незадолго до кончины.

Именно своим дневникам последнего десятилетия Толстой придавал особое значение, считал своего рода духовным завещанием: «Всем этим бумагам, кроме дневников последних годов, я, откровенно говоря, не приписываю никакого значения. Дневники же, если я не успею более точно и ясно выразить то, что я записываю в них, могут иметь некоторое значение, хотя бы в тех отрывочных мыслях, которые изложены там. И потому издание их, если выпустить из них всё случайное, неясное и излишнее, может быть полезно людям, и я надеюсь, что вы сделаете это» (из письма единомышленнику В.Г. Черткову).

По дневниковым записям можно воссоздать не только историю жизни и творчества Толстого. Обратитесь ещё раз к цитатам из дневников писателя на полях учебника. О чём они говорят в первую очередь?

3. При знакомстве с биографическими материалами учтите, что сам писатель делил свою жизнь на четыре этапа:

«Вспоминая так свою жизнь, то есть рассматривая её с точки зрения добра и зла, которые я делал, я увидел, что вся моя длинная жизнь распадается на четыре периода: тот чудный, в особенности в сравнении с последующим, невинный, радостный, поэтический период детства до 14 лет, потом второй – ужасные 20 лет, или период грубой распущенности, служение честолюбию, тщеславию и, главное, похоти, потом третий, 18-летний период от женитьбы и моего духовного рождения, который с мирской точки зрения можно бы назвать нравственным, то есть в эти 18 лет я жил правильной, честной, семейной жизнью, не предаваясь никаким осуждаемым общественным мнением порокам, но интересы которого ограничивались

«Человек весь в грязи и не лезет из неё, а других учит, как им очищаться».

(Л.Н. Толстой.
Их записных книжек, 1908 г.)

эгоистическими заботами о семье, об увеличении состояния, о приобретении литературного успеха и всякого рода удовольствиями.

И, наконец, четвёртый, 20-летний период, в котором я живу теперь и в котором надеюсь умереть, и с точки зрения которого я вижу всё значение прошедшей жизни, и которого я ни в чём не желал бы изменить, кроме как в тех привычках зла, которые усвоены мной в прошедшие периоды.

Такую историю жизни всех этих четырёх периодов, совсем правдивую, я хотел бы написать, если Бог даст мне силы и жизни. Я думаю, что такая написанная мною биография, хотя бы и с большими недостатками, будет полезнее для людей, чем вся та художественная болтовня, которой наполнены мои 12 томов сочинений и которым люди нашего времени приписывают незаслуженное ими значение».

- По какому критерию Толстой делит свою жизнь на этапы?
- Какую характеристику даёт каждому этапу?
- Уточните временные границы всех четырёх этапов.
- Почему писатель свою автобиографию считает полезнее всего художественного творчества? О какой пользе может идти речь?

4. Познакомьтесь с документальными материалами. Во время чтения обозначьте границы этапов жизни писателя.

«Я родился в Ясной Поляне, Тульской губернии, Крапивенского уезда, 1828 года 28 августа. Это первое и последнее замечание, которое я делаю о своей жизни не из своих воспоминаний».

(Л.Н. Толстой. Из неопубликованного. «Моя жизнь», 1878 г.)

«Матери своей я совершенно не помню. Мне было полтора года, когда она скончалась. По странной случайности не осталось ни одного её портрета; так что, как реальное физическое существо, – я не могу себе представить её. Я отчасти рад этому, потому что в представлении моём о ней есть только её духовный облик, и всё, что я знал о ней, – всё прекрасно, и я думаю не оттого только,

что все говорившие мне про мою мать старались говорить о ней только хорошее, но потому что действительно в ней было очень много этого хорошего.

Впрочем, не только моя мать, но и все окружавшие моё детство лица, от отца до кучеров, представляются мне исключительно хорошими людьми. Вероятно, моё чистое, любовное чувство, как яркий луч, открывало мне в людях (они всегда есть) лучшие

«Вы мне сделали много неопределимого добра, и мне полезно всё, что я о Вас слышу, – даже когда Вас порицают и на Вас сочиняют злое. Я сейчас воображаю: как Вы все это "благоприятствуете", и думаю: "Хорошо это: его, друга нашего, это не может трогать, а мы его через это только больше любим и сами поучаемся, как сносить зло"».

*(Н.С. Лесков – Л.Н. Толстому,
12 июля 1891 г.)*

их свойства, и то, что все люди эти казались мне исключительно хорошими, было гораздо ближе к правде, чем то, когда я видел одни их недостатки».

(Л. Н. Толстой. По материалам П.И. Бирюкова, биографа Толстого)

«Когда же я начался? Когда начал жить? <...> Разве я не жил тогда, эти первые года, когда учился смотреть, слушать, понимать, говорить, спал, сосал грудь и целовал грудь, и смеялся, и радовал мою мать? Я жил, и блаженно жил. Разве не тогда я приобретал всё то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобретал и 1/100 того. От пятилетнего ребёнка до меня только шаг. А от новорождённого до пятилетнего – страшное расстояние. От зародыша до новорождённого – пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость».

(Л. Н. Толстой. По материалам П.И. Бирюкова, биографа Толстого)

«Старший брат Николенька был на 6 лет старше меня. <...> Так вот он-то, когда нам с братьями было мне 5, Митеньке 6, Серёже 7 лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми; не будет ни болезни, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями (вероятно, это были моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья). Я помню, что слово "муравейные" особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том, что садились под стулья, загоразивая их ящиками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу. Я, помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру.

"Муравейные братья" были открыты нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зелёной палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня».

(Л. Н. Толстой. По материалам П.И. Бирюкова, биографа Толстого)

«Чувствую необходимость посвятить целую главу этому понятию, которое в моей жизни было одним из са-

«Толстой встал и пошёл – тронулся. Как знать, не тронется ли так же и Россия, тоже больная; как бы грохот лавинный чуется нам в движении Толстого».

*(Поэт А. Белый.
Из книги «Трагедия творчества.
Достоевский и Толстой»)*

«... всё ничего, всё ещё просто и не страшно, пока жив Толстой...».

(А. Блок. Из статьи к 80-летию
Л.Н. Толстого)

«Жизнь, какая бы ни была, есть благо, выше которого нет никакого...».

(Л.Н. Толстой. Из дневника,
1902 г.)

мых пагубных, ложных понятий, привитых мне воспитанием и обществом.

Моё любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей *comme il faut*¹ и на *comme il ne faut pas*. Второй род подразделяется еще на людей собственно не *comme il faut* и простой народ. Людей *comme il faut* я уважал и считал достойными иметь со мной равные от-

ношения; вторых – притворялся, что презираю, но, в сущности, ненавидел их, питая к ним какое-то оскорблённое чувство личности; третьи для меня не существовали – я их презирал совершенно. Моё *comme il faut* состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. "Для чего же ты хочешь говорить как мы, когда не умеешь?" – с ядовитой насмешкой спрашивал я его мысленно.

Второе условие *comme il faut* были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвёртое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изящной, презрительной скуки.

Страшно вспомнить, сколько бесценного, лучшего в жизни шестнадцатилетнего времени я потратил на приобретение этого качества. Но ни потеря золотого времени, употреблённого на постоянную заботу о соблюдении всех трудных для меня условий *comme il faut*, исключаяющих всякое серьёзное увлечение, ни ненависть и презрение к девяти десятым рода человеческого, ни отсутствие внимания ко всему прекрасному, совершающемуся вне круга *comme il faut*, – всё это ещё было не главное зло, которое мне причиняло это понятие. Главное зло состояло в том убеждении, что *comme il faut* есть самостоятельное положение в обществе, что человеку не нужно стараться быть ни чиновником, ни каретником, ни солдатом, ни учёным, когда он *comme il faut*; что, достигнув этого положения, он уже исполняет своё назначение и даже становится выше большей части людей».

(Л.Н. Толстой. Из повести «Юность»)

«Я много переменился, но всё ещё не достиг той степени совершенства (в занятиях), которого бы мне хотелось достигнуть. Я не исполняю того, что себе предписываю; что исполняю, то исполняю не хорошо, не изоцряю памяти. Для этого пишу здесь некоторые правила, которые, как мне кажется, много мне помогут, ежели я буду им следовать:

¹ *Comme il faut* – (франц.) как надо, как следует.

1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что.

2) Что исполняешь, исполняй хорошо.

3) Никогда не справляйся в книге, что забыл, а постарайся сам припомнить.

4) Заставляй постоянно ум твой действовать со всею ему возможною силою.

5) Читай и думай всегда громко.

6) Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают; сначала дай почувствовать, а ежели они не понимают (что они мешают), то извинись и скажи им это».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 24 марта 1847 г.)

«Я бы был несчастливейший из людей, ежели бы я не нашёл цели для моей жизни – цели общей и полезной, полезной потому, что бессмертная душа, развившись, естественно перейдёт в существо высшее и соответствующее ей. Теперь же жизнь моя будет вся стремлением деятельным и постоянным к этой одной цели.

Какая будет цель моей жизни в деревне в продолжение двух лет? 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить историю, географию и статистику. 6) Изучить математику, гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 17 апреля 1847 г.)

«Я пишу тебе это письмо из Петербурга, где я и намерен остаться навеки... Я решился здесь остаться держать экзамен и потом служить; ежели же не выдержу (всё может случиться), то и с 14-го класса начну служить; я много знаю чиновников 2-го разряда, которые не хуже и вас, перворазрядных, служат. Короче тебе скажу, что петербургская жизнь на меня имеет большое и доброе влияние: она меня приучает к деятельности и заменяет для меня невольное расписание; как-то нельзя ничего не делать, все заняты, все хлопочут, да и не найдёшь человека, с которым бы можно было вести беспутную жизнь, одному нельзя же.

«Работать надо над собой – теперь, в восемьдесят лет делать то самое, что я делал с особенной энергией, когда мне было 14–15 лет: совершенствоваться, только с той разницей, что тогда идеалы совершенства были другие: и мускулы и вообще то, что нужно для успеха среди людей. Ах, если бы приучиться всю, всю энергию класть на служение Богу, на приближение к нему! А приближение к нему невозможно без служения людям».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 1908 г.)

Я знаю, что ты никак не поверишь, чтобы я переменялся, скажешь: "это уж в 20-й раз, и всё из тебя пути нет", "самый пустяшный малый", – нет, я теперь совсем иначе переменялся, чем прежде менялся; прежде я скажу себе: "дай-ка я переменюсь", а теперь вижу, что я переменялся, и говорю: "я переменялся"».

(Л.Н. Толстой – брату С.Н. Толстому, 13 февраля 1848 г.)

«Серёжа! Ты, я думаю, уже говоришь, что я "самый пустяшный малый", и говоришь правду. Бог знает, что я наделал. Поехал без всякой причины в Петербург, ничего там нужного не сделал, только прожил пропасть денег и задолжал. Глупо! Невыносимо глупо! Ты не поверишь, как это меня мучает. Главное, долги, которые мне нужно заплатить и как можно скорее: потому что, ежели я их заплачу не скоро, то я сверх денег потеряю и репутацию. <...>

Я начал было держать экзамен на кандидата и выдержал два хорошо, но теперь переменяю намерение и хочу вступить юнкером в конногвардейский полк. Мне совестно писать это тебе, потому что я знаю, что ты меня любишь, и тебя огорчат все мои глупости и бесосновательность. Я даже несколько раз вставал и краснел от этого письма, что и ты будешь делать, читая его; но что делать, прошедшего не переменяешь, а будущее зависит от меня».

(Л.Н. Толстой – брату С.Н. Толстому, 1 мая 1848 г.)

«Помните, добрая тётенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета – мои занятия, о которых я вам говорю, – литературные. Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу».

(Л.Н. Толстой – Т. А. Ергольской, 12 ноября 1851 г.)

«На днях давно желанный мною приказ о зачислении меня фейерверкером в 4-ю батарею должен состояться, и я буду иметь удовольствие делать фрунт и провожать глазами мимо едущих офицеров и генералов. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицам в своём шармеровском пальто и в складной шляпе, за которую я заплатил здесь 10 рублей, несмотря на всю свою величавость в этой одежде, я так привык к мысли скоро одеть серую шинель, что невольно правая рука хочет схватить за пружины складную шляпу и опустить её вниз. Впрочем, ежели мое желание исполнится, то я в день же своего определения уезжаю в Стараголадовскую, а оттуда тотчас же в поход, где буду ходить и ездить в тулупе или черкеске, и тоже по мере сил моих буду способствовать с помощью пушки к истреблению хищников и непокорных азиатов».

«Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей – преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня, телесно, не будет...».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 1906 г.)

«Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей – преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня, телесно, не будет...».

(Л.Н. Толстой – брату С.Н. Толстому, 23 декабря 1851 г.)

«Скромности у меня нет. Вот мой большой недостаток. Что я такое? Один из четырёх сыновей отставного подполковника, оставшийся с 7-летнего возраста без родителей под опекой женщин и посторонних, не получивший ни светского, ни учёного образования и вышедший на волю 17-ти лет; без большого состояния, без всякого общественного положения и, главное, без правил, человек, расстроивший свои дела до последней крайности, без цели и наслаждения проведший лучшие годы своей жизни; наконец, изгнавший себя на Кавказ, чтобы бежать от долгов, а главное – привычек, а оттуда, придравшийся к каким-то связям, существовавшим между его отцом и командующим армией, перешедший в Дунайскую армию 26-ти лет прапорщиком почти без средств, кроме жалованья (потому что те средства, которые у него есть, он должен употреблять на уплату оставшихся долгов), без покровителей, без умения жить в свете, без знания службы, без практических способностей, но с огромным самолюбием. Да, вот моё общественное положение.

Посмотрим, что такое моя личность.

Я дурён собой, неловок, нечистоплотен и светски необразован. Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим (intolerant) и стыдлив, как ребёнок. Я почти невежда. Что я знаю, тому я выучился кое-как, сам, урывками, без связи, без толку и то так мало. Я невоздержан, нерешителен, непостоянен, глупо тщеславен и пылок, как все бесхарактерные люди. Я не храбр. Я не аккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти неодолимой привычкой.

Я умён, но ум мой ещё ни на чём никогда не был основательно испытан. У меня нет ни ума практического, ни ума светского, ни ума делового.

Я честен, то есть я люблю добро, сделал привычку любить его; и когда отклоняюсь от него, бываю недоволен собой и возвращаюсь к нему с удовольствием, но есть вещи, которые я люблю больше добра, – славу. Я так честолюбив и так мало чувство это было удовлетворено, что часто, боюсь, я могу выбрать между славой и добродетелью – первую, ежели бы мне пришлось выбирать из них.

Да, я нескромен, оттого-то я горд в самом себе, а стыдлив и робок в свете».

*(Л.Н. Толстой. Из дневника,
7 июля 1852 г.)*

«Мне уже 24 года, а я ещё ничего не сделал. Я чувствую, что даром уже 8 лет я борюсь с сомнением и страстями. На что я назначен? Это откроет будущность».

*(Л.Н. Толстой. Из дневника, запись
28 августа 1852 г.)*

«Спрашивал себя: зачем я пишу это? Нет ли тут личного желания чего-либо для себя? И уверенно могу ответить, что нет, что если пишу, то только потому, что не могу молчать, считал бы дурным делом молчать, как считал бы дурным не постараться остановить детей, летящих под гору в пропасть или под поезд».

*(Л.Н. Толстой.
Из дневника, 1908 г.)*

«...Идёт работа. Только теперь настоящая работа, только теперь, в 80 лет, начинается жизнь. И это не шутка, если понимать, что жизнь меряется не временем...».

(Л.Н. Толстой. Из дневников, 1908 г.)

«Милостивый государь!

Я прочёл вашу рукопись ("Детство"). Она имеет в себе настолько интереса, что я её напечатаю. Не зная продолжения, не могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе её есть талант. Во всяком случае, направление автора, простота и действительность содержания составляют неотъемлемые достоинства этого произведения. Если в дальнейших частях (как и следует ожидать) будет побольше живости и движения, то это будет хороший роман. Прошу вас прислать мне продолжение. И роман ваш, и талант меня заинтересовали. Ещё я советовал бы вам не прикрываться буквами, а начать печататься прямо со своей фамилией, если только вы не случайный гость в литературе. Жду вашего скорого ответа.

Примите уверение в истинном моём уважении. Н. Некрасов».

(Н.А. Некрасов – Л.Н. Толстому, 28 августа 1852 г.)

«Теперь же дам тебе понятие о том, в каком положении наши дела в Севастополе. Город осаждён с одной стороны, с южной, на которой у нас не было никаких укреплений, когда неприятель подошёл к нему. Теперь у нас на этой стороне более 500 орудий огромного калибра и несколько рядов земляных укреплений, решительно неприступных. Я провёл неделю в крепости и до последнего дня блудил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей. Неприятель уже более трёх недель подошёл в одном месте на 80 сажень и не идёт вперёд; при малейшем движении его вперёд его засыпают градом снарядов.

Дух в войсках выше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо "здорово, ребята!" говорил "нужно умирать, ребята, умрёте?", и войска кричали: "умрём, ваше превосходительство, ура!". И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а взаправду, и уж 22 000 исполнили это обещание.

Раненый солдат, почти умирающий, рассказывал мне, как они брали 24-ю французскую батарею, и их не подкрепили; он плакал навзрыд. Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубки из бомб. Женщины носят воду на бастионы для солдат. Многие убиты и ранены. Священники с крестами ходят на бастионы и под огнём читают молитвы. В одной бригаде, 24-го, было 160 человек, которые раненые не вышли из фронта. Чудное время! Теперь, впрочем, после 24-го, мы поуспокоились, – в Севастополе стало прекрасно. Неприятель почти не стреляет, и все убеждены, что он не возьмёт города, и это действительно невозможно. Есть три предположения: или он пойдёт на приступ, или занимает нас фальшивыми рабо-

тами, или укрепляется, чтобы зимовать. Первое менее, а второе более всего вероятно. Мне не удалось ни одного раза быть в деле; но я благодарю Бога за то, что я видел этих людей и живу в это славное время. Бомбардирование 5 числа остаётся самым блестящим, славным подвигом не только в русской, но во всемирной истории. Более 1 500 орудий два дня действовали по городу и не только не дали сдать ему, но не заставили замолчать и 1/200 наших батарей. Ежели, как мне кажется, в России невыгодно смотрят на эту кампанию, то потомство поставит её выше всех других; не забудь, что мы с равными, даже меньшими силами, с одними штыками и с худшими войсками в русской армии (как 6-й корпус) дерёмся с неприятелем многочисленнейшим и имеющим флот, вооружённым 3 000 орудиями, отлично вооружённым штуцерами, и с лучшими его войсками. Уж я не говорю о преимуществе его генералов.

Только наше войско может стоять и побеждать (мы ещё победим, в этом я убеждён) при таких условиях. Надо видеть пленных французов и англичан (особенно последних): это молодец к молодцу, именно морально и физически, народ brave. Казаки говорят, что даже рубить жалко; и рядом с ними надо видеть нашего какого-нибудь егеря: маленький, вшивый, сморщенный какой-то».

(Л.Н. Толстой – брату С.Н. Толстому, 23 ноября 1852 г.)

«Военная карьера – не моя...»

(Из дневника, март 1855 г.)

«Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любоддеяние всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал, и за всё это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком.

Так я жил десять лет»

(Л.Н. Толстой. Из «Исповеди»)

«Статья Толстого о Севастополе – чудо! Я прослезился, читая её, и кричал: ура! Мне очень лестно желание его посвятить мне свой новый рассказ. Объявление о "Современнике" я прочёл в "Московских ведомостях". Хорошо, дай Бог, чтобы вы могли сдержать ваши обещания, т.е. чтобы проходили статьи, чтобы Толстого не убили и т.д. ...».

(И.С. Тургенев – издателю И.И. Плетнёву, 10 июля 1855 г.)

«Легче написать десять томов философии, чем приложить какое-нибудь одно начало к практике».

*(Л.Н. Толстой.
Из дневников, 1847 г.)*

«Главная цель искусства, если есть искусство и есть у него цель, та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого и искусство. Искусство есть микро-скоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям».

(Л.Н. Толстой.
Из дневника, 1896 г.)

«Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос жены, которая говорит с братом и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть так счастливым».

(Л.Н. Толстой – двоюродной тётке
А.А. Толстой, 28 сентября 1862 г.).

«Счастье семейное поглощает меня всего... Люблю я её, когда ночью или утром я проснусь и вижу – она смотрит на меня и любит. И никто – глав-

ное, я – не мешаю ей любить, как она знает, по-своему. Люблю я, когда она сидит близко ко мне, и мы знаем, что любим друг друга, как можем, и она скажет: Лёвочка, – и остановится, – отчего трубы в камине проведены прямо, или лошади не умирают долго и т.п. Люблю, когда мы долго одни и я говорю: что нам делать? Соня, что нам делать? Она смеётся. Люблю, когда она рассердится на меня и вдруг, в мгновение ока, у ней и мысль и слово иногда резкое: оставь, скучно; через минуту она уже робко улыбается мне. Люблю я, когда она меня не видит и не знает, и я её люблю по-своему. Люблю, когда она девочка в жёлтом платье и выставит нижнюю челюсть и язык, люблю, когда я вижу её голову, закинутую назад, и серьёзное и испуганное, и детское, и страстное лицо, люблю, когда..»

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 5 января 1863 г.).

«Я муж и отец, довольный вполне своим положением и привыкший к нему так, что для того, чтобы почувствовать своё счастье, мне надо подумать о том, что бы было без него. Я не копаюсь в своём положении и в своих чувствах и только чувствую, а не думаю о своих семейных отношениях. Это состояние даёт мне ужасно много умственного простора. Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта – роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени... Взгляд мой на жизнь, на народ и на общество теперь совсем другой, чем тот, который у меня был...».

(Л.Н. Толстой – двоюродной тётке А.А. Толстой, октябрь 1863 г.)

«Я, благодаря Бога, нынешнее лето глуп, как лошадь. Работаю, рублю, копаю, кошу и о противной литературе и литераторах, слава Богу, не думаю».

(Л.Н. Толстой – А.А. Фету, 14 июня 1870 г.)

«Вчера Лёвочка вдруг неожиданно начал писать роман из современной жизни. Сюжет романа – неверная жена и вся драма, происшедшая от этого».

*(С.А. Толстая. Из дневника,
20 марта 1873 г.)*

«Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех её проявлениях».

*(Л.Н. Толстой – писателю
П.Д. Боборыкину, 1865 г.)*

«Сегодня Григорович сообщил, что Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошёл и даже, может быть, совсем сошёл».

(Ф.М. Достоевский – жене, май 1880 г., накануне Пушкинского праздника, на который Толстой ехать отказался)

«Пункт помешательства в том, что больной считает возможным изменить жизнь других людей словом. Признаки общие: недовольство всем существующим порядком, осуждение всех, кроме себя, и раздражительная многоречивость без обращения внимания на слушателей... Признаки частные: занятие несвоиственными и ненужными работами: чищение и шитьё сапог, кошение травы и т.п. Лечение: полное равнодушие всех окружающих к его речам, занятия такого рода, которые бы поглощали силы больного».

(Л.Н. Толстой, «Скорбный лист душевнобольных яснополянского госпиталя», 1884 г. Так Толстой в шуточной форме рассказал о том, что, по его мнению, думали о нём другие)

«Много и часто думаю эти дни, молясь о том, что думал сотни, тысячи раз, но иначе, именно: что мне хочется так-то именно, распространением его истины не словом, но делом, жертвой, примером жертвы служить Богу; и не выходит. Он не велит. Вместо этого я живу, пришитый к юбкам жены, подчиняясь ей и ведя сам и со всеми детьми грязную подлую жизнь, которую лживо оправдываю тем, что я не могу нарушить любви. Вместо жертвы, примера победительного, скверная, подлая, фарисейская, отталкивающая от учения Христа жизнь».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 17 июня 1890 г.)

«Я теперь испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость своей прежней жизни, и воспоминания эти не оставляют меня и отравляют жизнь. Обыкновенно жалеют о том, что личность не удерживает воспоминания после смерти. Какое счастье, что этого нет! Какое бы было мученье, если бы я в этой жизни помнил всё дурное, мучительное для совести, что я совершил в предшествующей жизни! А если помнить хорошее, то надо помнить и всё дурное. Какое счастье, что воспоминание исчезает со смертью и остаётся одно сознание, – сознание, которое представляет как бы общий вывод из хорошего и дурного, как бы сложное уравнение,

сведённое к самому простому его выражению: x = положительной или отрицательной, большой или малой величине!

Да, великое счастье – уничтожение воспоминания; с ним нельзя бы жить радостно. Теперь же, с уничтожением воспоминаний, мы вступаем в жизнь с чистой, белой страницей, на которой можно писать вновь хорошее и дурное».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 6 января 1903 г.)

«Нельзя так жить. Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду.

Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне её, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своём старом горле намыленную петлю».

(Л.Н. Толстой. Из статьи «Не могу молчать»)

«Я вчера получил письмо, в котором пишут, что все православные люди будут оскорблены этим чествованием [празднованием 80-летия писателя. – *Авт.*]. Я никогда не думал про это, но то, что мне пишут, совершенно справедливо. Не у одних этих, а у многих других людей чествование вызовет недоброе чувство ко мне. И это для меня самое больное. Те, кто любит меня (я знаю их, и они меня знают), для тех не нужно никаких внешних форм для выражения их чувств. Так вот моя великая просьба. Сделайте, что можете, чтоб отменить этот юбилей и освободить меня. Навеки вам буду очень, очень благодарен».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 21 марта 1908 г.)

«Как на ней [жене. – *Авт.*] видно весь ужас телолобия, себялюбия, доведённого до потери обязательности духовной. Ужасно и для других, и для неё. Жалеть надо. Попытаюсь получше написать – говорить нельзя. Это о ней. А о себе забываю. Я плох, очень плох. Не мог вчера не думать о себе, об отвратительном себе. Да, я – тело – это такой отвратительный нужник – только сними, приоткрой крышу духовности, и смрад и мерзость.

Постараюсь нынче жить для души».

*(Л.Н. Толстой. Из тайного дневника (для одного себя),
14 июля 1908 г.)*

«Верю, что то, что живит весь мир, то невидимое, неосязаемое, но одно истинно существующее есть во мне и живёт в самом себе. Хочу соединиться с ним во всех проявлениях его и знаю, что соединение это даётся любовью. Любовь же даёт высшее благо. Ме-

шают этому благу грехи тела, грехи ума, грехи веры. Грехи тела: объедение, ленность, половая похоть, недоброжелательство к людям и живым существам. Грехи ума, соблазны: гордость, тщеславие, неравенство, богатство, желание возмездия. Грехи веры, суеверия: суеверие возможности для блага их устроения людей насилем, суеверие различия государств и народов, суеверие ложного закона Бога, суеверие ложной науки.

Помоги мне, Бог в себе и Бог во мне, своим усилием и мысли, и дела освободиться от этих грехов».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 23 августа 1908 г.)

«После обеда *начались упрёки*, что я кричал на неё, что мне бы надо пожалеть её. Я молчал. Она ушла к себе, и теперь 11-й час, она не выходит, и мне тяжело. *От Черткова письмо с упрёками и обличениями*. Они разрывают меня на части. Иногда думается: *уйти ото всех*».

(Л.Н. Толстой. Из дневника, 24 сентября 1908 г.)

«Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять бросать; и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость».

*(Л.Н. Толстой – двоюродной тётке
А.А. Толстой, 1857 г.)*



1. Найдите запись, сделанную в день рождения Толстого. О чём она? Какую запись в дневнике сделали бы вы в свой день рождения?
2. Какой из этапов жизни Толстого был самым творческим и почему?
3. Попробуйте объяснить, почему особое внимание в биографических материалах отдано 2-му и 4-му этапу жизни Толстого.
4. Из всех уроков, преподанных Толстым нерадивому человечеству, самым востребованным в наши дни можно считать поучительнейший урок сознательного самоограничения. Найдите примеры такого самоограничения в жизни самого Толстого.
5. Известно, что Толстой на протяжении всей жизни занимался проблемой «круга чтения». Всего в список рекомендованных им для нравственного человека книг он включил 35 произведений. Не менее интересны его оценки книг, прочитанных на разных этапах жизни. Вот список книг, особенно повлиявших на Толстого в период его юности:



Название произведений	Степень влияния
<i>Евангелие Матфея</i> . Нагорная проповедь	Огромное
<i>Стерн</i> . «Сентиментальное путешествие»	Очень большое
<i>Руссо</i> . «Исповедь», «Эмиль»,	Огромное
<i>Руссо</i> . «Новая Элоиза»	Очень большое
<i>Пушкин</i> . «Евгений Онегин»	Очень большое
<i>Шиллер</i> . «Разбойники»	Очень большое
<i>Гоголь</i> . «Шинель»,	
«Невский проспект», «Вий»,	Большое
«Мёртвые души»	Очень большое
<i>Тургенев</i> . «Записки охотника»	Очень большое
<i>Дружинин</i> . «Полинька Сакс»	Очень большое
<i>Григорович</i> . «Антон-Горемыка»	Очень большое
<i>Диккенс</i> . «Давид Копперфильд»	Огромное
<i>Лермонтов</i> . «Герой нашего времени»,	
«Тамань»	Очень большое
<i>Прескотт</i> . «Завоевание Мексики»	Большое

- Что из этого списка прочитано вами? Как бы вы оценили степень влияния прочитанного?

6. На протяжении всей жизни Толстой окружал себя частоколом правил (от правил жизни вообще до правил игры в карты), строил долговременные программы, строго следил за их выполнением, карал себя за ошибки и отступления.

Найдите в биографических материалах правила жизни, сформулированные Толстым для себя, и прокомментируйте их.

7. Сопоставьте правила Толстого с «Шестью "заповедями"» Иосифа Бродского выпускникам Мичиганского университета 1988 года:

1. И сейчас, и в грядущем – я думаю, это окупится – следите за точностью своего языка. Постарайтесь строить свой словарь и обращаться с ним так же, как вы обращаетесь со своей чековой книжкой...

2. И сейчас, и в грядущем постарайтесь по-доброму относиться к родителям... Не бунтуйте против них, ибо, по всей вероятности, они умрут раньше вас, и таким образом вы избавите себя если не от горя, то от чувства вины...

3. Не слишком полагайтесь на политиков – не потому, что они глупы или бесчестны, хотя чаще бывает именно так, а не иначе, но потому, что масштабы их задач слишком велики даже для лучших из них...

4. Старайтесь не вылезать вперёд, старайтесь быть скромными.

5. Любой ценой старайтесь избегать признания за собой статуса жертвы... в тот момент, когда вы начинаете винить

кого-то другого, вы подрываете свою способность что-то изменить <...>

6. У мира, в который вы вступаете, дурная репутация. Географически он приятнее, нежели исторически, визуально привлекательнее, нежели социально. Сильно сомневаюсь, что он станет симпатичнее к моменту, когда вы его покинете. Но это единственный мир, у нас имеющийся: альтернативы не существует, а если бы таковая и имелась, нет никакой гарантии, что она была бы намного лучше наличного... Старайтесь не обращать внимания на тех, кто будет стараться делать вашу жизнь непереносимой. А таких будет много – и официально назначенных, и добровольцев. Если их нельзя избежать, претерпите, но как можно скорее забудьте о них <...>

- Какие из правил вам ближе? Что общего между этими правилами?
- Какие из правил вы бы отнесли к законам нравственной жизни?
- Составьте перечень вечных (вневременных) правил жизни. К каким источникам вы обратитесь в случае необходимости?

8. Расскажите о личности Толстого, опираясь на материалы его биографии.

9. Напишите эссе на тему «Что такое моя личность».

10. На последнем этапе жизни Толстой пытался на практике следовать своей теории: любить и прощать всех, не противиться злу насилием, быть простым в быту, максимально приблизиться к народу и пр.

Найдите в дневниковых записях свидетельства того, как нелегко было писателю следовать своей теории.

11. Подготовьте сообщение на одну из тем «Ясная Поляна в жизни Толстого», «Достоевский и Толстой в Оптиной пустыни».

Б

1. Толстой неоднократно приступал к написанию своей биографии: «Я стал в воображении составлять свою биографию. Сначала я незаметно для себя самым естественным образом стал вспоминать только одно хорошее моей жизни, только, как тени на картине, присоединяя к этому хорошему мрачные, дурные стороны, поступки моей жизни. Но, вдумываясь более серьёзно в события моей жизни, я увидел, что такая биография была бы хотя и не прямая ложь, но ложь вследствие неверного освещения и выставления хорошего и умолчания или сглаживания всего дурного. Когда же я подумал о том, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся перед



тем впечатлением, которое должна бы была произвести такая биография».

Что эти размышления говорят о личности писателя?

2. Толстой нашёл созвучие своим мыслям в стихотворении Пушкина «Воспоминание»:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогна града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, –
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья.
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечные грызенья,
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Единственное, что захотелось изменить Толстому в пушкинских строчках, – вместо «строк печальных...» поставить «строк постыдных не смываю».

Какие мысли и чувства объединяют стихотворение Пушкина и размышление Толстого? О чём говорит замена одного эпитета, желательная для Толстого?

3. Проведите исследование на тему «Толстые в русской истории и культуре».

Включите в перечень известных однофамильцев Льва Толстого, его современников, установите степень родства, связи между ними.

Для начала работы воспользуйтесь следующей информацией:

Троюродным братом Льву Николаевичу приходился отец поэта Алексея Константиновича Толстого – Константин Петрович Толстой. В свою очередь у К.П. Толстого был родной брат, известный художник Фёдор Петрович Толстой.

Известный реформатор Дмитрий Андреевич Толстой принадлежал к более дальней родне Льва Николаевича. Он происходил от их общего предка Ивана Петровича Толстого, сына первого графа Толстого, Петра Андреевича, умершего с ним вместе в ссылке, в Соловецком монастыре.

Ещё один известный родственник Л.Н. Толстого – двоюродный дядя Фёдор Толстой, прозванный «американцем» и известный своими эксцентрическими авантюрами. В комедии Грибоедова «Горе от ума» есть намёк на него: «в Кам-



чатку сослан был, вернулся алеутом». Лев Николаевич говорит о нём в воспоминаниях о своём детстве. Личность его послужила Толстому отчасти материалом для создания образа Долохова в «Войне и мире».

4. Прочитайте в Приложении отрывки из трагедии Шекспира «Гамлет» (сцена 3), «Открытое письмо молодому человеку о науке жить» писателя Андре Моруа. Вспомните правила жизни, сформулированные А.П. Чеховым в письме к брату (см. учебник для 10-го класса).

Что объединяет такие разные тексты?

5. Составьте «Правила моей жизни». Возьмёте ли вы что-либо из правил Толстого?

6. Подготовьте сообщение на тему «Философия толстовства».

Литература и иные источники

1. Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого: в 2 т. – М., 2000.
2. Лакшин В.Я. Толстой и Чехов. – М., 1975.
3. Ломунов К.Н. Лев Толстой: Очерк жизни и творчества – М., 1984.
4. Лев Толстой. Я верю. – М., 1990.
5. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. – Л., 1974.
6. Маймин Е.А. Лев Толстой. – М., 1984.
7. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich
8. <http://tolstoy.biografy.ru>
9. <http://ilibrary.ru/author/tolstoy>
10. <http://www.yasnayapolyana.ru>
11. <http://www.levtolstoy-knigi.ru>

Роман «Война и мир» поднял на новый уровень искусство русской и мировой романистики. По прочтении книги И.А. Гончаров написал И.С. Тургеневу: «Он, т.е. граф, сделался настоящим львом литературы». Восторженно отзывались о «Войне и мире» Г. Флобер, Ги де Мопассан, Дж. Голсуорси и другие зарубежные писатели.

Важнейшим свойством идейного мира Толстого была сложность. По богатству проблем содержания творчество Толстого уникально.

Роман-эпопея Толстого «Война и мир» – великолепное тому доказательство. Это одно из самых густонаселённых произведений русской литературы, на полутора тысячах страниц которого появляется более пятисот персонажей: полководцы и солдаты, дворяне и крестьяне, праведники и грешники, смельчаки и трусы, патриоты и предатели...

Раздел о народной душе, о русском характере мы не случайно завершаем творчеством Толстого. Всё лучшее в героях Достоевского, Лескова, Платонова, Шаламова: стремление идти до конца в поисках истины и смысла жизни, готовность к самоотречению, жертвенность, смирение и бунтарство, свободолюбие, наивность и чистота души, вера в святые идеалы – всё это мы найдём на страницах романа Толстого.

Перед Толстым стояла реальная проблема: как организовать, как построить столь грандиозное целое? Найденное Толстым решение оказалось настолько простым и изящным, что потом стало всеобщим достоянием, многократно использовалось в больших произведениях эпического типа – от М. Шолохова до А. Солженицына.

Решение это гениально по своей простоте: всех без исключения персонажей Толстой изображает с «человеческой», психологической стороны. Всех – и реально живших, и придуманных, и исторических деятелей, и обычного мужика – Толстой судит обычным человеческим судом и тем самым борется с устоявшимися традициями исторической прозы: «Для историка, в смысле содействия, оказанного лицом какой-либо одной цели, есть *герои*, для художника, в смысле ответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди» («Несколько слов по поводу книги "Война и мир"»).

Главное открытие Толстого, найденное им для психологического изображения героев, – любимая диалектика души. Диалектика души, тщательнейший показ духовного развития героя – вот основной принцип художественного изображения героев (людей) в романе. Однако этот принцип Толстой применяет только к главным, любимым героям, изображая их развитие в пределах романного мира. Характеры же второстепенных персонажей романист показывает тоже в противоречиях, но не в развитии. Они всё время равны самим себе, для них, скорее, характерна диалектика поведения, но не диалектика души.

Конечно, Толстой не был первым русским писателем, проявившим интерес к душевной и духовной жизни своих героев, их психологии. Вспомним Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского. Но уникальность великих писателей состоит как раз в том, что общие задачи каждый из них решал по-своему.

Так, по наблюдению исследователя Е. Соловьёва, «Достоевский совсем не был мастером в детальной живописи. Он не мог так возиться, так разглядывать, так разрезать по частям своих героев, как Толстой». Зато Достоевский мог страстно, нервно «жить с ними, страдать с ними, мучиться и волноваться».

Как никто другой, умел вырисовывать своих героев Тургенев.

Толстой же стоит перед нами, «вперив свой испытующий гениальный взгляд в самую глубину души человеческой, творя суд над правым и неправым с медлительностью всё испытавшего и всё постигшего гения».

Ваш Н.А. Рождественский

Читаем и обсуждаем роман «Война и мир»

Работа с текстом до чтения

1. В какой период своей жизни Толстой работал над романом? Что к началу работы над «Войной и миром» уже случилось во внешней и внутренней жизни Толстого? Найдите соответствующую информацию в биографических материалах.

Проверьте себя. Познакомьтесь с рассказом Толстого о своём замысле: «Итак, от 1856 года возвратившись к 1805 году, я с этого времени намерен провести уже не одного, а многих моих героинь и героев через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825 и 1856 годов».

2. Наиболее подробно Толстой рассказал о своём замысле в наброске предисловия к роману: «В 1856 году я начал писать повесть с известным направлением, героем которой должен быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию. Невольно от настоящего я перешёл к 1825 году, эпохе заблуждений и несчастий моего героя, и оставил начатое. Но и в 1825 году герой мой был уже возмужалым человеком. Чтобы понять его, мне нужно было перенестись к его молодости, и молодость его совпадала со славной для России эпохой 1812 года. Я другой раз бросил начатое и стал писать со времени 1812 года, которого ещё запах и звук слышны и милы нам, но которое уже настолько отделено от нас, что мы можем думать о нём спокойно. Но и в третий раз я оставил начатое... <...> В третий раз я вернулся назад по чувству, которое, может быть, покажется странным большинству читателей, но которое, надеюсь, поймут именно те, мнением которых я дорожу: я сделал это по чувству, похожему на застенчивость и которое не могу определить одним словом. Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе. Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться ещё ярче в эпоху неудач и поражений».

Расскажите, как и почему определились хронологические границы сюжета книги.

3. Сохранились тысячи листов рукописей романа. С самого начала в основе «Войны и мира» лежал большой исторический замысел. Книга была задумана не

«Составить истинную правдивую историю Европы нынешнего века – вот цель на всю жизнь».

(Л.Н. Толстой.
Из дневника, 1852 г.)

«Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нём главную, основную мысль. Так... в "Войне и мире" я любил мысль народную».

(С.А. Толстая. Из дневника)

как цикл из нескольких семейных хроник, а как «художественная история народа».

Как вы понимаете выражение «художественная история народа»?

4. Роман выпускался по мере завершения работы, и поэтому первые читатели знакомились с ним постепенно.

Найдите на полях учебника высказывания о «Войне и мире», принадлежащие И.С. Тургеневу. Проследите, как менялся характер этих высказываний по мере работы Толстого над романом.

О чём говорит такое изменение?

5. Первая часть «Войны и мира» была напечатана в «Русском вестнике» в 1865 г. Тогда роман носил название «1805 год».

В мае 1866 г. в письме к Фету Толстой сообщает, что собирается окончить роман «к 1867 г. и напечатать весь <...> и под заглавием "Всё хорошо, что хорошо кончается"».

Были и другие варианты названия: «С 1805 по 1814 год», «Три поры».

Прокомментируйте каждое название. Какое из них можно назвать шекспировским? Поясните, как в названиях отражается изменение авторского замысла.

6. Проанализируйте окончательный вариант названия романа. Учтите, что

- союз **и** в названии романа выполняет и противительную, и соединительную функции;
- слово **мир** в заглавии может быть истолковано по-разному, в зависимости от написания по орфографии XIX века: **миръ** как общность людей, **мир** как антитеза войны;
- принцип контраста носит в романе всеохватный характер.

Работа с текстом во время чтения

1. Готовимся к чтению. Особенности композиции и сюжета романа.

Главный сюжет «Войны и мира» – исторический.

• Расскажите, опираясь на авторский замысел, о реальных исторических событиях, лёгших в основу сюжета романа.

• Соберите дополнительную информацию о событиях 1805 и 1812 годов. Что их выделяет из общей череды исторических событий?

Композиция романа строится на чередовании картин военной и мирной жизни. В основном действие сосредоточено в Петербурге, в Москве, в деревне, на театре военных действий.

Своеобразная экспозиция романа – картина вечера в салоне Анны Павловны Шерер.

• Перечитайте сцену (фрагменты). Комментируйте прочитанное,

обращайте внимание на подчёркнутые слова и выражения. Ведите диалог с автором (?).

I

– Eh bien, mon prince. Gênes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous prévien, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) – je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus мой верный раб, comme vous dites¹. ...Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur², садитесь и рассказывайте.

Так говорила в июле 1805 года известная Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближённая императрицы Марии Феодоровны, встречая важного и чиновного князя Василия, первого приехавшего на её вечер. Анна Павловна кашляла несколько дней, у неё был грипп, как она говорила (грипп был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими). В записочках, разосланных утром с красным лакеем, было написано без различия во всех (?).

«Si vous n'avez rien de mieux à faire, Monsieur le comte (или mon prince), et si la perspective de passer la soirée chez une pauvre malade ne vous effray pas trop, je serai charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures. Annette Scherer».³

– Dieu, quelle virulente sortie⁴ – отвечал, нисколько не смутясь такою встречей, вошедший князь, в придворном, шитом мундире, в чулках, башмаках и звёздах, с светлым выражением плоского лица.

Он говорил на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, но и думали наши деды, и с теми тихими, покровительственными интонациями, которые свойственны состаревшемуся в свете и при дворе значительному человеку. Он подошёл к Анне Павловне, поцеловал её руку, подставив ей свою надушенную и сияющую лысину, и покойно уселся на диване.

– Avant tout dites moi, comment vous allez, chère amie?⁵ Успокойте меня, – сказал он, не изменяя голоса и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка.

«Я описываю события и чувства людей, которых никогда не было».

(Л.Н. Толстой – двоюродной тётке А.А. Толстой, 18 января 1865 г.)

¹ Ну, что, князь, Генуя и Лукка стали не больше, как поместьями фамилии Бонапарте. Нет, я вас предупреждаю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы ещё позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого Антихриста (право, я верю, что он Антихрист) – я вас больше не знаю, вы уж не друг мой, вы уж не мой верный раб, как вы говорите (*франц.*).

² Я вижу, что я вас пугаю.

³ Если у вас, граф (или князь), нет в виду ничего лучшего и если перспектива вечера у бедной больной не слишком вас пугает, то я буду очень рада видеть вас нынче у себя между семью и десятью часами. Анна Шерер.

⁴ Господи, какое горячее нападение!

⁵ Прежде всего скажите, как ваше здоровье, милый друг?

«Андрей Болконский – никто, как и всякое лицо романиста...».

(Л.Н. Толстой –
Л.И. Волконской, 3 мая 1865 г.)

«В настоящее время перечитываю "Войну и мир". Вот это пища для всех времён, для всех людей».

(Французский
писатель Р. Роман)

– Как можно быть здоровой... когда нравственно страдаешь? (?) Разве можно, имея чувство, оставаться спокойною в наше время? – сказала Анна Павловна. – Вы весь вечер у меня, надеюсь?

– А праздник английского посланника? Нынче среда. Мне надо показаться там, – сказал князь. – Дочь заедет за мной и повезёт меня.

– Я думала, что нынешний праздник отменён. Je vous avoue que toutes

ces fêtes et tous ces feux d'artifice commencent à devenir insipides.¹

– Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздник бы отменили, – сказал князь, по привычке, как заведённые часы, говоря вещи, которым он и не хотел, чтобы верили.

– Ne me tourmentez pas. Eh bien, qu'a-t-on décidé par rapport à la dépêche de Novosilzoff? Vous savez tout.²

– Как вам сказать? – сказал князь холодным, скучающим тоном. – Qu'a-t-on décidé? On a décidé que Buonaparte a brûlé ses vaisseaux, et je crois que nous sommes en train de brûler les notres.³ – Князь Василий говорил всегда лениво, как актёр говорит роль старой пьесы. Анна Павловна Шерер, напротив, несмотря на свои сорок лет, была преисполнена оживления и порывов.

Быть энтузиасткой сделалось её общественным положением, и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших её, делалась энтузиасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Анны Павловны, хотя и не шла к её отжившим чертам, выражала, как у избалованных детей, постоянное сознание своего милого недостатка, от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться.
<...>

II

Гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Приехала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастам и характерам, но одинаковые по обществу, в каком все жили; приехала дочь князя Василия, красавица Элен, захавшая за отцом, чтобы с ним вместе ехать на праздник посланника. Она была в шифре и бальном платье. Приехала и известная, как la femme la plus séduisante de Pétersbourg⁴, молодая, маленькая княгиня Болконская, прошлую зиму вышедшая замуж и теперь не выезжавшая в *большой свет* по причине своей бе-

¹ Признаюсь, все эти праздники и фейерверки становятся несносны.

² Не мучьте меня. Ну, что же решили по случаю депеши Новосильцева? Вы всё знаете.

³ Что решили? Решили, что Бонапарте сжёт свои корабли; и мы тоже, кажется, готовы сжечь наши.

⁴ Самая обворожительная женщина в Петербурге.

ременности, но ездившая ещё на небольшие вечера. <...>

Вскоре после маленькой княгини вошёл массивный, толстый молодой человек с стриженою головой, в очках, светлых панталонах по тогдашней моде, с высоким жабо и в коричневом фраке. Этот толстый молодой человек был незаконный сын знаменитого екатерининского вельможи, графа Безухова, умиравшего теперь в Москве. Он нигде не служил ещё, только что приехал из-за границы, где он воспитывался, и был первый раз в обществе. Анна Павловна приветствовала его поклоном, относящимся к людям самой низшей иерархии в её салоне. Но, несмотря на это низшее по своему сорту приветствие, при виде вошедшего Пьера в лице Анны Павловны изобразилось беспокойство и страх(?), подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и несвойственного месту. Хотя действительно Пьер был несколько больше других мужчин в комнате, но этот страх мог относиться только к тому умному и вместе робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной.

– C'est bien aimable à vous, monsieur Pierre, d'être venu voir une pauvre malade¹, – сказала ему Анна Павловна, испуганно переглядываясь с тётушкой, к которой она подводила его. Пьер пробурлил что-то непонятное и продолжал отыскивать что-то глазами. Он радостно, весело улыбнулся, кланяясь маленькой княгине, как близкой знакомой, и подошёл к тётушке. Страх Анны Павловны был не напрасен, потому что Пьер, не дослушав речи тётушки о здоровье её величества, отошёл от неё. Анна Павловна испуганно остановила его словами:

– Вы не знаете аббата Морио? Он очень интересный человек... – сказала она.

– Да, я слышал про его план вечного мира, и это очень интересно, но едва ли возможно...

– Вы думаете?... – сказала Анна Павловна, чтобы сказать что-нибудь и вновь обратиться к своим занятиям хозяйки дома, но Пьер сделал обратную неучтивость. Прежде он, не дослушав слов собеседницы, ушёл; теперь он остановил своим разговором собеседницу, которой нужно было от него уйти. Он, нагнув голову и расставив большие ноги, стал доказывать Анне Павловне, почему он полагал, что план аббата был химера.

– Мы после поговорим, – сказала Анна Павловна, улыбаясь.

И, отделившись от молодого человека, не умеющего жить(?), она возвратилась к своим занятиям хозяйки дома и продолжала

«Вершиной антипушкинского начала в русской прозе можно считать Л.Н. Толстого. И по своим художественным принципам, и по своей претенциозной личной жизни моралиста и советчика... Русские писатели-гуманисты второй половины XIX века несут на душе великий грех человеческой крови, пролитой под их знаменем в XX веке. Все террористы были толстовцы и вегетарианцы, все фанатики – ученики русских гуманистов. Этот грех им не замолить».

(В.Т. Шаламов)

¹ Очень мило с вашей стороны, месье Пьер, что вы приехали навестить бедную больную.

«Сам роман возбудил во мне весьма живой интерес: есть целые десятки страниц сплошь удивительных, первоклассных – всё бытовое, описательное (охота, катанье ночью и т.д.); но историческая прибавка, от которой читатели в восторге, кукольная комедия и шарлатанство...<...> Толстой поражает читателя носком сапога Александра, смехом Сперанского, заставляя думать, что он всё об этом знает, коли до этих мелочей дошёл, а он и знает только эти мелочи...».

(И.С. Тургенев – критику П.В. Анненкову, февраль 1868 г.)

прислушиваться и приглядываться, готовая подать помощь на тот пункт, где ослабевал разговор. Как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, то ропливо идёт, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, – так и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную,

приличную разговорную машину. Но среди этих забот всё виден был в ней особенный страх за Пьера(?). Она заботливо поглядывала на него в то время, как он подошёл послушать то, что говорилось около Мортемара, и отошёл к другому кружку, где говорил аббат. Для Пьера, воспитанного за границей, этот вечер Анны Павловны был первый, который он видел в России. Он знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга, и у него, как у ребёнка в игрушечной лавке, разбежались глаза(?). Он всё боялся пропустить умные разговоры, которые он может услышать. Глядя на уверенные и изящные выражения лиц, собранных здесь, он всё ждал чего-нибудь особенно умного. Наконец, он подошёл к Марио. Разговор показался ему интересен, и он остановился, ожидая случая высказать свои мысли, как это любят молодые люди.

III

Вечер Анны Павловны был пущен. Веретёна с разных сторон равномерно и не умолкая шумели. Кроме ma tante, около которой сидела только одна пожилая дама с исплаканным, худым лицом, несколько чужая в этом блестящем обществе, общество разбилось на три кружка. В одном, более мужском, центром был аббат; в другом, молодом, красавица-княжна Элен, дочь князя Василия, и хорошенькая, румяная, слишком полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская. В третьем Мортемар и Анна Павловна.

Виконт был миловидный, с мягкими чертами и приёмами, молодой человек, очевидно считавший себя знаменитостью, но, по благовоспитанности, скромно предоставлявший пользоваться собой тому обществу, в котором он находился. Анна Павловна, очевидно, угощала им своих гостей. Как хороший метрдотель подаёт как нечто сверхъестественно-прекрасное тот кусок говядины, который есть не захочется, если увидеть его в грязной кухне, так в нынешний вечер Анна Павловна сервировала своим гостям сначала виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно-

утончённое. В кружке Мортемара заговорили тотчас об убиении герцога Энгийенского. <...>

Виконт оценил эту молчаливую похвалу и, благодарно улыбнувшись, стал продолжать; но в это время Анна Павловна, всё поглядывавшая на страшного для неё молодого человека, заметила, что он что-то слишком горячо и громко говорит с аббатом, и поспешила на помощь к опасному месту. Действительно, Пьеру удалось завязать с аббатом разговор о политическом равновесии, и аббат, видимо заинтересованный простодушной горячностью молодого человека, развивал перед ним свою любимую идею. Оба слишком оживлённо и естественно слушали и говорили, и это-то не понравилось Анне Павловне.

– Средство – европейское равновесие и *droit des gens*¹, – говорил аббат. – Стоит одному могущественному государству, как Россия, прославленному за варварство, стать бескорыстно во главе союза, имеющего целью равновесие Европы, – и она спасёт мир!

– Как же вы найдёте такое равновесие? – начал было Пьер; но в это время подошла Анна Павловна и, строго взглянув на Пьера, спросила итальянца о том, как он переносит здешний климат. Лицо итальянца вдруг изменилось и приняло оскорбительно притворно-сладкое выражение, которое, видимо, было привычно ему в разговоре с женщинами.

– Я так очарован прелестями ума и образования общества, в особенности женского, в которое я имел счастье быть принят, что не успел ещё подумать о климате, – сказал он.

Не выпуская уже аббата и Пьера, Анна Павловна для удобства наблюдения присоединила их к общему кружку.

В это время в гостиную вошло новое лицо. Новое лицо это был молодой князь Андрей Болконский, муж маленькой княгини. Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определёнными и сухими чертами. Всё в его фигуре, начиная от усталого, скучающего взгляда до тихого мерного шага, представляло самую резкую противоположность с его маленькою, оживлённою женой. Ему, видимо, все бывшие в гостинной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно. Из всех же прискучивших ему лиц, лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело(?). С гримасой, портившею его красивое лицо, он отвернулся от неё. Он поцеловал руку Анны Павловны и, щурясь, оглядел всё общество.

– *Vous vous enrôlez pour la guerre, mon prince?*² – сказала Анна Павловна.

«Война и мир» – самый великий роман, который был написан во все века».

(Колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес, 1979)

¹ Народное право.

² Вы собираетесь на войну, князь?

«К истинному своему огорчению, я должен признаться, что роман этот мне кажется положительно плох, скучен и неудачен. Толстой зашёл не в свой монастырь – и все его недостатки так и выпятились наружу. Все эти маленькие штучки, хитро подмеченные и вычурно высказанные, мелкие психологические замечания, которые он, под предлогом "правды", выковыривает из-под мышек и других тёмных мест своих героев, – как это всё мизерно на широком полотне исторического романа!».

(И.С. Тургенев. 1865 г.)

– Le général Koutouzoff, – сказал Болконский, ударяя на последнем слове zoff, как француз, – a bien voulu de moi pour aide-de-camp...¹.

– Et Lise, votre femme?²

– Она поедет в деревню.

– Как вам не грех лишать нас вашей прелестной жены?

– André, – сказала его жена, обращаясь к мужу тем же кокетливым тоном, каким она обращалась к посторонним, – какую историю нам рассказал виконт о mademoiselle Жорж и Бонапарте!

Князь Андрей зажмурился и отвернулся. Пьер, со времени входа князя Андрея в гостиную не спускавший с него радостных, дружелюбных глаз, подошёл к нему и взял его за руку. Князь Андрей, не оглядываясь, сморщил лицо в гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогает его за руку, но, увидав улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно-доброй и приятной улыбкой.

– Вот как!... И ты в большом свете! – сказал он Пьеру.

– Я знал, что вы будете, – отвечал Пьер. – Я приеду к вам ужинать, – прибавил он тихо, чтобы не мешать виконту, который продолжал свой рассказ. – Можно?

– Нет, нельзя, – сказал князь Андрей смеясь, пожатием руки давая знать Пьеру, что этого не нужно спрашивать. Он что-то хотел сказать ещё, но в это время поднялся князь Василий с дочерью, и мужчины встали, чтобы дать им дорогу.

– Вы меня извините, мой милый виконт, – сказал князь Василий француз, ласково притягивая его за рукав вниз к стулу, чтобы он не вставал. – Этот несчастный праздник у посланника лишает меня удовольствия и прерывает вас. Очень мне грустно покидать ваш восхитительный вечер, – сказал он Анне Павловне.

Дочь его, княжна Элен, слегка придерживая складки платья, пошла между стульев, и улыбка сияла ещё светлее на её прекрасном лице. Пьер смотрел почти испуганными, восторженными глазами на эту красавицу, когда она проходила мимо его.

– Очень хороша, – сказал князь Андрей.

– Очень, – сказал Пьер.

Проходя мимо, князь Василий схватил Пьера за руку и обратился к Анне Павловне.

– Образуйте мне этого медведя, – сказал он. – Вот он месяц живёт у меня, и в первый раз я его вижу в свете. Ничто так не нужно молодому человеку, как общество умных женщин.

¹ Генералу Кутузову угодно меня к себе в адъютанты.

² А Лиза, ваша жена?

- Почему Анна Павловна испугалась, увидев входящего Пьера?
- Поясните, как в тексте работает принцип контраста.
- Что позволяет назвать эту сцену прологом и увертюрой к последующим действиям?
- На какие две группы, по-вашему, можно разделить посетителей салона? Кто из них, очевидно, относится к любимым героям автора?

В соответствии с характером самих исторических событий и их роли в сюжете роман отчётливо делится на две большие части. Первые два тома охватывают события 1805–1811 годов и представляют собой широкую историческую экспозицию к повествованию о «грозе 1812 года».

Главное действие эпопеи сосредоточено в III и IV томах, где изображается основной военно-исторический конфликт и охвачено время между летом 1812 и началом 1813 года. Как вы уже знаете, в замысел Толстого входило противопоставление двух войн – 1805–1807 и 1812 годов.

Бородинское сражение (главы XIX–XXXIX 2-й части третьего тома) – кульминация в развитии исторического сюжета и одновременно – центр идейно-художественной структуры «Войны и мира» как романа-эпопеи. Все последующие события войны – вплоть до изгнания французов из отечества – изображены как следствие бородинской победы.

Бородино стало также кульминацией, поворотным пунктом в судьбе главных героев романа – Пьера и князя Андрея.

В эпилоге обрисована историческая ситуация в Европе и в России семь лет спустя после войны. Финал романа, по традиции отечественной литературы, открыт и распахнут в историческое будущее.

2. Готовимся к чтению. Основные исторические события в романе.

Всего двадцать сражений в двух войнах с Наполеоном представлены в романе художественными сценами, некоторые из них даны крупным планом (такие, как Шенграбенское, Аустерлицкое и Смоленское сражения), изображению Бородинской битвы отведена 21 глава романа.

Помимо сражений, в романе изображён ряд других исторических событий и эпизодов (тильзитская встреча Александра I и Наполеона, переход французского войска через Неман и приезд Александра I в Москву, пожар Москвы и убийство Верецагина, партизанская война и т.д. и т.п.). Все эти и многие другие события эпохи не просто называются или упоминаются, а даны в ярких картинах и образах.

- Почему подобное вторжение истории в роман было встречено многими из

«...Это – великое произведение великого писателя, – и это подлинная Россия».

(И. С. Тургенев – редактору французской газеты Э. Абу, 1880 г.)

«Ведь он состоял из Наташи Ростовой и Ерошки, из князя Андрея и Пьера, из старика Болконского и Каратаева, из княжны Марьи и Холстомера...».

(И. Бунин.
«Освобождение Толстого»)

критиков-современников в штыки? Например, П.А. Вяземский, в статье «Эстетика и литературная критика» резко осудивший в «Войне и мире» «переплетение истории и романа», расценил произведение Толстого как «протест против 1812 года, как своего рода сатиру на «всех олимпийцев 1812 года».

• Вспомните известные вам произведения исторической прозы. Какое место в них отводится историческому содержанию? Насколько документален исторический пласт этих произведений?

3. Готовимся к чтению. Система героев романа.

В сложном сюжетно-композиционном строении «Войны и мира» как романа центральное место занимают судьбы и взаимоотношения трёх героев – Андрея Болконского, Наташи Ростовской и Пьера Безухова. Вот почему Толстой говорил об эпизоде увлечения Наташи Ростовской Анатолием Курагиным, что это «самое важное место романа – узел», узел и кульминация романа (подобно тому, как описание Бородинского сражения – узел и кульминационная точка «Войны и мира» как эпопеи).

В общей композиции романа важное место занимают также истории семей Болконских и Ростовых, в которых преломляется сюжет исторический и сюжеты частных судеб.

4. Читаем роман. Духовные искания князя Андрея Болконского.

Вы уже знаете, что своих главных, любимых героев Толстой вёл по пути сложных духовных исканий.

• Проследите начало пути исканий князя Болконского, ориентируйтесь на следующие цитаты-указатели:

1) «...Все бывшие в гостинной не только были знакомы, но уже надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно» (т. I, ч. I, гл. III – Болконский в салоне А.П. Шерер).

2) «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь – не по мне!» (т. I, ч. I, гл. V).

3) «Бонапарте всё-таки великий полководец!» (т. I, ч. I, гл. XXIV).

4) «...счастлив ли я? Нет. Счастлива ли она? Нет. Отчего это? Не знаю...» (т. I, ч. I, гл. XXV – отъезд на войну).

5) «он имел вид человека, ...занятого делом приятным и интересным» (т. I, ч. II, гл. III).

6) «Князь Андрей был один из тех редких офицеров в штабе, который полагал свой главный интерес в общем ходе военного дела» (т. I, ч. II, гл. III)

7) «Я одно понимаю, что всё мерзко, мерзко и мерзко» (т. I, ч. II, гл. XIII).

8) «Князю Андрею было грустно и тяжело. Всё это было так странно, так не похоже на то, чего он надеялся» (т. I, ч. II, гл. XXI).

9) «Ему хотелось высказать Долгорукову свой, составленный им, план атаки» (т. I, ч. III, гл. XI).

10) «Военный совет ...оставил в нём неясное и тревожное впечатление» (т. I, ч. III, гл. XII).

11) «...при этой мысли о смерти целый ряд воспоминаний, самых далёких и самых задушевных, восстал в его воображении» (т. I, ч. III, гл. XII).

- Какие жизненные цели ставит перед собой Болконский в начале пути?
- Почему именно Наполеона он выбрал своим кумиром?
- Какую роль в жизни Наполеона сыграл Тулон?
- О каком Тулоне мечтает Болконский?
- Какие события, факторы мешают князю Андрею двигаться к цели, заставляют задуматься?
- Прочитайте в финале XII главы внутренний диалог Болконского (разговор с самим собой). Почему, несмотря на то что это речь одного героя, мы говорим не о внутреннем монологе, а о внутреннем диалоге? Сколько голосов в нём участвует?

Учтите, что в ряду многих средств психологического анализа (поведение и поступки, сопровождаемые авторским комментарием, данный сквозь призму восприятия героя пейзаж, сны и воспоминания, портрет с лейтмотивными деталями, взгляды, улыбки и жесты) в романе Толстого выделяется по своей особой роли в раскрытии «диалектики души» внутренний диалог, который передаёт смятение чувств и мыслей героев, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях.

Диалог в «Войне и мире» нередко выступает как средство раскрытия «диалектики души». Некоторые из таких внутренних монологов могут быть названы внутренними диалогами: они ведутся между двумя «голосами», за каждым из которых стоит своя правда, и обе они борются в душе героя. Таков спор двух голосов в душе князя Андрея в канун Аустерлицкого сражения, один из которых зовёт его к подвигу и славе, а другой напоминает о смерти и страданиях.

- Как вы думаете, с какой целью Толстой прерывает внутренний диалог Болконского бессмысленной шуткой денщиков?
- Что символизирует туман, проходящий лейтмотивом через всю сцену?
- Какой голос побеждает в сознании Андрея Болконского?

«...Нельзя не сознаться, что с появлением "Войны и мира" Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями».

(И.С. Тургенев, 1868 г.)

• Что же произошло с героем и его сознанием? Что послужило причиной столь резкой метаморфозы?

Ответ на последний вопрос можно найти в сцене Аустерлицкого сражения.

• Прочитайте фрагмент текста. Комментируйте его по ходу чтения.

Князь Андрей простым глазом увидел внизу направо поднимающуюся навстречу апшеронцам густую колонну французов, не дальше пятисот шагов от того места, где стоял Кутузов.

«Вот она, наступила решительная минута! Дошло до меня дело», – подумал князь Андрей и, ударив лошадь, подъехал к Кутузову.

– Надо остановить апшеронцев, – закричал он, – ваше высокопревосходительство!».

Но в тот же миг всё застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и наивно испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: «Ну, братцы, шабаш!» И как будто голос этот был команда. По этому голосу всё бросилось бежать.

Смешанные, всё увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императоров. Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самим не податься назад вместе с толпой. Болконский только старался не отставать от Кутузова и оглядывался, недоумевая и не в силах понять того, что делалось перед ним. Несвицкий с озлобленным видом, красный и на себя непохожий, кричал Кутузову, что ежели он не уедет сейчас, он будет взят в плен наверное. Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки его текла кровь. Князь Андрей протеснился до него.

– Вы ранены? – спросил он, едва удерживая дрожание нижней челюсти.

– Раны не здесь, а вот где! – сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих. – Остановите их! – крикнул он и в то же время, вероятно убедясь, что невозможно было их остановить, ударил лошадь и поехал вправо.

Вновь нахлынувшая толпа бегущих захватила его с собой и повлекла назад.

Войска бежали такой густой толпой, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из неё выбраться. Кто кричал: «Пошёл что замешкался?» Кто тут же, оборачиваясь, стрелял в воздух; кто бил лошадь, на которой ехал сам Кутузов. С величайшим усилием выбравшись из потока толпы влево, Кутузов со свитой, уменьшенной более чем вдвое, поехал на звуки близких оружийных выстрелов. Выбравшись из толпы бегущих, князь Андрей, стараясь не отставать от Кутузова, увидел на спуске горы, в дыму, ещё стрелявшую русскую батарею и подбегающих к ней французов. Пovyше стояла русская пехота, не двигаясь ни вперёд на помощь батарее, ни назад по одному направлению с бегу-

щими. Генерал верхом отделился от этой пехоты и подъехал к Кутузову. Из свиты Кутузова осталось только четыре человека. Все были бледны и молча переглядывались.

– Остановите этих мерзавцев! – задыхаясь, проговорил Кутузов полковому командиру, указывая на бегущих; но в то же мгновение, как будто в наказание за эти слова, как рой птичек, со свистом пролетели пули по полку и свите Кутузова.

Французы атаковали батарею и, увидав Кутузова, выстрелили по нём. С этим залпом полковой командир схватился за ногу; упало несколько солдат, и подпрапорщик, стоявший с знаменем, выпустил его из рук; знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьях соседних солдат. Солдаты без команды стали стрелять.

– О-ох! – с выражением отчаяния промычал Кутузов и оглянулся. – Болконский, – прошептал он дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом. – Болконский, – прошептал он, указывая на расстроенный батальон и на неприятеля, – что ж это?

Но прежде чем он договорил эти слова, князь Андрей, чувствуя слёзы стыда и злобы, подступавшие ему к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

– Ребята, вперёд! – крикнул он детски-пронзительно.

«Вот оно!» – думал князь Андрей, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно, направленных именно против него. Несколько солдат упало.

– Ура! – закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжёлое знамя, и побежал вперёд с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

Действительно, он пробежал один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком «ура!» побежал вперёд и обогнал его. Унтер-офицер батальона, подбежав, взял колебавшееся от тяжести в руках князя Андрея знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять схватил знамя и, влоча его за древко, бежал с батальоном. Впереди себя он видел наших артиллеристов, из которых одни дрались, другие бросали пушки и бежали к нему навстречу; он видел и французских пехотных солдат, которые хватали артиллерийских лошадей и поворачивали пушки. Князь Андрей с батальоном уже был в двадцати шагах от орудий. Он слышал над собою неперестававший свист пуль, и беспрестанно справа и слева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них; он вглядывался только в то, что происходило впереди его – на батарее. Он ясно видел уже одну фигуру рыжего артиллериста с сбитым на бок кивером, тянущего с одной стороны банник, тогда как французский солдат тянул банник¹ к себе за другую сторону. Князь Андрей видел уже ясно растерянное и вместе озлобленное выражение лиц этих двух людей, видимо, не понимавших того, что они делали.

¹ Банник – меховая щётка для чистки пушки внутри.

«Что они делают? – думал князь Андрей, глядя на них. – Зачем не бежит рыжий артиллерист, когда у него нет оружия? Зачем не колет его француз? Не успеет добежать, как француз вспомнит о ружье и заколет его».

Действительно, другой француз, с ружьём наперевес подбежал к борющимся, и участь рыжего артиллериста, все ещё не понимавшего того, что ожидает его, и с торжеством выдернувшего банник, должна была решиться. Но князь Андрей не видал, чем это кончилось. Как бы со всего размаха крепкою палкой кто-то из ближайших солдат, как ему показалось, ударил его в голову. Немного это больно было, а главное, неприятно, потому что боль эта развлекала его и мешала ему видеть то, на что он смотрел.

«Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются», – подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба – высокого неба, не ясного, но всё-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нём серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!...»

- Какая часть речи и почему преобладает при описании сражения?
- Покажите на примерах, как по ходу описания сражения замедляется ритм фразы.
- Как проецируется название романа на эту сцену?
- Почему именно небо использует Толстой, для того чтобы показать духовное обновление героя?
- Что являлось для князя Андрея неосознанной подготовкой к восприятию неба?
- Что называет Болконский пустым, обманом?
- Разочаровавшись в славе как цели жизни, о чём теперь мечтает Болконский?
- Как меняются взгляды раненого Болконского под небом Аустерлица? Какие высокие и вечные ценности, которых не знал прежде, он обретает?

12) встреча Пьера и Андрея (т. II, ч. II, гл. XII).

13) князь Андрей в Богучарове (т. II, ч. III, гл. IX – XIV).

14) встреча князя Андрея и Наташи в Отрадном (т. II, ч. III, гл. II; т. II, ч. III, гл. XIX).

15) Болконский на войне 1812 года (т. III, ч. II, гл. V).

16) Бородинское сражение (т. III, ч. II, гл. XXV, XXXVI, XXXVII).

17) свидание с Кутузовым в Царёве-Займище (т. III, ч. III, гл. XVI).

18) встреча с Наташей в Мытищах (т. IV, ч. I, гл. V III).

19) смерть князя Андрея (т. IV, ч. I, гл. XV– XVI).

- Сделайте общий вывод, как меняются взгляды Болконского? Какой духовный путь он прошёл?

- Известно, что, по первоначальному замыслу, Болконский должен был выжить и пройти путь до принятия идей декабризма. Почему же всё-таки писателю пришлось отказаться от замысла? Почему «по своему положению среди людей, по своей роли в книге Толстого» князь Андрей «должен умереть»?

Учтите, что, по выражению самого Толстого, литературные герои не всегда находятся в воле автора, как правило, вскоре после начала работы над произведением они начинают жить самостоятельной жизнью.

- Как вы понимаете слова Наташи «он слишком хорош» для этого мира?

- Какие собственные жизненные идеалы автор воплощает в образе Андрея Болконского?

5. Читаем роман. Диалектика души Пьера Безухова.

- Проследите путь духовных исканий графа Пьера Безухова по предложенному плану:

1. Начало пути: женитьба на Элен Безуховой, дуэль с Долоховым, разрыв с неверной женой как импульсивные поступки, диктуемые обстоятельствами. Отсутствие осознанных жизненных целей.

2. Путь из Москвы в Петербург, на станции Торжок (т. II, ч. II, гл. I).

Вопросы: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?».

Ответ: «Умрёшь – всё кончится. Умрёшь и всё узнаешь – или перестанешь спрашивать». Но и умереть было страшно».

3. Дорожный разговор с масоном Баздеевым (т. II, ч. II, гл. II).

«В душе его не оставалось ни следа прежних сомнений. Он твёрдо верил в возможность братства людей, соединённых с целью поддерживать друг друга на пути добродетели, и таким представлялось ему масонство».

4. Через 3 года масонства (т. II, ч. V, гл. I).

Вопросы: «К чему? Зачем? Что такое творится на свете?».

Ответы: «На вопросы эти не было ответов, он поспешно старался отвернуться от них...».

5. Фактическое признание Наташе в любви и, так же как у Андрея Болконского при Аустерлице, созерцание высокого – но только ночного – неба (т. II, ч. V, гл. XXII).

6. Бородинское сражение с множеством смертей, исход населения из Москвы, пленение, расстрел, которого он чудом избегает (т. III, ч. II, гл. XXX, т. III, ч. II, гл. XXXIX и др.).

Развитие чувств Пьера: «чувство необходимости предпринять что-то и пожертвовать чем-то», «понял теперь весь смысл и всё значение этой войны и предстоящего сражения».

Пьер на войне: «мне интересно», «замер от восхищенья перед красотой зрелища», «солдаты... приняли Пьера в свою семью», «страшный вид поля сражения», «...довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь, что вы делаете?».

Описание Бородинского сражения – один из ключевых эпизодов романа.

Эпизоды романа критики называют сценическими. Они состоят из сценического диалога (или ряда диалогов и сцен) и авторских ремарок, перерастающих нередко в повествовательные отступления.

Такой эпизод представляет собой некоторое сюжетно-тематическое единство и является этапом в развитии сюжета, ограничен временем и местом и является чётко обозначенным моментом действия. Чаще всего он включает в себя ряд небольших сцен, состоит из одной или нескольких глав.

7. Новый идеал Пьера в лице Платона Каратаева (т. IV, ч. I, гл. XIII).

Каратаев, «олицетворение всего доброго, русского, круглого», становится для Пьера новым учителем жизни.

7. Благодаря Каратаеву, новое понимание смысла жизни (т. IV, ч. IV, гл. XII).

«Прежде разрушавший все его умственные постройки страшный вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос – зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, тот Бог, без воли которого не спадёт волос с головы человека».

8. Эпилог (эпилог, ч. I, гл. XIV).

Новый круг исканий героя, связанный с обращением к общественным проблемам: «Когда вы стоите и ждёте, что вот-вот лопнет эта натянутая струна; когда все ждут неминуемого переворота, – надо как можно теснее и больше народа взяться рука с рукой, чтобы противостоять общей катастрофе».

- Расскажите, как меняется мировоззрение Пьера Безухова на разных этапах его духовного пути: юношеские легкомыслие и вольномыслие – масонство – увлечение Каратаевым – вступление в тайное общество.

- Что можно назвать постоянной жизненной целью Безухова?

6. Читаем роман. Любимая героиня Толстого.

- Проследите жизненный путь Наташи Ростовой по предложенному плану. Почему именно она стала любимой героиней автора?

1) Наташа на именинах (т. I, ч. I, гл. VII – X, XV – XVII).

- О чём говорит тот факт, что Наташа на замечание старой графини после танца с Пьером покраснела и рассмеялась?
- В чём, по-вашему, прелесть героини и её обаяние?
- Чем она отличается от всех окружающих?
- Докажите, что автор любит свою героиню.

2) Встреча князя Андрея и Наташи в Отрадном (т. II, ч. III, гл. II).

- Прочитайте текст. Комментируйте его по ходу чтения. Ведите диалог с автором (?).

По опекунским делам рязанского именья князю Андрею надо было видеться с уездным предводителем. Предводителем был граф Илья Андреевич Ростов, и князь Андрей в середине мая поехал к нему.

Был уже жаркий период весны. Лес уже весь оделся, была пыль и было так жарко, что проезжая мимо воды, хотелось купаться.

Князь Андрей, невесёлый и озабоченный соображениями о том, что и что ему нужно о делах спросить у предводителя, подъезжал по аллее сада к отраденскому дому Ростовых. Вправо из-за деревьев он услышал женский, весёлый крик, и увидел бегущую наперерез его коляски толпу девушек. Впереди других, ближе, подбегала к коляске черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая девушка в жёлтом ситцевом платье, повязанная белым носовым платком, из-под которого выбивались пряди расчесавшихся волос. Девушка что-то кричала, но узнав чужого, не взглянув на него, со смехом побежала назад.

Князю Андрею вдруг стало отчего-то больно(?). День был так хорош, солнце так ярко, кругом всё так весело; а эта тоненькая и хорошенькая девушка не знала и не хотела знать про его существование (?) и была довольна, и счастлива какой-то своей отдельной, – верно глупой, – но весёлой и счастливой жизнью. «Чему она так рада? О чём она думает? Не об уставе военном, не об устройстве рязанских оброчных. О чём она думает? И чем она счастлива?» (?) – невольно с любопытством спрашивал себя князь Андрей(?).

Граф Илья Андреевич в 1809-м году жил в Отрадном всё так же как и прежде, то есть принимая почти всю губернию, с охотами, театрами, обедами и музыкантами. Он, как всякому новому гостю, был рад князю Андрею, и почти насильно оставил его ночевать.

В продолжение скучного дня, во время которого князь Андрей занимали старшие хозяева и почётнейшие из гостей, которыми

по случаю приближающихся именин был полон дом старого графа, Болконский несколько раз взглядывая на Наташу, чему-то смеявшуюся и веселившуюся между другой молодой половиной общества, всё спрашивал себя(?): «О чём она думает? Чему она так рада!».

Вечером оставшись один на новом месте, он долго не мог заснуть(?). Он читал, потом потушил свечу и опять зажёл её. В комнате с закрытыми изнутри ставнями было жарко. Он досадовал на этого глупого старика (так он называл Ростова), который задержал его, уверяя, что нужные бумаги в городе, не доставлены ещё, досадовал на себя за то, что остался.

Князь Андрей встал и подошёл к окну, чтобы отворить его. Как только он открыл ставни, лунный свет, как будто он насто-роже у окна давно ждал этого, ворвался в комнату. Он отворил окно. Ночь была свежая и неподвижно-светлая. Перед самым окном был ряд подстриженных деревьев, чёрных с одной и серебристо-освещённых с другой стороны. Под деревьями была какая-то сочная, мокрая, кудрявая растительность с серебристыми кое-где листьями и стеблями. Далее за чёрными деревьями была какая-то блестящая росой крыша, правее большое кудрявое дерево, с ярко-белым стволом и сучьями, и выше его почти полная луна на светлом, почти беззвёздном, весеннем небе. Князь Андрей облокотился на окно и глаза его остановились на этом небе.

Комната князя Андрея была в среднем этаже; в комнатах над ним тоже жили и не спали. Он услышал сверху женский говор.

– Только ещё один раз, – сказал сверху женский голос, который сейчас узнал князь Андрей.

– Да когда же ты спать будешь? – отвечал другой голос.

– Я не буду, я не могу спать, что ж мне делать! Ну, последний раз...

Два женские голоса запели какую-то музыкальную фразу, составлявшую конец чего-то.

– Ах какая прелесть! Ну теперь спать, и конец.

– Ты спи, а я не могу, – отвечал первый голос, приблизившийся к окну. Она видимо совсем высунулась в окно, потому что слышно было шуршанье её платья и даже дыханье. Всё затихло и окаменело, как и луна и её свет и тени. Князь Андрей тоже боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего невольного присутствия.

– Соня! Соня! – послышался опять первый голос. – Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, – сказала она почти со слезами в голосе. – Ведь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.

Соня неохотно что-то отвечала.

– Нет, ты посмотри, что за луна!... Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки, – туже, как можно туже – натужиться надо, – и полетела бы. Вот так!

– Полно, ты упадёшь.

Послышалась борьба и недовольный голос Сони:

– Ведь второй час.

– Ах, ты только всё портишь мне. Ну, иди, иди.

Опять всё замолкло, но князь Андрей знал, что она всё еще сидит тут, он слышал иногда тихое шевеленье, иногда вздохи.

– Ах... Боже мой! Боже мой! что ж это такое! – вдруг вскрикнула она. – Спать так спать! – и захлопнула окно.

«И дела нет до моего существования!» – подумал князь Андрей в то время, как он прислушивался к её говору, почему-то ожидая и боясь, что она скажет что-нибудь про него (?). «И опять она! И как нарочно!» – думал он. В душе его вдруг поднялась такая неожиданная путаница молодых мыслей и надежд, противоречащих всей его жизни, что он, чувствуя себя не в силах уяснить себе своё состояние, тотчас же заснул.

• Проследите, как меняется настроение князя Андрея. Какие детали об этом говорят?

• Найдите в тексте пейзажные зарисовки и элементы. Что, как и почему меняется в этих зарисовках?

• Перечитайте описание Наташи. Почему её портрет можно назвать контрастным по отношению к состоянию Андрея?

• Что именно так сильно поражает Андрея в речи Наташи?

• Почему, не видя Наташу, Андрей ярко и живо представлял себе её облик, только слушая её?

• Какую роль в этом эпизоде играет Соня? В чём она противопоставляется Наташе?

3) Первый бал Наташи (т. II, ч. III, гл. XV–XVII).

• Что поразило князя Андрея в Наташе?

• Каким глаголом автор неоднократно характеризует отношение Андрея к Наташе?

• Что испытывает Наташа во время бала? Как об этом рассказывает автор?

4) Сцена охоты (т. II, ч. IV, гл. III – VI).

• Почему время охоты – особое время? В чём его особенность?

• Чем состояние человека на охоте отличается от повседневного?

• Что нового мы узнаём о Наташе? В чём она остаётся той Наташей, которую мы знали до этого?

5) Наташа у дядюшки (т. II, ч. IV, гл. VII).

• Как чувствуют себя молодые Ростовы у дядюшки?

• Почему Наташа, возвращаясь от дядюшки, говорит: «Я знаю, что никогда я уж не буду так счастлива, спокойна, как теперь»?

• Как характеризует Наташу её танец?

• Один из принципов художественного изображения в романе Толстого (помимо принципа контраста) – принцип сцепления (сцепок). Поясните, как и в чём эта сцена сцеплена с эпизодом охоты.

6) Наташа и Анатолий Курагин (т. II, ч. V, гл. VIII – XVIII).

- Были ли причины для их сближения?
- Как в этом эпизоде выражены общие законы жизни, раскрытые писателем в романе?

- Почему Толстой считал этот эпизод «узлом» (т.е. очень важным по значению в своём романе)?

- Как вы расцениваете поступок Наташи? Вправе ли мы судить её?

7) Отъезд Ростовых из Москвы (т. III, ч. III, гл. XII – XVII).

- Почему Наташа задумалась, услышав объяснение отца с матерью по поводу его распоряжения забирать раненых?

- Толстой говорит о «восторженно счастливом» оживлении Наташи. Объясните это состояние героини.

- Как эпизоды охоты, Святок, отъезда Ростовых из Москвы сцеплены между собой?

- Какую жизнь Толстой называл «настоящей»? Чем от неё отличается жизнь «ненастоящая»?

- Как вы поняли небольшое теоретическое рассуждение писателя о настоящей и ненастоящей жизни? Поясните его на примере образа Наташи Ростовой.

8) Встреча с князем Андреем в Мытищах (т. III, ч. III, гл. XXXI–XXXII).

- Как мотивирована в романе встреча Наташи и раненого князя Андрея?

9) Смерть князя Андрея (т. IV, ч. I, гл. XV– XVI).

- Что значила для Наташи встреча с раненым Болконским?

- С какой новой стороны раскрывается образ Наташи в данных эпизодах?

- Как автор относится к Наташе Ростовой? Подтвердите свою точку зрения текстом.

10) Эпилог.

- Как вы считаете, Наташа изменилась только внешне или и внутренне?

- Ваше отношение к «новой» Наташе?

- В чём видел Толстой предназначение женщины?

Работа с текстом после чтения



1. «Мысль семейная» – одна из важнейших в творчестве Толстого. Писатель исследовал то, что можно назвать семейным гено-типом: общие свойства, связанные с родством по крови, семейными традициями, образом жизни.

В «Войне и мире» через все исторические катаклизмы проходят три семьи: широкие, поэтичные, душевные москвичи Ростовы; строгие, сухие, рациональные Болконские; расчётливые, эгоистичные петербуржцы Курагины.

Расскажите об одной из семей. Поясните, что исследовал писатель и к каким выводам он приводит читателей?

2. Начинаясь как бытовая хроника, толстовская эпопея заканчивается как философско-исторический трактат.

Как Толстой отвечает на два самых главных, по его мнению, вопроса исторического познания: кто делает историю? Существует ли цель исторического движения?

3. Любимую мысль в романе Толстой определил как «мысль народную». Докажите на конкретных примерах, что народ мыслится Толстым как нечто справедливое и чистое; что критерием нравственной оценки личности является близость к народному миру или отдалённость от него.

4. В романе цементируется два мира: микромир (идейные искания героев, их бытовая жизнь и пр.) и макромир (передвижения народов, войны, участие великих личностей в истории).

Как оценивал каждый из этих миров Толстой? Какой из них был в первую очередь предметом его исследования?

5. Покажите на примере одной из любимых героинь Толстого – Марьи Болконской, что нравственно-философские проблемы решаются истинными героями не столько в спорах и разговорах, сколько работой души, опытом своей жизни.

6. Толстой делит всех своих героев на группы согласно коренным представлениям о добре и зле, о правде и лжи, о подлинной и неподлинной жизни.

Разделите героев Толстого на группы по этим основаниям.

7. Известно, что такие тонкие инструменты раскрытия «диалектики души», как внутренний монолог, внутренний диалог, автор «Войны и мира» применял к тем, кого один из исследователей (В.Д. Днепров) назвал «человеком Толстого» (героям типа Андрея Болконского, Пьера Безухова, Наташи Ростовской, отчасти Николая Ростова и Марьи Болконской).

Покажите на примере образа Николая Ростова, как через внутренние монологи (диалоги) автор раскрывает духовный мир героя.

8. Сопоставьте образы Кутузова и Наполеона по плану:

- 1) портретная характеристика;
- 2) основная идея;
- 3) отношение к людям, солдатам;
- 4) манера поведения;
- 5) отношение к Бородинской битве;
- 6) отношение к себе;
- 7) руководство сражением;
- 8) мотив деятельности.

Сделайте вывод об отношении автора к великим полководцам. С какой целью при изображении каждого из них Толстой через детали, комментарии прибегает к снижению образов? Какая философская мысль Толстого продемонстрирована в решении этих образов?



9. Поясните, как вы понимаете утверждение литературоведа В. Ермилова: «Кутузов – великий полководец потому, что он великий человек».

10. Проведите наблюдение над текстом романа и найдите примеры, иллюстрирующие разные способы выражения авторской позиции:

– прямые аналитические характеристики и оценки, прямой взгляд (например, Бородинское сражение, его сущность, ход и исход);

– открытые суждения Толстого в форме философско-исторической публицистики;

– неявное выражение авторской позиции через тон и стиль повествования, говорящие детали, комментарии к речам персонажей (описание салонов Анны Шерер и Элен; Сперанского, Ростопчина, Наполеона и др.).

11. Поясните на конкретных примерах ваше понимание высказывания Толстого: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

12. В чём вы видите главное различие духовных поисков Андрея и Пьера?

13. Подготовьте сообщения «Истинный и ложный героизм в понимании Толстого», «Истинная красота в понимании Толстого».

14. Жанр «Войны и мира» традиционно определяют как роман-эпопея, хотя вопрос о жанровой природе романа до сих пор вызывает споры. Что характеризует «Войну и мир» как эпопею?

15. Как известно, сам Л.Н. Толстой отчётливо осознавал непохожесть «Войны и мира» на жанры современной ему литературы с их условностями и границами и писал: «Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. "Война и мир" есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось» (из статьи-послесловия «Несколько слов по поводу книги "Война и мир"», 1868 г.).

Докажите, что «Война и мир» – это одновременно и роман, и поэма, и документальная хроника, сплавленные в единое целое.

16. Бородино в изображении Толстого очевидно соотносится с юбилейным стихотворением Лермонтова «Бородино», которое Толстой называл «зерном» своего романа.

Найдите в тексте романа переклички с поэтическими строками «Кто кивер чистил весь избитый, Кто штык точил, ворча сердито...» и другие прямые указания на произведение Лермонтова.

17. Соберите материал по теме «"Война и мир" в иллюстрациях русских художников (Л.О. Пастернак, В.А. Серов, К.И. Рудаков, Д.А. Шмаринов и др.)». Самостоятельно выберите форму презентации собранного материала.

18. Напишите реферат на тему «Диалоги-споры, диалоги-поединки в русской литературе» (Базаров и Павел Петрович Кирсанов, Раскольников и Порфирий Петрович, Андрей Болконский и Пьер Безухов.)

1. Напишите реферат на тему «Г. Флобер, Ги де Мопассан, Дж. Голсуорси и другие зарубежные писатели о романе Л.Н. Толстого "Война и мир"».

2. Познакомьтесь с наблюдением критика К. Леонтьева, сделанным им в статье «О романах гр. Л.Н. Толстого» ещё в 1911 г.: «Позволю себе вообразить, что Дантес промахнулся и что Пушкин написал в 40-х годах большой роман о 12-м годе. Так ли бы он его написал, как Толстой? Нет, не так!... Пушкин не стал бы даже (вероятно) называть от себя бегущих в каретах и шубах маршалов и генералов французских "злыми и ничтожными людьми, которые наделали множество зла...", как в "душе" не называли их, наверное, в 12 году те самые герои-русские, которые гнали их из Москвы и бранили их по страсти, а не по скучно-моральной философии. Тогда воинственность была в моде, и люди образованные были прямее и откровеннее нынешних в рыцарском мировоззрении своём». Согласны ли вы с этим мнением? А как бы, по-вашему, большой роман о войне 12-го года написал М.Ю. Лермонтов?

3. Двадцатый век, по В.Т. Шаламову, стал настоящим «крушением гуманизма». И, соответственно, катастрофа произошла с главным литературным жанром, эстетическим «позвоночником» XIX века: «Роман умер. И никакая сила в мире не воскресит эту литературную форму. Людям, прошедшим революции, войны, концентрационные лагеря, нет дела до романа». На смену роману, по утверждению Шаламова, должна прийти новая проза – документ, свидетельство очевидца, превращённое в образ его кровью, чувством, талантом.

Отрицая метод Л. Толстого, перебирающего в черновиках несколько вариантов цвета глаз Катюши Масловой («абсолютная антихудожественность»), Шаламов пишет: «Разве для любого героя "Колымских рассказов" – если они там есть – существует цвет глаз? На Колыме не было людей, у которых был бы цвет глаз, и это не aberrация моей памяти, а существо жизни тогдашней».

Каков ваш взгляд на судьбу романа как жанра? Опровергните или поддержите точку зрения В. Шаламова.

4. В процессе работы Толстого всё время волновала проблема жанра: «Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимают этот род сочинений в Европе, и предлагаемое сочинение не есть повесть, в нём не проводится никакой одной мысли, ничто не доказывается, не описывается

какое-нибудь одно событие; ещё менее оно может быть названо романом, с завязкой, постоянно усложняющимся интересом и счастливой или несчастливой развязкой, с которой уничтожается интерес повествования» (из предисловия Л. Толстого к одному из первых изданий «Войны и мира»).

Как вы понимаете, что беспокоило Толстого? Что он хотел объяснить читателю?

5. Достоевский первым подметил, что Толстой – это писатель дворянства. Конечно, дворяне и до Толстого становились героями художественных произведений. Однако дворяне в изображении Пушкина, Тургенева, Гончарова очевидно отличны от героев Толстого, и в первую очередь – по манере их изображения, отношению к этому сословию.

Напишите реферат на тему «Русское дворянство в классической литературе».

6. Выполните исследовательскую работу по проблеме «Тема Наполеона в творчестве Пушкина ("Пиковая дама", лирика), Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Л. Толстого».

7. Известно, что в процессе создания «Войны и мира» Толстой перечитывал «Фауста» Гёте. В дневнике от 9 марта 1865 г. есть такая запись: «Оба дня писал, поправлял... "Фауст" Гёте читал. Поэзия мысли и поэзия, имеющая предметом то, что не может выразить никакое другое искусство». Что привлекало Толстого в «Фаусте»? Попробуйте установить сцепления между романом Толстого и «Фаустом» Гёте.

8. Напишите реферат на тему «Два решения задач историка и художника» (А.С. Пушкин «История Пугачёва», «Капитанская дочка» и Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Литература и иные источники

1. Бочаров С.Г. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». – М., 1987.
2. Гулин А.В. Лев Толстой и пути русской истории. – М., 2004.
3. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. – М., 1957.
4. Долинина Н.Г. По страницам «Войны и мира» – Л., 1989.
5. Ермилов В.В. Толстой-художник и роман «Война и мир». – М., 1961.
6. Кандиев Б.И. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир»: Комментарий. – М., 1967.
7. Кормилов С.И. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» – М., 1983.
8. Опульская Л.Д. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» – М., 1987.
9. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. – М., 1989.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 91 т. – М., 1992.
11. Толстой Л.Н. О литературе: Статьи, письма, дневники. – М., 1955.
12. Фейн Г.Н. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». – М., 1966.

Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в оценке критиков

1. О романе Толстого критики начали писать сразу после выхода из печати первого тома. Д. Писарев, П. Анненков, А. Григорьев, Н. Михайловский, А. Скабичевский, М. Протопопов, Н. Страхов и т.д. – это только часть тех, кто заострил своё критическое перо о произведение Толстого.

Прочитайте фрагменты из статьи «"Война и мир". Сочинение гр. Л.Н. Толстого. Томы V и VI», написанной в 1870 г. современником Толстого критиком Н.Н. Страховым.

2. По ходу чтения определите темы, которые поднимает критик.

Наконец, великое произведение кончено. Наконец, оно перед нами, оно навсегда наше, и исчезли всякие наши волнения. В то время, как гр. Л.Н. Толстой как будто замедлил окончанием своего труда, мы невольно мучились страхом и надеждой. Художник, как мы видим теперь, спокойно и уверенно продолжал свою работу; твёрдою рукою он доканчивал её последние части; но мы, простые смертные, с невольным замиранием сердца ждали совершения таинственного дела. Мы дивились до изумления, как могла творческая сила, не ослабевая ни на минуту, действовать в таких громадных размерах, и, ещё не сумев понять всего величия открывшихся перед нами сил, не успев привыкнуть к этому величию, малодушно страшились за окончание великого и бесценного дела. Самые нелепые опасения приходили нам в голову.

Но, наконец, картина готова и вся перед нами. Красота её открывается с новою, с поразительною силою. Только теперь все подробности заняли своё надлежащее место, ясно обозначился центр, ясно выступил колорит отдельных частей, и, обнимая картину одним взглядом, мы можем отчётливо видеть её общее освещение, связь всех её фигур и неотразимую мысль, которая составляет душу всего произведения, которая даёт ему полное единство, полную жизнь. Всмотритесь, вчитайтесь, попробуйте обозреть весь рассказ как одно целое – впечатление будет усиливаться и возрастать по мере вашего внимания и изучения.

Какая громада и какая стройность! Ничего подобного не представляет нам ни одна литература. Тысячи лиц, тысячи сцен, всевозможные сферы государственной и частной жизни, история, война, все ужасы, какие есть на земле, все страсти, все моменты человеческой жизни, от крика новорождённого ребёнка до последней вспышки чувства умирающего старика, все радости и горести, доступные человеку, всевозможные душевные настроения, от ощущений вора, укравшего червонцы у своего товарища, до высочайших движений героизма и дум внутреннего просветления – всё есть в этой картине. А между тем ни одна фигура не за-

слоняет другой, ни одна сцена, ни одно впечатление не мешают другим сценам и впечатлениям, всё на месте, всё ясно, всё раздельно и всё гармонирует между собою и с целым. Подобного чуда в искусстве, притом чуда, достигнутого самыми простыми средствами, ещё не бывало на свете. Эта простая и в то же время невообразимо искусная группировка не есть дело внешних соображений и прилаживаний, она могла быть только плодом гениального прозрения, которое одним взглядом, простым и ясным, объемлет и проникает всё многообразное течение жизни.

Ревниво осматриваем мы наше сокровище, это неожиданное богатство нашей литературы, честь и украшение её современного периода: нет ли где недостатков? Нет ли пропусков, противоречий? Нет ли каких-нибудь важных несовершенств, за которые мы, конечно, с избытком были бы вознаграждены сильными сторонами «Войны и мира», но которые нам всё-таки больно было бы видеть в этом произведении? Нет, нет ничего, что могло бы помешать полной радости, что смущало бы наш восторг. Все лица выдержаны, все стороны дела схвачены, и художник до последней сцены не отступил от своего безмерно широкого плана, не опустил ни одного существенного момента и довёл свой труд до конца без всякого признака изменения в тоне, взгляде, в приёмах и силе творчества. Дело поистине изумительное!

<...> Картина двух новых семейств удивительно гармонически заканчивает всю хронику. Когда начинался рассказ, перед нами открывались два семейства, уже давно сложившиеся, – семейство Болконских, в котором были взрослые сын и дочь, и семейство Ростовых, в котором Николай был ещё студентом, а Наташе было двенадцать лет. Через пятнадцать лет (таков период, обнимаемый хроникой) перед нами являются две молодые семьи с маленькими детьми. С гениальным тактом художник начал свою семейную хронику с людей настолько взрослых, что мы можем ими заинтересоваться, и кончил картинами, в которых даже грудные дети нам бесконечно милы, так как принадлежат к семействам, с которыми мы сжились и сроднились во время рассказа.

Полная картина человеческой жизни.

Полная картина тогдашней России.

Полная картина того, в чём люди полагают своё счастье и величие, своё горе и унижение.

Вот что такое «Война и мир».

<...> Итак, какой же смысл «Войны и мира»?

Всего яснее, нам кажется, этот смысл выражается в тех словах автора, которые мы поставили эпиграфом: «Нет величия, – говорит он, – там, где нет *простоты, добра и правды*».

Задача художника состояла в том, чтобы изобразить истинное величие, как он его понимает, и противопоставить его ложному величию, которое он отвергает. Эта задача выразилась не только в противопоставлении Кутузова и Наполеона, но и во всех малей-

ших подробностях борьбы, вынесенной целою Россиею, в образе чувств и мыслей каждого солдата, во всём нравственном мире русских людей, во всём их быте, во всех явлениях их жизни, в их манере любить, страдать, умирать. Художник изобразил со всею ясностью, в чём русские люди полагают человеческое достоинство, в чём тот идеал величия, который присутствует даже в слабых душах и не оставляет сильных даже в минуты их заблуждений и всяких нравственных падений. Идеал этот состоит, по формуле, данной самим автором, в простоте, добре и правде. Простота, добро и правда победили в 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вот смысл «Войны и мира».

Другими словами – художник дал нам новую, русскую формулу *героической жизни*, ту формулу, под которую подходит Кутузов и под которую никак не может подойти Наполеон. О Кутузове автор прямо говорит: «*Простая, скромная и потому истинно величественная* фигура эта не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история» (т. VI, стр. 88). Но то же самое следует разуметь обо всех русских людях, обо всех фигурах, выведенных в «Войне и мире». Их чувства, мысли и желания, насколько в них есть героического, насколько в них проявляется стремление к героическому и понимание героического, не укладываются в те чужие и лживые формы, которые созданы Европою. Весь русский душевный строй *проще, скромнее*, представляет ту гармонию, то равновесие сил, которые одни согласны с истинным величием и нарушение которых мы ясно чувствуем в величии других народов. Обыкновенно нас пленяют и долго ещё будут пленять блеск и мощь тех форм жизни, которые создаются силами, не соблюдающими гармонии, вышедшими из взаимного равновесия. Этих ярких форм всякого рода страстей, всякого рода душевных напряжений, разрастающихся до ослепляющего величия, много создала Европа, много создал древний мир. Мы, младший из великих народов, невольно увлекаемся этими формами чуждой жизни, но в глубине души у нас хранится другой, своеобразный идеал, в сравнении с которым часто меркнут и являются безобразием воплощения в действительности и искусстве идеалов, не согласных с нашим душевным строем.

Чисто русский героизм, чисто русское героическое во всевозможных сферах жизни – вот что дал нам гр. Л.Н. Толстой, вот главный предмет «Войны и мира». Если мы оглянемся на нашу прошлую литературу, то нам будет яснее, какую огромную заслугу оказал нам художник и в чём состоит эта заслуга. Основатель нашей самобытной литературы, Пушкин один только в своей великой душе носил сочувствие всем родам и видам величия, всем формам героизма, почему и мог он постигнуть русский идеал, почему и мог стать основателем русской литературы. Но в его дивной поэзии этот идеал проступал только чертами, только ука-

заниями, безошибочными и ясными, но неполными и неразвитами.

<...> Но первый разрешил задачу гр. Л.Н. Толстой. Он первый одолел все трудности, выносил и победил в своей душе процесс отрицания и, освободившись от него, стал творить образы, воплощающие в себе положительные стороны русской жизни. Он первый показал нам в неслыханной красоте то, что ясно видела и понимала только безупречно гармоническая, всему великому доступная душа Пушкина. В «Войне и мире» мы опять нашли своё героическое, и теперь его уже никто от нас не отнимет.

<...> Существует на свете как будто два рода героизма: один – деятельный, тревожный, порывающийся, другой – страдательный, спокойный, терпеливый. <...> Но пока нет у нас чистых и ясных образов деятельного героизма, пока этот героизм не нашёл себе своего поэта-выразителя, мы должны смиренно преклониться перед поэтом, прославившим и воплотившим перед нами героизм смирения. Мы только можем гадать и смутно прозревать черты иного величия, также свойственного русской натуре, а то величие, которое изображено гр. Л.Н. Толстым, мы уже видим воочию, в ясном воплощении.

И в существенном пункте мы не можем не согласиться с поэтом, то есть мы вполне признаём превосходство смиренного героизма над героизмом деятельным. Гр. Л.Н. Толстой изобразил нам если не самые сильные, то во всяком случае самые лучшие стороны русского характера, те его стороны, которым принадлежит и должно принадлежать верховное значение. Как нельзя отрицать, что Россия победила Наполеона не деятельным, а смиренным героизмом, так вообще нельзя отрицать, что *простота, добро и правда* составляют высший идеал русского народа, которому должен подчиняться идеал сильных страстей и исключительно сильных личностей. Мы сильны *всем народом*, сильны тою силою, которая живёт в самых простых и смиренных личностях, – вот что хотел сказать гр. Л.Н. Толстой, и он совершенно прав. Прибавим, что мы должны бы были преклониться перед лучшими чертами нашего народного идеала и в том случае, если бы нам не было доказано, что простота, добро и правда могут победить всякую ложную, злую и неправую силу. Если вопрос идёт о силе, то он решается тем, на какой стороне победа, но простота, добро и правда нам милы и дороги сами по себе, всё равно, победят они или нет.

Все сцены частной жизни и частных отношений, выведенные гр. Л.Н. Толстым, имеют одну и ту же цель – показать, как страдает и радуется, любит и умирает, ведёт свою семейную и личную жизнь тот народ, высший идеал которого заключается в простоте, добре и правде. Разница, столь ясно изображённая, между Кутузовым и Наполеоном, та же самая разница существует между Пьером и капитаном Рамбалем, толкующим о своих любовных приключениях, между Бурьенкой и княжной Марьей

и т.д. Тот же народный дух, который проявился в Бородинской битве, проявляется в предсмертных думах князя Андрея, и в душевном процессе Пьера, и в разговорах Наташи с матерью, и в складе вновь образовавшихся семейств, словом, во всех душевных движениях частных лиц «Войны и мира».

Везде и повсюду или господствует дух простоты, добра и правды, или является борьба этого духа с уклонениями людей на иные пути, и рано или поздно – его победа. В первый раз мы увидели несравненную прелесть чисто русского идеала, смиренного, простого, бесконечно нежного и в то же время незыблемо твёрдого и самоотверженного. Огромная картина гр. Л.Н. Толстого есть достойное изображение русского народа. Это – действительное неслыханное явление – эпопея в современных формах искусства.

<...> Гр. Л.Н. Толстой в своей великолепной эпопее показал нам, что обнаружилось в нашей борьбе с Наполеоном. В первый раз от начала истории ясно и грозно проявился русский идеал, и перед этим идеалом сломилась и померкла вся сила Наполеона и наполеоновской Франции. Вот пример того смысла, который заключается в истории и составляет её существенное содержание. Дело вовсе не в победе, не в том, что случилась новая комбинация единичных сил, вследствие которой рушилось могущество, до тех пор всех покорявшее и побеждавшее; сущность дела в том, что скрывается под этою механическою игрою причин и следствий. Под нею скрывается пробуждение силы, ещё не действовавшей в мире, – духа *простоты, добра и правды*.

Простота есть высшее изящество, высшая красота человека.

Добро и правда – суть высшие цели, для которых должен жить и действовать человек.

Таковы лучшие черты идеала, хранящегося в русском народе. Этот дух смирения и доброты много принёс и приносит нам всякого вреда и всяких бед; но этот же дух победил Наполеона, разрушил его армию и государство.

- В чём Страхов видит основную заслугу Толстого? Как оценивает роман «Война и мир»?
- О каком русском идеале говорит критик?
- Почему критик постоянно подчёркивает, что героизм, героическое во всевозможных сферах жизни в изображении Толстого – *чисто русские*?
- Что, по мнению Страхова, Толстой понимает под русской формулой героической жизни?
- Перечислите «лучшие черты идеала, хранящегося в русском народе».
- Назовите героев романа – носителей этих черт. Найдите аналогичные примеры в других произведениях отечественной литературы.

Готовимся к экзамену

Часть 1

Прочитайте приведённый ниже фрагмент текста и выполните задания В1 – В7; С1–С3

Ночь была туманная, и сквозь туман таинственно пробивался лунный свет. «Да, завтра, завтра! – думал он. – Завтра, может быть, всё будет кончено для меня, всех этих воспоминаний не будет более, все эти воспоминания не будут иметь для меня более никакого смысла. Завтра же, может быть, – даже наверное завтра, я это предчувствую, в первый раз мне придётся, наконец, показать всё то, что я могу сделать». И ему представилось сражение, потеря его, сосредоточение боя на одном пункте и замешательство всех начальствующих лиц. И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он, наконец представляется ему. Он твёрдо и ясно говорит своё мнение и Кутузову, и Вейротеру, и императорам. Все поражены верностью его соображения, но никто не берётся исполнить его, и вот он берёт полк, дивизию, выговаривает условие, чтоб уже никто не вмешивался в его распоряжения, и ведёт свою дивизию к решительному пункту и один одерживает победу. А смерть и страдания? говорит другой голос. Но князь Андрей не отвечает этому голосу и продолжает свои успехи. Диспозиция следующего сражения делается им одним. Он носит звание дежурного по армии при Кутузове, но делает всё он один. Следующее сражение выиграно им одним. Кутузов сменяется, назначается он... Ну, а потом? – говорит опять другой голос, – а потом, ежели ты десять раз прежде этого не будешь ранен, убит или обманут; ну, а потом что ж? – «Ну, а потом... – отвечает сам себе князь Андрей, – я не знаю, что будет потом, не хочу и не могу знать; но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, то ведь я не виноват, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Да, для одного этого! Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди – отец, сестра, жена, – самые дорогие мне люди, – но, как ни страшно и ни неестественно это кажется, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей, которых я не знаю и не буду знать, за любовь вот этих людей», – подумал он, прислушиваясь к говору на дворе Кутузова. На дворе Кутузова слышались голоса укладывавшихся денщиков; один голос, вероятно, кучера, дразнившего старого кутузов-

ского повара, которого знал князь Андрей и которого звали Титом, говорил: «Тит, а Тит?».

– Ну, – отвечал старик.

– Тит, ступай молотить, – говорил шутник.

– Тьфу, ну те к чёрту, – раздавался голос, покрываемый хохотом денщиков и слуг.

«И всё-таки я люблю и дорожу только торжеством над всеми ими, дорожу этой таинственной силой и славой, которая вот тут надо мной носится в этом тумане!».

(Л.Н. Толстой «Война и мир»)

При выполнении заданий В1 – В7 ответ необходимо дать в виде слова или словосочетания

- В1** Как называется форма развёрнутого высказывания героя, обращённого к себе (спор Болконского с самим собой в предложенном фрагменте)?
- В2** Как называется историческое место, с которым Болконский символизирует свои мечты о славе?
- В3** Кто из реальных исторических деятелей был в начале духовных поисков Андрея Болконского его кумиром?
- В4** Как называется средство художественной изобразительности, с помощью которого автор создаёт определённый образ («счастливая минута», «дорогие люди»)?
- В5** Что, помимо любви и уважения людей, мечтал испытать князь Андрей после Аустерлицкого сражения, ради чего он готов был принять смерть, потерять семью? (в ед. ч.)
- В6** Какой стилистический приём, в основе которого лежит эффект контраста, служит принципом построения эпизода «Небо Аустерлица» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»?
- В7** Какой образ, наряду с образом «неба», наделяется автором особой смысловой нагрузкой и символизирует в приведённом фрагменте что-то новое, неизведанное?

Для выполнения заданий С1–С3 дайте связный ответ на вопрос в объёме, не превышающем 4–6 предложений

- С1** Какова роль предложенного фрагмента в эпизоде «Небо Аустерлица» романа Л.Н. Толстого «Война и мир»?

- С2** Как и под влиянием чего изменилось мировоззрение Андрея Болконского после Аустерлицкого сражения?
- С3** Через какие «духовные искания» проходят любимые герои Л.Н. Толстого «Война и мир»?

Часть 2

**Прочитайте приведённое ниже стихотворение
и выполните задания В8 – В12; С4–С6**

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звуки не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

А.А. Фет < 2 августа 1877 >

**При выполнении заданий В8 – В12 ответ необходимо дать
в виде слова или словосочетаний**

- В8** Определите размер, которым написано стихотворение А.А. Фета.
- В9** Назовите вид рифмы по взаимному расположению рифмующихся строк, который использует А.А. Фет в стихотворении «Сияла ночь. Луной был полон сад...».

- В10** Какой вид тропа использует автор в первой строфе для создания поэтического образа («струны дрожали..., как сердца»)?
- В11** Как называется вид звукописи, заключающий в себе повторение одинаковых гласных звуков, используемый А.А. Фетом («И много лет прошло, томительных и скучных, и вот в тиши ночной твой голос слышу вновь...»)?
- В12** Какой вид строфы использует автор?

Для выполнения заданий С4–С6 дайте связный ответ на вопрос в объёме, не превышающем 4–6 предложений

- С4** Как автор передаёт настроение лирического героя стихотворения?
- С5** К какому лирическому жанру и почему можно отнести стихотворение А.А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад...»?
- С6** Как меняется тональность стихотворения (проследите развитие лирического настроения)?

Часть 3

Для выполнения заданий части 3 дайте полный развёрнутый ответ на проблемный вопрос, опираясь на конкретный литературный материал и выявляя позицию автора произведения вне зависимости от того, насколько она совпадает с высказанным вами мнением

- С7.1** Прав ли, по вашему мнению, Д.И. Писарев, оценивший в своей статье «Базаров» смерть Базарова как подвиг? (Обоснуйте своё мнение.)
- С7.2** В чём заключается противоречивость музыки В.В. Маяковского?
- С7.3** Как композиция рассказа А.П. Чехова «Ионыч» позволяет автору раскрыть характер главного героя?

Словарь основных понятий и терминов

А́втор – создатель литературно-художественного произведения. Его присутствие в литературном тексте заметно в разной степени. Он или прямо выражает ту или иную идею произведения, говорит с читателем от собственного имени, или прячет своё «я» в сложной повествовательной конструкции и как бы самоустраивается из произведения. Такая двойная структура авторского образа всегда объясняется общим замыслом писателя и стилем его произведения. Иногда в художественном произведении автор выступает в качестве вполне самостоятельного образа.

Аллегория – иносказание, выражение абстрактного объекта (понятия, суждения) посредством конкретного (образа).

Аллитерация – звуковая организация речи; концентрированное повторение в поэтическом произведении согласных звуков.

Алогизм – стилистический приём, основанный на сознательном нарушении логических связей в произведении.

Амфибрахий – трёхсложный стихотворный размер с сильным вторым слогом в стопе.

Анапест – трёхсложный стихотворный размер с сильным последним, третьим, слогом в стопе.

Анафора – стилистическая фигура: единоначатие, повторение слова или группы слов в начале стихотворных строк или прозаических фраз; одна из разновидностей параллельных синтаксических конструкций.

Антитеза – открытое, явное противопоставление, создающее эффект резкого контраста образов.

Ассонанс – концентрированное повторение в поэтическом произведении гласных звуков.

Внутренний монолог – важнейший приём психологизма, обращённый к самому себе высказывание героя, непосредственно отражающее его внутреннее состояние, мысли и переживания.

Водевиль – жанр лёгкой комедийной пьесы или спектакля с занимательной интригой или анекдотическим сюжетом, сопровождающихся музыкой, куплетами, танцами.

Герой литературный – главное или одно из главных действующих лиц в прозаическом или драматургическом произведении, художественный образ человека, являющийся одновременно субъектом действия и объектом авторского исследования.

Гипербола – приём, при котором образ создаётся посредством художественного преувеличения.

Гротеск – вид художественной образности, комически или трагикомически обобщающий и заостряющий жизненные отношения посредством причудливого и контрастного сочетания реального и фантастического, правдоподобия и карикатуры, гиперболы и алогизма.

Дактиль – трёхсложный стихотворный размер с сильным первым сло́гом в стопе.

Декаданс – общее наименование кризисных явлений европейской культуры 2-й половины XIX – начала XX в., отмеченных настроениями безнадежности, неприятия жизни, тенденциями индивидуализма.

Деталь художественная – один из приёмов конкретизации, заключающийся в образном выделении, подчёркивании существенных или второстепенных черт характера. С помощью художественной детали писатель образно указывает на психологические черты или поведение человека как представителя определённой социальной группы, а также раскрывает его сугубо личные, индивидуальные качества. Художественной деталью можно подчеркнуть характер обстановки, пейзажа.

Диалог – в литературном произведении одна из основных форм речевой характеристики персонажей, наряду с монологом, несобственно прямой речью. Д. особенно важен в драме, где он является главным средством изображения действия и характеров. В эпических произведениях Д. сочетается с авторской речью.

Драма – 1) род литературный, принадлежащий одновременно театру и литературе, его специфику составляют сюжетность, конфликтность действия, членение на сценические эпизоды, сплошная цепь высказываний персонажей, отсутствие повествовательного начала; 2) один из ведущих жанров драматургии. Изображает преимущественно частную жизнь человека в его остроконфликтных, но, в отличие от трагедии, не безвыходных отношениях с обществом или с собой.

Импрессионизм – направление в литературе (искусстве), возникшее во второй половине XIX в. сначала во Франции (школа живописи Клода Моне), а затем и в других странах. Отрицая идейность и общественное содержание искусства, представители импрессионизма стремились передать непосредственное впечатление, мельчайшие оттенки личных переживаний и ощущений; увлечение формой в ущерб содержанию.

Интерпретация – истолкование, объяснение, разъяснение.

Интрига – обострение сюжета, чаще всего драматургического, в литературном произведении с помощью использования различных случайностей, совпадений, обманных ходов, запутывающих действие, делающих неясным дальнейшее развитие конфликта и *неожиданным его разрешение*.

Ирония – тонкая, часто скрытая насмешка, употребление слова в смысле, обратном буквальному, насмешка в форме нарочитого восхваления, положительной характеристики.

Комедия – драматическое произведение с весёлым, смешным сюжетом.

Комментарий – пояснение к исходному тексту.

Композиция (от *лат.* *compositio* – составление, соединение, связь) – построение, расположение и взаимосвязь всех частей, образов, эпизодов, сцен произведения.

Конфликт (от *лат.* *conflictus* – столкновение) – противоборство, столкновение, в литературном произведении воплощённое в сюжете. Следует различать жизненные и художественные К. Художник не просто переносит в своё произведение различные жизненные противоречия и столкновения, борьбу, он преломляет их в событиях, судьбах персонажей, созданных им самим.

Критика литературная (от *греч.* *kritike* – суждение, искусство разбираться, судить) – одна из составных частей литературоведения, то есть науки о литературе. Тесно связанная с историей и теорией литературы, занятыми преимущественно определением природы словесного творчества, установлением основных закономерностей эстетического освоения действительности, анализом классического литературного наследия, К. л. – в отличие от них – оценивает главным образом современное литературное развитие, истолковывает художественные произведения с точки зрения современности.

Кульминация (от *лат.* *culmen* – вершина) – высшее напряжение действия в художественном произведении.

Лейтмотив – основная мысль, неоднократно повторяемая и подчёркиваемая; конкретный художественный образ, выразительная деталь или даже слово, многократно повторяемые, упоминаемые, проходящие сквозь произведение и служащие для раскрытия авторского замысла.

Лирика (от *греч.* *lyra* – лира – музыкальный инструмент, под звуки которого исполнялись стихи, песни) – один из трёх родов литературно-художественных произведений. В отличие от эпоса и драмы, в которых изображаются законченные характеры, действующие в различных обстоятельствах, Л. рисует отдельные состояния характера в определённый момент жизни. Лирический образ – это образ-переживание, выражение чувств и мыслей автора в связи с различными жизненными впечатлениями.

Лирический герой – субъект высказывания в лирическом произведении, своего рода персонаж лирики. Лирический герой не тождественен автору текста как таковому.

Метафора – вид так называемого сложного тропа, речевой оборот, при котором свойства одного явления (предмета, понятия) переносятся на другое. Метафора содержит скрытое сравнение, образное уподобление явлений с помощью использования переносного значения слов, то, с чем сравнивается предмет, лишь подразумевается автором.

Метод художественный – система принципов отбора, оценки и воспроизведения действительности.

Модернизм – литературное течение, в основе которого лежит философия отчуждения. В ней речь идёт об отдалении индивидуальной личности от социального мира, об одиночестве человека, готового признать абсурдность своего существования и погрузиться в собственные индивидуальные переживания, иногда физиологического (в частности, эротического) свойства. В России с М. было связано такое направление, как футуризм.

Мотив – постоянно повторяющийся в разных произведениях художественный сюжет. Он может содержаться во многих произведениях одного писателя или у нескольких писателей. Особенно распространён в фольклоре и в балладах, присутствует и в классической литературе.

Натурализм (от *лат.* *natura* – природа) – поздняя стадия развития реализма в литературе Западной Европы и России конца XIX–начала XX в.: писатели стремились бесстрастно и объективно воспроизвести действительность и превратить роман (повесть) в «человеческий документ».

Нигилизм – мировоззренческая позиция, выражающаяся в отрицании осмысленности человеческого существования, значимости общепринятых нравственных и культурных ценностей; непризнание любых авторитетов.

Олицетворение – художественный приём (троп), при котором неодушевлённому предмету, явлению или понятию придаются человеческие свойства (не перепутайте, именно человеческие!). Олицетворение может использоваться узко, в одной строке, в небольшом фрагменте, но может быть приёмом, на котором построено всё произведение.

Оксюморон – сочетание, казалось бы, несочетаемых явлений, в переводе с греческого буквально «остроумно-глупое». На самом деле, это смысловая образная единица, имеющая серьёзное значение, например *живой труп* (Л. Толстой).

Очерк – прозаический документальный жанр. О. чаще всего посвящается современной автору жизни, фактам и людям.

Пародия (от *греч.* *parodia* – перепев, противопеснь) – произведение, подражающее другому произведению, автору или течению с целью их осмеяния.

Персонаж – общее название любого действующего лица литературного произведения.

Пейзаж (*франц.* *paysage* от *païs* – страна, местность) – картина природы, имеющая различное художественное значение в зависимости от стиля автора, литературного направления, с которым связано произведение. В лирике П. может иметь самостоятельный характер, способствуя созданию образа лирического героя. В прозе П. выступает частью всей изображаемой картины, соотносится с характером повествования, с настроением действующих лиц.

Персонализм – философское учение, исходящее из признания личности высшей духовной ценностью и первичной реальностью, а первоэлементом бытия – Бога.

Подтекст – скрытый смысл высказывания; не высказанное прямо, но вытекающее из ситуации, отдельных деталей, реплик, диалогов героев внутреннее содержание речи. П. не совпадает с прямым смыслом высказывания, с тем, что говорят действующие лица, но позволяет понять, что они чувствуют. В художе-

ственном произведении П. часто раскрывает отношение автора к действующим лицам, их взаимоотношениям, происходящим событиям.

Полилог (*греч.*, букв. «речь многих») – разговор многих участников. При этом предполагается, что роль говорящего переходит от одного лица к другому, в противном случае разговор превращается в монолог. П. предлагает любое число участников.

Полифония – термин заимствован из музыкального словаря и получил в литературоведении широкое распространение благодаря М.М. Бахтину. П., по Бахтину, – это художественный диалог, предполагающий независимость персонажа от авторской позиции. Диалогическая речь, признаваемая как полифоническая, присутствует в произведении как параллельная авторской речи.

Портрет – описание внешности персонажа, играющее большую роль в его характеристике, одно из средств создания образа. Обычно П. иллюстрирует те стороны натуры героя, которые представляются особенно важными автору.

«Почвенничество» – русское литературно-общественное направление 60-х гг. XIX в. Связано с деятельностью писателей-разночинцев. Термин «П.» возник на основе публицистики Ф.М. Достоевского с характерными для неё призывами вернуться к «своей почве», к народным, национальным началам.

Поэма – один из видов лироэпического жанра. Основными чертами её является наличие развёрнутого сюжета и вместе с тем широкое развитие образа лирического героя, активно включющегося, помимо сюжета, в характеристики персонажей, оценивающего их, как бы принимающего участие в их судьбе.

Психологизм – форма художественного анализа человеческой психологии как концентрации психологических стимулов и импульсов в поведении персонажа.

Публицистика – особый вид литературы, сочетающий в себе признаки художественной, ораторской, социально-политической прозы и журналистики.

Пьеса – драматическое произведение, обычно классического стиля, созданное для постановки какого-либо действия в театре. Это общее видовое название произведений драматургии, предназначенных для исполнения со сцены.

Рассказ – малая эпическая жанровая форма художественной литературы, небольшое по объёму изображённых явлений жизни, а отсюда и по объёму своего текста прозаическое произведение.

Реализм – художественный метод в литературе (искусстве), следуя которому писатель изображает жизнь в соответствии с объективной реальностью. В центре внимания Р. находятся не просто факты, события, люди и вещи, а те закономерности, которые действуют в жизни, взаимоотношения человека и среды, героя и времени, в котором он живёт. При этом писатель не отрывается от реальности, с наибольшей точностью отбирает присущие жизни черты и тем самым обогащает читателя знанием

жизни. Отбор явлений жизни, их оценка, умение представить их как важные, характерные, типические – всё это связано с точкой зрения автора на жизнь, а это зависит от его мировоззрения, от умения уловить движение эпохи.

Реализм критический – тип реализма, сложившийся в XIX веке, по-новому изображающий отношение человека к окружающей среде, когда человеческий характер раскрывается в связи с социальными обстоятельствами.

Ремарка (от *франц.* remarque – замечание, примечание) – авторское пояснение в драматическом произведении, с помощью которого уточняются место действия, внешний или духовный облик персонажей, различные психологические состояния, переживаемые ими. Р., наряду с действием и диалогом, является признаком драмы как особого литературного рода.

Рецензия (от *лат.* recensio – рассмотрение) – один из жанров критики: газетный или журнальный отклик на художественное произведение с целью его оценки и разбора.

Ритм – периодическое повторение в стихотворной речи однородных звуковых, интонационных, синтаксических элементов; упорядоченность её звукового строя.

Рифма – одинаковое или сходное звучание концов двух или более стихотворных строк, отмечающее их границы и связывающее их между собой.

Род литературный – группа литературных произведений, сходных по способу отображения действительности. Традиционно выделяются три Р. л.: 1) эпос, 2) лирика, 3) драма.

Роман (от *франц.* roman, *нем.* Roman) – разновидность эпоса как рода литературы, один из больших по объёму эпических жанров. В отличие от эпопеи с её интересом к становлению общества – к событиям и положительным героям национально-исторического значения, Р. проявляет интерес к становлению социального характера отдельной личности в её собственной жизни и в её внешних и внутренних столкновениях со средой.

Романтизм – художественный метод, сложившийся в начале XIX века и получивший широкое распространение как направление (течение) в литературе (искусстве) большинства стран Европы, в том числе и России. Характеризуется утверждением самоценности духовно-творческой жизни личности, изображением сильных (зачастую бунтарских) страстей и характеров, одухотворённой и целительной природы.

Сати́ра – способ проявления комического в искусстве, заключающийся в уничтожающем осмеянии явлений, которые представляются автору порочными; наиболее острая форма обличения действительности. Если юмор – осмеяние «частного», то С., как правило, – осмеяние «общего», обличение социально-нравственных пороков и недостатков.

Сентиментализм (от *англ.* sentimental – чувствительный) – художественное направление в литературе (искусстве), в котором доминантой личности объявлялись чувства, а не разум.

Символизм – течение в литературе (искусстве) Западной Европы в конце XIX века, в России символизм возник во 2-й половине 90-х гг. XIX в. С. выступал с проповедью аполитизма искусства, «искусства для искусства», мистицизма, индивидуализма, развивая теорию символа как основы искусства.

Славянофильство – одно из направлений общественной мысли России в середине XIX в. Славянофилы выступали с обоснованием самобытного пути исторического развития России, по их мнению, принципиально отличного от пути западноевропейского.

Социалистический реализм – теоретический принцип и основное художественное направление, господствовавшее в СССР в середине 1930-х – начале 1980-х гг. В советском искусстве и художественной критике уже в конце 1920-х гг. сложилось представление об исторической предназначенности искусства – утверждать в общедоступной реалистической форме социалистические идеалы, образы новых людей и новых общественных отношений. Эта программа отвергала такие важные этапы национального наследия, как религиозное искусство Средних веков и авангардное искусство XX в. Были разработаны основные принципы соцреализма: правдивое изображение действительности в её революционном развитии, сочетание исторической конкретности образов с их героикой и романтикой, партийность литературы и др.

Сравнение – художественный приём (троп), при котором образ создаётся посредством сравнения одного объекта с другим.

Стиль в литературе – применяют и в более широком значении (направления, течения, метода), иногда и в более узком (С. произведения). В основе понятия лежит сходство, однородность, единство творческих особенностей, присущих писателю: идей, тем, характеров, сюжетов, языка.

Сюжет (от *франц.* *sujet* – предмет) – система событий в художественном произведении, раскрывающая характеры действующих лиц и отношение писателя к изображаемым жизненным явлениям.

Трагедия – драматическое произведение, изображающее напряжённую борьбу страстей или идей, общественную или личную катастрофу, обычно заканчивающееся гибелью героя.

Троп – слово или выражение, употребляемое в переносном значении для создания художественного образа и достижения большей выразительности. К Т. относятся такие приёмы, как эпитет, сравнение, олицетворение, метафора и др.

Футуризм – формалистическое течение в изобразительном искусстве и поэзии, возникшее в начале XX века в Италии, выражавшее идеологию агрессивно настроенной буржуазии, её милитаризм. В дореволюционной России футуризмом называли литературное течение, выражавшее анархические настроения. Для представителей этого течения в искусстве характерны:

1) демонстративный разрыв с традиционной культурой, отказ от классического наследия;

2) эксперименты в области слова (расширение поэтического словаря за счёт «словоновшества» и «словотворчества»);

3) эпатаж публики и зачастую литературное хулиганство.

Хорей – двусложный стихотворный размер с сильным первым слогом в стопе.

Художественное пространство и время – время, наряду с пространством (самые общие свойства бытия), изображается словом в процессе раскрытия характеров, ситуаций, жизненного пути героя, речи и пр. (изображение времени и пространства М. Бахтин предложил обозначить термином «хронотоп»).

Экспозиция (от *лат.* *expositio* – изложение, объяснение) – изображение положения действующих лиц, обстоятельств и обстановки, в которых они находятся до начала действия.

Экспрессия – выразительность.

Элегия – жанр лирического рода, небольшого размера, насыщенный эмоциональным содержанием, в переводе с греческого – «жалобная песня». Э. используется для выражения любовного состояния, романтической патетики.

Эпилог (от *греч.* *epilogos* – послесловие) – заключительный компонент произведения, финал, отделённый от действия, развёрнутого в основной части текста.

Эпитет – один из тропов, являющийся художественным, образным определением.

Эпопея – монументальное по охвату изображаемых событий прозаическое произведение.

Эпос – один из трёх родов художественной литературы (наряду с лирикой и драмой), повествование, характеризующееся изображением событий, внешних по отношению к автору. В зависимости от протяжённости изображаемого времени, охвата событий, в которых раскрываются человеческие характеры, различают крупные, средние и малые формы (жанры) эпоса. Крупные формы: эпопея, героический эпос, роман.

Эстетическая критика (художественная критика) – направление русской критики 1860-х гг., к которому принадлежали А.В. Дружинин, П.В. Анненков, В.П. Боткин. Противостояла *реальной критике* (Н.А. Добролюбов), защищая от нападков идеи умеренного либерализма («литературный тип слабого человека») и самоценность художественного творчества.

Эссе – очерк (научный, исторический, публицистический).

Юмор – наиболее жизнеутверждающая и сложная форма комического, когда серьёзное высказывается с усмешкой, в незначительном и даже ничтожном всегда просматривается важное и глубокое.

Ямб – двусложный стихотворный размер с сильным вторым слогом в стопе.

**Ключи верных ответов на вопросы заданий
по подготовке к экзамену**

Тема «Ф.М. Достоевский»

№ задания	Ответ
V1	монолог
V2	О преступлении
V3	Порфирий Петрович
V4	Соня
V5	тварь
V6	совесть
V7	эпилог
V8	анапест
V9	перекрёстная
V10	эпитет
V11	двоеточие
V12	аллитерация

Тема «Л.Н. Толстой»

№ задания	Ответ
V1	внутренний диалог (монолог)
V2	Тулон
V3	Наполеон
V4	эпитет
V5	слава
V6	антитеза (противопоставление)
V7	туман
V8	ямб
V9	перекрёстная
V10	сравнение
V11	ассонанс
V12	четверостишие

**Тексты для самостоятельной
и исследовательской работы**

Из русской литературы XIX века

А.С. Пушкин. «Какая ночь! Мороз трескучий...»

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах всё темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы.
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груди пещла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...
Недавно кровь со всех сторон
Струёю тощей снег багрила,
И подымался томный стон,
Но смерть уже, как поздний сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несётся?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздаётся?
Кто сей? – Кромешник¹ удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: «Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!...» Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетёной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой

¹ Кромешник – опричник.

Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчатся был готов.
Но борзый конь под плетью бьётся,
Храпит, и фыркает, и рвётся
Назад. «Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый.
Несись, лети !..» И конь усталый
В столбы под трупом проскакал.
(1827)

А.С. Пушкин. Медный Всадник (отрывок)
Петербургская повесть

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И в даль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назлом надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твёрдой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет – и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознёсся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживлённым берегам

Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Тёмно-зелёными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова¹.
Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром²,
Когда полнощная царица³
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом

¹ Вдова умершего царя, носящая царскую мантию, порфиру.

² В особо торжественных или опасных (наводнение, ледоход на Неве) случаях с Петропавловской крепости производили пушечные выстрелы.

³ «Полнощная» означает «северная», полнощная царица – русская царица.

Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лёд,
Нева к морям его несёт
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

*А.С. Пушкин. Капитанская дочка
(отрывок из гл. XI «Мятежная слобода»)*

– Слушай, – сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. – Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, от чего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-все только тридцать три года? – Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл до ворон. Вот завидели палящую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше напиток живой кровью, а там что бог даст! – Какова калмыцкая сказка? – Затеялива, – отвечал я ему. – Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Н.В. Гоголь. Невский проспект (фрагмент)

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет всё. Чем не блещит эта улица – красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных её жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! О, дамам ещё больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? Едва только взойдёшь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект.

Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга! Как чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ног оставило на нём следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, лёгкий, как дым, башмачок молодой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая по нём резкую царапину, – всё вымещает на нём могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нём фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнём с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими, только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопях, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих. Тогда Невский проспект пуст: плотные содержатели магазинов и их команди¹ ещё спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щеку и пьют кофий; нищие собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед, летавший вчера, как муха, с шоколадом, вылезает, с меглой в руке, без галстука, и швыряет им чёрствые пироги и объедки. По улицам плетётся нужный народ: иногда переходят её русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотою, не в состоянии бы был обмыть. В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре. Иногда сонный чиновник проплетётся с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент. Можно сказать решительно, что в это время, то есть до двенадцати часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нём. Русский мужик говорит о гривне или о семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками или говорят сами с собою, иногда с довольно разительными жестами, но никто их не слушает и не смеётся над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах, с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках, бегущих молниями по Невскому проспекту. В это время, что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы воротнички слишком далеко высунулись из вашего галстука, – никто этого не заметит.

В двенадцать часов на Невский проспект делают набеги гувернёры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностью изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах. Гувернантки, бледные миссы и розовые славянки, идут величаво позади своих лёгеньких, вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее; короче сказать, в это время Невский проспект – педагогический Невский проспект. Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернёров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку с своими пёстрыми, разноцветными, слаонервными подругами. Мало-помалу присоединяются к их обществу все, окончившие довольно важные домашние занятия, как-то: поговорившие с своим док-

тором о погоде и о небольшом прыщике, вскочившем на носу, узнавшие о здоровье лошадей и детей своих, впрочем показывающих большие дарования, прочитавшие афишу и важную статью в газетах о приезжающих и отъезжающих, наконец выпивших чашку кофею и чаю; к ним присоединяются и те, которых завидная судьба наделила благословенным званием чиновников по особенным поручениям. К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии и отличаются благородством своих занятий и привычек. Боже, какие есть прекрасные должности и службы! как они возвышают и услаждают душу! но, увы! я не служу и лишён удовольствия видеть тонкое обращение с собою начальников. Всё, что вы ни встретите на Невском проспекте, всё исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложёнными в карманы руками, дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках. Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, чёрные, как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах Провидение отказало в чёрных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие. Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не изобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, — предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие. Тысячи сортов шляпок, платьев, платков, — пёстрых, лёгких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владетельниц, ослепят хоть кого на Невском проспекте. Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над чёрными жуками мужского пола. Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно отойдёте к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим овладеет робость и страх, чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства. А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал её мужчина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским. Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринуждённо, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потушите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпица и поднимете её вверх. Здесь вы встретите разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений. Создатель! какие странные характеры встречаются на Невском проспекте! Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и, если вы пройдёте, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды.

Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но, однако же, ничуть не бывало: они большею частью служат в разных департаментах, многие из них превосходным образом могут написать отношения из одного казённого места в другое; или же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским, — словом, большею частью всё порядочные люди. В это благословенное время от двух до трёх часов пополудни, которое может назваться движущею столицей Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой — греческий прекрасный нос, третий несёт превосходные бакенбарды, четвёртая — пару хороших глазок и удивительную шляпку, пятый — перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая — ножку в очаровательном башмачке, седьмой — галстук, возбуждающий удивление, осьмой — усы, повергающие в изумление. Но бьёт три часа, и выставка оканчивается, толпа редет... В три часа — новая перемена. На Невском проспекте вдруг настаёт весна: он покрывается весь чиновниками в зелёных вицмундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат ещё воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они ещё не вполне оторвались от забот своих; в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии.

С четырёх часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нём хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого помычка, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий чужак, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкою в руках, какой-нибудь артельщик, русский человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою, живущий всю жизнь на живую нитку, в котором всё шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда он учтиво проходит по тротуару, иногда низкий ремесленник; больше никого не встретите вы на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настаёт то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет. Вы встретите очень много молодых людей, большею частью холостых, в тёплых сюртуках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель, или, лучше, что-то похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчётное; шаги всех ускоряются и становятся вообще очень неровны. Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежские регистраторы, титулярные и надворные советники большею частью сидят дома, или потому, что это народ женатый, или потому, что им очень хорошо готовят ку-

шанье живущие у них в домах кухарки-немки. Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такою важностью и с таким удивительным благородством прогуливались в два часа по Невскому проспекту. Вы их увидите бегущими так же, как молодые коллежские регистраторы, с тем, чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы, которой толстые губы и щёки, нащекатуренные румянами, так нравятся многим гуляющим, а более всего сидельцам, артельщикам, купцам, всегда в немецких сюртуках гуляющим целую толпою и обыкновенно под руку.

Из русской литературы XX века

А.А. Блок. Фабрика

В соседнем доме окна желты.
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, чёрный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовёт
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.
Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

1903

Из зарубежной литературы

Шекспир. Гамлет (отрывок)

Сцена 3. Пер. Б. Пастернака

Полоний – сыну.

<...> Стань под благословенье
И заруби-ка вот что на носу:
Заветным мыслям не давай огласки,
Несообразным ходу не давай.
Будь прост с людьми, но не запанибрата,
Проверенных и лучших из друзей
Приковывай стальными обручами,
Но до мозолей рук не натирай
Пожатыями со встречными. Старайся
Беречься драк, а сцепишься – берись
За дело так, чтоб береглись другие.
Всех слушай, но беседуй редко с кем.
Терпи их суд и прячь свои сужденья.

Рядись во что позволит кошелёк,
Но не франти – богато, но без вычур.
По платью познаётся человек.
Во Франции ж на этот счёт средь знати
Особенно хороший глаз. Смотри
Не занимай и не сужай. Ссужая,
Лишаемся мы денег и друзей,
А займы притупляют бережливость.
Всего превыше: верен будь себе.
Последует за этим верность всем.
Прощай, запомни всё и собирайся.

Андре Моруа.

***Открытое письмо молодому человеку
о науке жить (фрагменты)***

<...> Вам внушили, что мы живём на краю пропасти и что сознание смертельной опасности отнимает у нас последние крохи разума. Но люди всегда жили на краю пропасти, и это не мешало им любить, трудиться, созидать. Почему бы вам не последовать их примеру? Мне возразят: «Все изменилось. Людей прошлого поддерживала вера. К тому же им в отличие от нас не грозила опасность погибнуть вместе с планетой, на которой они живут». А кто мешает верить и вам? Боги умерли? Думаю, они просто стали иными. Не забывайте, что в вас есть нечто более великое, чем вы сами; не забывайте, что это величие заложено в каждом человеке: недаром подлеца терзают угрызения совести; не забывайте, что общими усилиями можно предотвратить катастрофу и не дать земному шару погибнуть от рук его обитателей; не забывайте и о том, что, даже если мы идём по краю пропасти, ничто не толкает нас вниз.

Вам внушили, что старые моральные ценности канули в прошлое. Это ложь. Если вы присмотритесь к современному человеку, то под словесной шелухой обнаружите человека, каким он был во все времена. Писатели трубят о конце классической культуры. «Факты неумолимы, – говорят они. – Не подлежит сомнению, что XX век завершает пятитысячелетний период развития человечества – эру великих классических культур – и мы стоим на пороге новой эры... Она не будет иметь ни малейшего сходства с прошлой; прежде обновлённая душа вселялась в исторически обусловленную оболочку; теперь новая душа оживит новое тело». Новая душа в новом теле? Ничего подобного. Я не верю ни в какое новое тело. Разве у нас не такие же сердце, печень, артерии, нервы, как у кроманьонцев? А что касается души, то моральные ценности – не бессмысленное изобретение дряхлых моралистов. Они потому и называются ценностями, что без них невозможны ни дальнейшее развитие общества, ни счастливая жизнь. Я напому вам для начала несколько древних как мир истин, отменить которые не может ни технический прогресс, ни нигилистическая философия.

Во-первых, нельзя жить для себя. Думая только о себе, человек всегда найдёт тысячу причин чувствовать себя несчастным. Никогда он не делал всего того, что хотел и должен был делать, никогда не получал всего того, чего, по его мнению, заслуживал, редко был любим так, как мечтал быть любимым. Без конца пережёвывая свое прошлое, он будет испытывать одни сожаления да угрызения совести, меж тем и то и другое бессмысленно. «Наши ошибки обречены на забвение, ничего иного

они не заслуживают». Зачеркнуть прошлое всё равно невозможно, попытайтесь лучше создать настоящее, которым вы впоследствии сможете гордиться. Разлад с самим собой – худшее из зол. Всякий, кто живёт ради других – ради своей страны, ради женщины, ради творчества, ради голодающих или гонимых, – словно по волшебству забывает свою тоску и мелкие житейские неурядицы. «Подлинный внешний мир – это подлинный внутренний мир».

Второе правило – надо действовать. Вместо того чтобы жаловаться на абсурдность мира, постараемся преобразить тот уголок, куда забросила нас судьба. Мы не в силах изменить вселенную, да и не стремимся к этому. Наши цели ближе и проще: заниматься своим делом – правильно выбрать его, глубоко изучить и достичь в нём мастерства. У каждого своё поле деятельности: я пишу книги, столяр сколачивает мне книжный шкаф, постовой регулирует уличное движение, инженер делает расчёты, мэр управляет коммуной. Если человек в совершенстве овладел каким-нибудь ремеслом, работа приносит ему счастье. Даже в свободное время люди не сидят сложа руки – они занимаются такой, казалося бы, бесполезной деятельностью, как игры и спорт. Регбист счастлив, даже когда противник валит его в грязь. Что же касается полезных дел, то мы радуемся их результатам: деятельный мэр следит за порядком в городе, деятельный священник пестует прихожан – и оба получают удовольствие от плодов своего труда.

Третье правило – надо верить в силу воли. Неверно, что будущее целиком и полностью predetermined. Великий человек может изменить ход истории. Тот, у кого достанет смелости захотеть, может изменить свое будущее. Безусловно, никто из нас не всемогущ; человеческая свобода имеет свои пределы. Она живёт на границе возможностей и желаний. Не в моей власти помешать войне, но мои устные и письменные призывы, помноженные на призывы миллионов других людей, ослабят угрозу войны. В моей власти не повторять моим соотечественникам по всякому поводу и без повода, что им было нанесено оскорбление и честь повелевает отомстить ценой собственной жизни и жизни своей страны. Я не в силах выиграть битву, но я в силах быть храбрым солдатом и исполнить свой долг. И поскольку «возможности наши зависят от того, на что мы дерзнём», нужно, не задумываясь об их ограниченности, быть всегда в форме. Давая себе поблажки, человек ленится и трусит; усилием воли он заставляет себя трудиться на совесть и совершать геройские поступки. Быть может, воля и есть царица добродетелей.

Не менее важно и четвёртое правило – надо хранить верность. Верность слову, обязательствам, другим, себе самому. Надо быть из тех людей, которые никогда не подводят. Верность – добродетель не из лёгких. Человека ждёт тысяча искушений.

<...> Наверно, эти жизненные правила покажутся вам и слишком строгими, и слишком общими. Я прекрасно это понимаю, но других предложить не могу. Я не требую от вас, чтобы вы прожили жизнь суровым стойком. Развивайте в себе чувство юмора. Будьте способны улыбнуться своим – и моим – словам и поступкам. Если вы не можете побороть свои слабости, смиритесь с ними, но не забывайте, в чём ваша сила.

СОДЕРЖАНИЕ



Нашим ученикам, педагогам, родителям 3

ВВЕДЕНИЕ.

Русская литература в контексте мирового
литературного процесса 7

РАЗДЕЛ I

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ЗЕРКАЛО НАРОДНОЙ ДУШИ

 «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЕСЬ БОРЬБА»	
Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881)	26
Жизнь Ф.М. Достоевского в письмах и воспоминаниях	29
Читаем и обсуждаем роман «Преступление и наказание»	41
«Преступление и наказание» в оценке критики. М.М. Бахтин. «Диалог Достоевского»	73
Готовимся к экзамену	78
«САМЫЙ РУССКИЙ ИЗ РУССКИХ»	
Николай Семёнович Лесков (1831–1895)	83
Жизнь и творчество Н.С. Лескова	86
Читаем рассказ «Запечатлённый ангел»	91
Критика о праведниках Лескова	102
«ОГРОМНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, КОТОРОГО НЕ ЗАМЕЧАЛИ»	
Андрей Платонович Платонов (1899–1951)	104
Жизнь и творчество А.П. Платонова в документах и письмах	106
Читаем повесть «Сокровенный человек»	113
Творчество Андрея Платонова в оценке критики	125
«САМЫЙ БЕСКОМПРОМИССНЫЙ ИЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»	
Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)	128
Жизнь и творчество В.Т. Шаламова в воспоминаниях и документах	132
Читаем рассказ «Последний бой майора Пугачёва»	138
Критика о рассказе Шаламова	146
 «ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ»	
Лев Николаевич Толстой (1828–1910)	148
Л.Н. Толстой о своей жизни	153
Читаем и обсуждаем роман «Война и мир»	171
Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в оценке критиков	195
Готовимся к экзамену	200
Словарь основных понятий и терминов	204
Ключи верных ответов на вопросы заданий В1–В12	212
ПРИЛОЖЕНИЕ. Тексты для самостоятельной и исследовательской работы	213

Бунеев Рустэм Николаевич, **Бунеева** Екатерина Валерьевна,
Чиндилова Ольга Васильевна

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
ЛИТЕРАТУРА

11 класс
Базовый уровень
В 2 частях. Часть 1

Подписано в печать 25.04.15. Формат 70х108/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Объем 14 п.л. Тираж 3000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953005 – литература учебная

Издательство «Баласс». 109147 Москва, Марксистская ул., д. 5, стр. 1

Почтовый адрес: 111123 Москва, а/я 2, «Баласс»

Телефоны для справок: (495) 368-70-54, 672-23-34, 672-23-12

<http://www.school2100.ru> E-mail: izd@balass.su

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»

ОАО «Издательство "Высшая школа"»
214020 Смоленск, ул. Смольянинова, 1